

crime story
№1

Татьяна
ГАРМАШ-РОФФЕ
Дарья ДОНЦОВА
Татьяна ПОЛЯКОВА

а также:

Наталья Александрова
Мария Брикер
Ольга Володарская
Дарья Калинина

Annotation

Дарья Донцова, Татьяна Полякова, Татьяна Гармаш-Роффе – эти писательницы не нуждаются в особом представлении. Читатели давно знают и любят их великолепные детективные романы, держащие в напряжении от первой до последней страницы. В сборник "Crime story №1" вошли остросюжетные рассказы этих и других авторов – короткие криминальные истории, где на нескольких страницах сконцентрировано все, что вы так любите и цените в детективном жанре!

Содержание сборника:

Наталья Александрова «Олень из Лапландии»

Мария Брикер «Черная Снегурочка»

Ольга Володарская «Ошибка Деда Мороза»

Татьяна Гармаш-Роффе «Снеговик»

Дарья Донцова «Болтливый розовый мишка»

Дарья Калинина «Парад наследников»

Татьяна Полякова «Человек, подаривший ей собаку»

-
- [Татьяна Гармаш-Роффе, Дарья Донцова, Татьяна Полякова, Наталья Александрова, Мария Брикер, Ольга Володарская, Дарья Калинина](#)
    - [Наталья Александрова](#)
    - [Мария Брикер](#)
    - [Ольга Володарская](#)
    - [Татьяна Гармаш-Роффе](#)
    - [Дарья Донцова](#)
    - [Дарья Калинина](#)
    - [Татьяна Полякова](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

**Татьяна Гармаш-Роффе, Дарья Донцова, Татьяна Полякова,
Наталья Александрова, Мария Брикер, Ольга Володарская,
Дарья Калинина
Crime story № 1**

Наталья Александрова

Олень из Лапландии

– Зайдем к Люсе, кофейку дернем! – предложил Жека. – Замерз совсем с этой погодой, ну ее на фиг! Не поймешь, не то зима, не то осень, не то вообще безобразия полное!

Погода и вправду не радовала. На дворе конец декабря, а снегу не было и в помине. То есть падала с неба какая-то мокрая дрянь и тут же торопливо таяла на асфальте.

– Слушай, мы с утра в отделении не были! – Валентин многозначительно постучал по стеклышку часов. – Если, не дай бог, на начальство нарвешься...

Кафе называлось просто и незамысловато, «Незабудка», и располагалось очень удобно, как раз рядом с их родным отделением милиции, так что все сотрудники частенько забежали туда выпить кофейку, который, надо сказать, отлично варила барменша Люся.

В помещении было тепло, чисто и пусто. Пахло кофе и булочками с корицей. За стойкой никого не было.

– Эй! – оживленно заорал Жека. – Люся, ты где?

– Ну что разорались? – Эффектная блондинка Люся вышла из подсобки. – На минуту отойти нельзя...

Она прикрыла за собой дверь, но приятели успели заметить, что там кто-то есть.

– Что это у тебя так пусто? – осведомился Валентин, отметив, что Люся сегодня явно не в духе, и немало этому удивился, поскольку нрав она имела приветливый, щеки от природы румяные и улыбку приятную.

– Да ваша контора мне всех клиентов распугала, – огрызнулась Люся, – теперь нормальные люди сюда и не ходят: кому охота с ментами сталкиваться?

– Ну, нам свободнее... – радостно сказал Жека. – Давай, Люлек, мне кофе самый большой со сливками и еще булочку... нет, лучше две...

– Бери уж сразу четыре, – ехидно ответила Люся, – чтобы два раза к стойке не ходить... И не смей меня Люльком называть! Кому Люся, а кому – Людмила Павловна!

– Ух ты! – удивился Жека. – Скажите пожалуйста, как все запущено! А я тогда капитан Топтунов, а вот он – капитан Мехреньгин!

– Вам, товарищ капитан, – обратилась Люся к Мехреньгину, – тоже четыре булочки?

– Недавно же пообедали... – вздохнул Валентин, представив, сколько времени Жека будет поедать булочки. – Мне двойной черный кофе с лимоном.

– А что это ты, Люся, сегодня такая сердитая? – вкрадчивым голосом осведомился Жека. – И кто это у тебя там находится?

Звуки из подсобки были хорошо слышны, там кто-то двинул стул, высморкался и тяжело вздохнул. Затем скрипнула дверь, и гнусавый голос спросил тихо:

– Люсь, у тебя косметичка где? Глаза хоть накрасить...

Жека перегнулся через стойку и сильно потянул на себя дверь, так что девчонка вылетела из подсобки, едва не врезавшись в Люсю. Она была растрепана и заревана, оттого и голос гнусавый.

При виде нового лица дамского пола Жека сделал стойку не хуже спаниеля на болоте. Надо отдать должное напарнику Валентина Мехреньгина: Жека Топтунов обожал всех женщин от восемнадцати до тридцати восьми, независимо от внешнего вида и природных данных, ну разве уж совсем крокодилица попадет. Эта была ничего себе, если причесать и умыть, просто у человека случился сейчас трудный период.

– Вот, познакомьтесь, – проворчала Люся, – Татьяна, подруга моя.

Девчонка только тяжело вздохнула, не сделав попытки прихорошиться, из чего капитан Мехреньгин понял, что у нее и вправду неприятности.

– А что у нас случилось? – мигом заворковал Жека, прихватив девушку под ручку и ненавязчиво подталкивая ее к столику. – А отчего мы плакали? Кто же нас обидел?

– Вот мы ему сейчас нанашки... – насмешливо продолжила Люся из-за стойки. – Евгений, не валяй дурака и не трать зря свое обаяние! Неприятности у нее не смертельные. Ну, подумаешь, директор, козел, недостатку навесил!

– Так обидно ведь... – Татьяна захлопала носом. – Я же ни в чем не виновата!

– Так, может, он сам из кассы ворует? – брякнул Жека.

Люся на это выразительно покрутила пальцем у виска, а Таня, вздохнув в который раз и приняв от Валентина чистую салфетку, начала рассказывать.

Она работает в магазине игрушек – да-да, в том самом, что на соседней улице. Магазин хоть и небольшой, но хороший, много всего – игры, игрушки, сопутствующие товары и детский транспорт.

Сегодня с утра Таня была в зале одна, потому что ее напарница недавно вышла замуж и уволилась, а директор никак не может найти новую продавщицу. Она, Таня, уверена, что он тянет нарочно, из жадности, – после Нового года в делах застой, покупателей будет мало, так что можно сэкономить лишнюю ставку. В общем, Таня прогуливалась по залу, переглядываясь с Галей, что сидит на кассе.

– С утра народу мало, это потом набегают за подарками к Новому году и Рождеству, – пояснила Таня.

– Да не тяни ты время! – крикнула Люся, и капитан Мехреньгин с ней согласился, незаметно поглядывая на часы.

В магазин зашла пара – высокий молодой человек с беременной женой. Они выбирали коляску. К таким покупателям Таня относится очень внимательно. Она долго показывала им разные модели колясок и перечисляла их достоинства. Только будущей маме все не подходило.

Краям глаза Таня видела, что в магазин вошел еще один покупатель – небольшого роста молодой человек или мальчик. Лица она не разглядела, потому что беременная все время ее теребила и требовала внимания. Однако Таня знала, что Галя в случае чего приглядит за покупателем.

Парень свернул в сторону мягких игрушек, и Таня выпустила его из виду, а потом вдруг услышала крик и топот. Оказалось, что парень брызнул в лицо приблизившейся Галине какую-то гадость из баллончика, а сам убежал, прихватив большую и дорогую мягкую игрушку.

– Я смотрю, – Таня снова промокнула глаза салфеткой, – Галка стоит, руки ко рту прижала, а глаза у нее из орбит прямо вылезают. Потом начала кашлять и на пол села. Я не знаю, что делать, тут бухгалтерша прибежала, Анна Михайловна, вызвали Галке «Скорую». Директор приехал, сразу на меня бочку начал катить, никаких оправданий не слушает. Орет, что премии меня лишит да еще стоимость игрушки вычтет, а она дорогушая!

– Да-а... – протянул Жека, – тяжелый случай с директором твоим...

– А что украли-то? – поинтересовался Мехреньгин.

– Да в том-то и дело! – Татьяна всплеснула руками. – Олень северный меховой, здоровущий – чуть не в натуральную величину! Почти год у нас стоял, никто его не брал! Потому что если ребенку купить – так он полквартиры займет, и не всякий ребенок доволен будет с такой машиной рядом существовать. А если, к примеру, в детский садик – то для чего он нужен-то...

– Значит, кому-то понадобился, – авторитетно сказала Люся, включив кофеварку.

– Олень, говоришь? – оживился Жека. – А рога у него есть?

– Вот такие! – показала Татьяна.

– Ну, все ясно. Это баба какая-нибудь своему муженьку подарок решила сделать с намеком...

– А красть-то зачем? – всерьез озаботился Мехреньгин. – Ну, купила бы в магазине, как все люди, если уж такая приколистка...

– И я теперь из-за этого северного оленя без пальто осталась! – горестно проговорила Татьяна. – Пять месяцев деньги откладывала, присмотрела пальтишко, норкой отделанное, а теперь мало того, что премии не дадут, так еще и выплачивать придется! Он, зараза, дорогой, больше трех тысяч стоит!

– Не реви, – строго сказал Жека, – мы на твоего директора экономический отдел напустим, они что-нибудь накопают...

Таня махнула рукой и отвернулась.

Всю дорогу до отделения капитан Мехреньгин был удивительно тих и задумчив. Когда он третий раз ответил Жеке невпопад, тот всерьез обеспокоился.

– Опять? – грозно спросил Жека. – Ох ты, горе мое!

Жека волновался не напрасно. Всем друзьям и коллегам капитана Мехреньгина было известно, что капитан обожает разгадывать загадки. Не те, что публикуют на последней странице развлекательных газет, а криминальные. Казалось бы, ему и по долгу службы положено этим заниматься, ан нет, тут было совсем другое.

Мехреньгин умел найти загадку в самом на первый взгляд простом деле. Вроде бы обычному человеку все ясно, а капитан Мехреньгин начинает задумываться, вот как сейчас. Начальству такой подход к делу очень не нравился, потому что Мехреньгин во время решения очередной детективной задачи становился рассеянным и подчистую забывал о своих прямых обязанностях. Коллеги тихонько над капитаном подсмеивались, а напарник Женька Топтунов считал, что трудиться следует только тогда, когда начальство

приказало, а самому искать на свою голову приключений глупо и чревато.

– Валентин, я тебя серьезно предупреждаю... – начал Жека.

– Но за каким чертом все-таки украли оленя? – пробормотал Мехреньгин с самым отсутствующим видом.

– Слушай, – Жека даже остановился, – ну что ты за человек? Ну мало ли на свете непонятных вещей? Куда деваются корабли в Бермудском треугольнике? Откуда взялся Тунгусский метеорит? Отчего зарплата кончается ровно через три дня? Ты же не пытаешься найти ответы на эти вопросы! Да мало ли кому этот рогатый олень понадобился? Да, наконец, просто так уперли, из хулиганских соображений! Не бывает разве?

– Бывает... – нехотя согласился Мехреньгин.

– И потом, где ты тут видишь криминал? – горячился Жека. – Нас вызывали? Не вызывали. Дело открыли? Не открыли. А что девчонка наболтала – так, может, она все наврала...

– Брось, девушка неплохая, – слабо возразил Валентин, – опять же Люся ее хорошо знает...

Люся была для Жеки авторитетом, поговаривали даже, что когда-то был у них роман, после которого они сумели остаться друзьями. Но Валентин не верил – он видел как-то Люсю с солидным немолодым мужиком на крутой тачке.

Дискуссия прервалась сама собой – капитаны добрались до родного отделения.

В бизнес-центре «Старая крепость» царил обычное дневное оживление. Автоматические двери то и дело распахивались, пропуская сотрудников и клиентов расположенных в центре фирм, курьеров и торговых представителей. Дежурный за стойкой едва успевал выписывать разовые пропуска.

Посетителей было даже больше обычного, поскольку до Нового года оставалось всего несколько дней и все торопились доделать текущие дела, а кроме того, спешили поздравить компаньонов и контрагентов с наступающим праздником.

Посреди холла красовалась огромная рождественская ель, украшенная разноцветными шарами, бантами и рекламными флажками с логотипами фирм-арендаторов.

Двери в очередной раз распахнулись, и в холл ввалились несколько рабочих в аккуратной синей униформе, толкая перед собой два больших ящика.

– Это еще что такое? – осведомился дежурный, перегнувшись через стойку.

– «Старая крепость»? – пропыхтел один из рабочих, облокотившись на ящик.

– Ну?!

– У меня накладная! – Рабочий помахал в воздухе смятым листком бумаги. – Доставили в соответствии с документами. Распишись внизу!

– Да что доставили-то?

Рабочие тем временем открыли ящики и вытащили оттуда большого красивого северного оленя (почти в натуральную величину), нарядные саночки и маленького аккуратного Санта-Клауса в толстом красном кафтане, с белоснежной окладистой бородой.

Оленя поставили рядом с елкой, впрягли его в санки, а на санки усадили Санту.

– Кто прислал-то? – спросил дежурный, разглядывая накладную.

– А я знаю? – Рабочий пожал плечами. – Претензии по доставке есть? Нету? Тогда расписывайся!

Дежурный нехотя расписался, рабочий спрятал накладную, и бригада исчезла из холла.

Дежурный бросил еще один взгляд на живописную композицию, подумал, что это, вероятно, инициатива кого-то из арендаторов, и занялся своим непосредственным делом, поскольку к стойке уже выстроилась очередь.

До конца рабочего дня все шло как обычно. После семи поток посетителей начал иссякать, к восьми он совсем обмелел, зато потянулись к выходу последние арендаторы. Наконец ушли и они.

Зато пришел ночной охранник Василий Кузьмич.

– Это чтой-то у нас такое? – удивился он, разглядывая композицию под елкой. – Дед Мороз какой-то странный...

– Ты, Кузьмич, как с пальмы слез, – усмехнулся дежурный, – это не наш Дед Мороз, а тамошний, заграничный. Рождество-то завтра не наше, не православное, вот его и поставили... Но и до нашего, думаю, постоит.

– Ишь ты, – восхитился Кузьмич, – олень-то какой натуральный... А наш-то все больше пешком ходит, мешок на себе таскает... транспортом не обеспечен...

– Зато девчонка при нем, Снегурочка! – дежурный подмигнул и засобирался домой.

Он поставил входные двери на сигнализацию, попрощался с ночным охранником и отправился домой.

Василий Кузьмич сделал запись в журнале дежурства и отправился в обход здания, а на самом деле в комнату охраны, где у него имелся электрический чайник, пакет вкусных крекеров и газета с кроссвордом.

Едва шаги охранника затихли в коридоре. Санта-Клаус пошевелился и поднялся с саней. Оглядевшись по сторонам, он размял суставы, помахал руками и ногами, чтобы разогнать кровь, и крадучись двинулся к лестнице, ведущей на второй этаж бизнес-центра.

Остановившись перед дверью с логотипом фирмы «Астра-центр», он покопался в карманах своего красного кафтана и достал оттуда маленькое круглое устройство. Это устройство подозрительный Санта приложил к кодовому замку на двери офиса. Замок зажужжал, щелкнул и послушно открылся.

Санта-Клаус снова оглядел коридор и, убедившись, что его никто не видит, проскользнул в помещение фирмы.

Доктор запретил охраннику Василию Кузьмичу пить крепкий чай и кофе. Так что чай он пил зеленый, жидкий, оттого ночью невыносимо хотелось спать. Спать же на работе было нельзя. Василий Кузьмич открывал форточку, делал приседания и энергичные наклоны и каждые два часа прогуливался по вверенным ему помещениям, чтобы разогнать дрему, а заодно и проследить за порядком. На самом деле вполне можно было и не выходить – кто полезет сюда ночью? Брать в офисах особо нечего, ни денег больших, ни вещей ценных. Ювелирный, к примеру, магазин Василий Кузьмич ни в жизнь охранять не согласился бы – себе дорожке обойдется, если что...

А тут здание на сигнализации, в холле камеры понатыканы – не дежурство, а сплошной курорт.

Однако вредный организм никак не хотел изменить многолетней привычке спать по ночам, так что Василий Кузьмич решил прогуляться по этажам.

Еще издали он заметил, что дверь в один из офисов приоткрыта. На дежурстве Василий Кузьмич всегда переодевался в теплые тапочки на войлочной подошве. Бесшумно ступая, он подкрался к двери и заглянул в щелку. В офисе было темно, но в кабинете директора он заметил мерцающий свет – там кто-то находился.

Далее Василий Кузьмич действовал строго по инструкции. Стараясь не шуметь и даже не дышать, он направился к тревожной кнопке и, только уверившись, что вызов принят, отважился заглянуть в офис фирмы «Астра-центр». Офис по-прежнему был пуст и в кабинете директора темно, но, когда Василий Кузьмич разочарованно всунулся в комнату, в голове его будто взорвалась электрическая лампочка, и он перестал воспринимать окружающую действительность.

Утром в кабинете Валентин застал злого, невыспавшегося Жеку. Тот мрачно пил кофе из большой кружки с отбитой ручкой.

– Ты где ходишь? – накинулся он на Мехреньгина. – Начальство нам еще работенку подбросило, будто других дел нету!

– Что стряслось? Убийство?

– Да нет, типун тебе на язык! Бизнес-центр ограбили, «Старую крепость», – с досадой ответил Жека.

– Много чего взяли? – оживился Мехреньгин.

– Да черт его знает, что взяли! – Жека совсем разозлился. – Охраннику по голове дали, он в больнице с сотрясением мозга. И отчего это мы всегда кофе такой гадостный покупаем?

– Оттого, что ты его с Люсиным сравниваешь, – отмахнулся Мехреньгин. – Пойдем сразу, пока я куртку не снял.

В бизнес-центре все было как обычно – люди должны работать, не закрывать же все здание по такому, в общем-то незначительному, поводу. В холле переливалась разноцветными огоньками высокая ель, под ней сиротливо стояли яркие расписные саночки. Рядом скучал игрушечный меховой олень почти в натуральную величину. Капитан Мехреньгин замедлил шаг, потому что в голове мелькнула какая-то мысль, но Жека потянул его на второй этаж.

Офис фирмы «Астра-центр» был открыт нараспашку, перед дверью торчал Семафоров из отдела технической экспертизы, обнюхивал замок.

– Привет, Валентин! – повернулся он к Мехреньгину. – Привет, Жека!

– Ну, чего тут? – осведомился капитан. – Взлом?

– Да нет. – Семафоров отряхнул пиджак, выпрямился. – Качественно дверка открыта, профессионально!

С применением специального технического устройства, так что следов взлома ни за что не найдешь. Я просто такое уже видел, поэтому и понял...

– Ясно... – мрачно протянул Мехреньгин и вошел в офис.

– Я же вашим людям уже говорил, что у нас ничего не пропало! – С ходу напустился на него крупный

толстый мужчина лет сорока. – Совершенно ничего! Ну, зачем вы приехали, только работать мешаєте!

– Вы кто? – Мехреньгин, все больше мрачней, уставился на толстяка.

– Я директор... Кокошин Илья Васильевич... – отозвался тот, несколько сбавив напор.

– А моя фамилия Мехреньгин, – веско заметил капитан, – это река такая – Мехреньга.

Директор замолчал и выпучил глаза.

– Вот что, гражданин Калошин, – продолжал капитан, – здесь произошло преступление, человеку нанесены тяжкие телесные увечья, и мы обязаны во всем разобраться! Так что это еще посмотреть надо, кто кому работать мешает!

– Я Кокошин... – робко поправил Мехреньгина сникший директор.

– Тем более! Что, у вас действительно совсем ничего не пропало?

– Говорю вам – ничего! Только мой стол с места сдвинули и немного повредили...

– Стол, говорите? – Мехреньгин оживился. – Покажите мне этот стол!

Директор провел капитана через офисное помещение, через приемную, где тихо, как мышка, сидела его секретарша, и впустил в свой кабинет.

Кабинет был просторный, красиво отделанный, но, безусловно, главным его украшением служил старинный письменный стол красного дерева с инкрустациями и бронзовыми накладками.

Стол этот стоял как-то боком, почти посредине кабинета.

– Вот, – Кокошин показал на стол, как будто знакомил его с капитаном Мехреньгиным, – сдвинули с места и повредили...

– Посмотрим...

Мехреньгин обошел стол, полюбовался на его инкрустированные дверцы, на выдвижные ящики.

– Хороший стол, – проговорил он одобрительно.

– Антикварный! – Директор зарделся, как будто это ему сделали комплимент. – Дорогой очень! Только вы посмотрите, что с ним сделали... там, внизу...

Мехреньгин опустился на колени и заглянул под стол. В правой тумбе была выломана часть облицовки, под ней виднелось темное пустое пространство.

– У вас здесь тайник был? – спросил Мехреньгин, выглядывая из-под стола.

– Да не было никакого тайника! – возмущенно отозвался директор. – Если даже и был, я о нем не имел никакого понятия!

– Допустим, – пропыхтел Мехреньгин, выползая из-под стола. – А вот это что такое? – И он показал Кокошину клочок красной шерстяной ткани.

– Понятия не имею. – Хозяин кабинета пожал плечами.

– Допустим... – Мехреньгин встал, вышел из кабинета и внимательно взглянул на секретаршу, которая под его взглядом еще больше оробела.

Собственно, глядел он не столько на секретаршу, сколько на ее одежду.

Одета она была в белую блузку и строгий офисный костюм светло-бирюзового цвета.

– Допустим! – повторил капитан и покинул офис.

В дверях Жека трепался с экспертом.

– Эй, ты куда? – окликнул он напарника.

– Погоди! – отмахнулся от него Мехреньгин.

– Не нравится мне это его выражение лица! – пожаловался Жека Семафорову. – Опять без премии останемся!

Мехреньгин спустился на первый этаж и остановился перед рождественской елкой. Точнее, перед оленем, запряженным в расписные саночки.

– Олень... – проговорил Мехреньгин задумчиво, – вот ты, оказывается, где...

– Здесь еще Дед Мороз был! – сообщил, бесшумно приблизившись, дежурный.

– Дед Мороз? – заинтересованно переспросил капитан.

– Ну да... этот, как его... Санта-Клаус! Прямо как живой!

– Как живой? А куда же он делся?

– Не знаю! – Дежурный развел руками.

– А что же вы не сообщили о пропаже?

– А он неизвестно чей... вчера привезли вместе с оленем и санками, а утром прихожу – нету...

– Ага! – Мехреньгин схватил дежурного за плечи. – А одет он как был?

– Кто? – дежурный испуганно попятился.

– Ну он, Санта-Клаус!

– В красную куртку... – ответил дежурный после непродолжительного раздумья.

- Вот в такую? – капитан показал ему клочок красной ткани.
  - Точно!
  - Спасибо! – Мехреньгин отпустил дежурного и снова понесся наверх.
- Вбежав в офис, он повел вокруг носом, словно приносящаяся.
- Ну что, нашел что-нибудь? – спросил его Жека.
  - Подожди, не сбивай с мысли...

Мехреньгин вошел в приемную, огляделся по сторонам. Секретарша сидела тише воды ниже травы.

Мехреньгин подошел к шкафу, на котором сверху были навалены какие-то рулоны и стопки бумаг, и вдруг выбросил вперед руку.

На краю верхней полки трепыхались несколько красных ворсинок.

- Вы красное не носите? – спросил капитан секретаршу.
- Нет... – испуганно пискнула та, – мне не идет...
- Очень хорошо! – одобрительно проговорил Мехреньгин, придвинул к шкафу стул и взобрался на него.
- Очень хорошо! Вот, значит, куда он это спрятал!
- Кто? – спросила секретарша, в душе которой любопытство боролось с робостью.
- Дед Мороз! – ответил Мехреньгин и запустил руку в завал на шкафу.

– Все равно висяк получится, – огорченно говорил Жека, когда они возвращались из «Старой крепости» в отделение. – Дело-то по поводу ограбления открыли, отписывайся теперь... Да и дело ерундовое...

– Вот интересно! – возмутился Мехреньгин. – Человека же по голове приложили – говорят, в тяжелом состоянии, бредит... А ты говоришь – ерунда!

– Все равно никого не найдем! – твердил упрямый Жека.

– Найдем... – проговорил Мехреньгин. – Есть у меня одна мысль... Надо бы к Люсе зайти...

– Это всегда пожалуйста! – Жека повеселел и ускорил шаг.

У Люси был народ, так что она только кивнула капитанам и, не дожидаясь заказа, поставила на поднос две чашки кофе с горячими румяными круассанами. Мехреньгин, однако, этим не удовлетворился и все вертел головой, дожидаясь, когда можно будет перемолвиться с барменшей словечком.

– Какая ты, Люся, сегодня симпатичная, – начал Валентин издали, когда удача ему улыбнулась и за стойкой никого не оказалось.

Люся взглянула на него в полном удивлении – это Жека вечно отпускаял всем комплименты и вообще вязался к каждой юбке, а Мехреньгин всегда держался скромно.

– Кофточка эта новая тебе очень идет... – гнул свое Валентин.

Люся фыркнула – надо же, даже кофточку заметил.

– Чего надо-то? – по-свойски спросила она. – Говори прямо.

– А вот как бы мне Танечку, подружку твою, повидать... – Валентин скромно опустил глаза, так как знал о Люсиной проницательности.

– Так понравилась? – прищурилась Люся.

– Очень! – соврал капитан Мехреньгин для пользы дела.

– Забудь про это! – отрубил Люся. – Танька зла на вас – жуткое дело! Ничего тебе там не светит! – И, не дожидаясь вопросов, продолжила: – Этот тип, – она указала на Жеку, – напустил-таки на директора Танькиного магазина ребят из экономического отдела. Директор, конечно, испугался, ну и уволил Таньку, чтобы она никому не рассказывала, что он кассу скручивает. И вторую, Галку, тоже, когда она из больницы вышла.

– Ну и ну! – поразился Мехреньгин.

– Говорила ведь ему – не суйся туда, – с досадой добавила Люся, – только хуже сделаешь! Так оно и вышло... Так что к Таньке не подкатывай – ничего не обломится.

– Ладно, Люся, ты уж извини, но адресочек ее мне дай, – решительно сказал Мехреньгин, отбросив дипломатию. – Мне для дела нужно ее допросить.

Люся взглянула ему в глаза и все поняла.

– Так бы сразу и сказал, – буркнула она, стремясь оставить за собой последнее слово.

Капитан Мехреньгин подошел к дверям заведения, взглянул на вывеску. «Печки-лавочки» – та самая забегаловка, про которую говорила барменша Люся.

Неожиданно у Мехреньгина засосало под ложечкой, и он вспомнил, что сегодня еще не обедал. Ну что ж, заодно можно перекусить!

Он толкнул дверь, вошел в заведение и едва не оглох. Внутри стоял гул голосов, звон стаканов, стук

вилок, и все это перекрывал несущийся из динамиков разудалый голос певицы:

– Золотится роза чайная, как бокал вина...

Оправдывая название, возле стены громоздилась большая беленая печь, украшенная ухватами и рушниками.

Мехреньгин углядел в углу свободный столик, пробрался к нему и сел так, чтобы можно было видеть зал.

За соседним столом гуляла компания торговых моряков, отмечавших прибытие в родной порт; чуть подалее закусывали несколько шоферов-дальнобойщиков. По залу сновали несколько замотанных официанток, но Тани капитан среди них не видел.

– Обедать будем или так, выпить-закусить? – раздался над ним женский голос.

– Обедать, – отозвался капитан, подняв глаза на официантку.

Это была выдавшая виды женщина под сорок, в короткой юбке и несвежем переднике.

– Котлеты берите, – посоветовала официантка, разглядывая Мехреньгина без особого человеческого интереса.

– Ну, давайте котлеты, – согласился покладистый капитан и сглотнул набежавшую слюну. Ему резко захотелось котлет, наваристых щей со сметаной и еще, пожалуй, компота из сухофруктов, который часто готовили в детском саду, куда водила маленького Валю мама.

– А Таня сегодня выходная? – осведомился он, пока официантка небрежно протирала стол.

– Таня? – В глазах женщины загорелся интерес, теперь она оценивала посетителя по пятибалльной шкале. – А она вам лично зачем? Вы ей кто?

– Знакомый, – отозвался Мехреньгин, снова сглатывая слюну. – Так выходная она или как?

– Тут она. – Женщина выпрямилась и повторила с растяжкой: – Знако-омый!

Видно было, что она проставила «знакомому» невысокий балл – примерно троечку.

– Если тут, мне бы с ней поговорить...

– Надька, ты нам скоро пиво принесешь? – гаркнул один из дальнобойщиков.

– Потерпишь! – отозвалась официантка, не поворачивая головы. – Тебе пива вообще нельзя, скоро ни в одну дверь не пройдешь! Кабину расширять придется!

– Так мне бы с Таней поговорить... – напомнил о себе Мехреньгин.

Официантка ничего не ответила и удалилась, выразительно виляя бедрами. Через несколько минут появилась Татьяна, с удивлением уставилась на Мехреньгина:

– Вы? Чего вам от меня надо?

– Между нами дверь стеклянная-ая! – взвела певица так, что на столах задребезжали стаканы.

– Поговорить бы! – просительным тоном отозвался капитан.

Он присмотрелся к девушке и заметил, что глаза и нос у нее подозрительно красные.

– О чем? – фыркнула Татьяна. – Поговорили уже один раз! Видите, где я теперь работаю? – И она обвела взглядом заведение.

– Обижают? – сочувственно произнес Мехреньгин.

– Вот еще! – Татьяна шмыгнула носом и присела за столик. – А вам-то что за дело?

– Может, я помочь хочу...

– Помогли уже! Я в приличном магазине работала, покупатели приятные, счастливые, игрушки красивые, а тут... Все только и знают, что хамят и лапают, лапают и хамят... от мата уши уже завяли... – Она снова громко шмыгнула носом, так что Мехреньгин испугался, что заплачет. Но Татьяна не заплакала и проговорила совершенно другим тоном: – Ну, о чем вы хотели поговорить?

– Таня, вы мне когда про ту историю рассказывали... когда у вас оленя украли... вы ничего особенного не заметили? Приметы какие-нибудь?

– Что, у нас теперь с преступностью совсем покончено? – снова фыркнула девушка. – Если милиция поиском игрушечного оленя занимается – значит, ничего серьезнее не происходит?

– Да происходит! – отмахнулся Мехреньгин и тяжело вздохнул. – Еще как происходит! Получается, что неспроста у вас того оленя украли...

– Ну, я же тогда вам сказала – я этого парня почти не видела! Его от меня пара загораживала, которая коляску выбирала... разглядела только, что он маленького роста...

– Загораживала, говорите? – Мехреньгин насторожился. – Так, может, они это нарочно? Может, они – соучастники?

– Чего? – Таня вылупила глаза на капитана. – Что, на игрушечного оленя целой шайкой охотились? Ну, вы скажете! Это все-таки игрушечный был магазин, а не ювелирный!

– Да говорю же вам – там дело непростое! Прямо скажем – темное дело! Оленя, кстати, нашли... Ну, а

эта пара – у них никаких особых примет не было?

– Еще какие! – Татьяна усмехнулась. – Я же вам говорила – она беременная была, месяце на седьмом. Чем не примета?

– Не знаю, не знаю... – протянул капитан. – А больше ничего не заметили?

– Слушайте... – Татьяна вдруг задумалась, взгляд ее застыл, как будто она вглядывалась внутрь самой себя, – а ведь правда, они какие-то странные были... Когда пара ждет ребенка, у них обычно вид такой довольный, счастливый, особенно у женщины. А эти какие-то озабоченные... как будто к чему-то прислушивались или ждали чего-то...

– Вот-вот! – поддержал ее Мехреньгин. – Говорю вам – это были сообщники! Ну, так как – кроме большого живота, вы ничего особенного не заметили?

– Ну, вроде ничего... – Татьяна потерла переносицу, как будто это могло оживить ее память. – Парень высокий такой, довольно интересный... куртка кожаная, волосы русые... а жена его – ну, беременная, этим все сказано... Тоже вроде росту немаленького... на каблуках, хоть и срок большой, я еще удивилась... Волосы, брови темные... маникюр красный...

– Как же мы от счастья нашего потеряли ключи!.. – с новой силой донеслось из динамиков.

– А вот я вспомнила... – проговорила Татьяна, подняв глаза на капитана, – не знаю, может, это и неважно...

– Вы говорите, говорите, – заторопился капитан, – я разберусь, важно или неважно!

– Они уже все коляски пересмотрели, и ни одна не подошла. Тогда я говорю – у нас скоро привоз будет... а она, жена то есть, обрадовалась: «Нам, – говорит, – все равно еще не к спеху, месяца два еще есть, так что мы можем подождать». Я им говорю: «Дайте телефон, я позвоню, когда привезут коляски...» А он, муж то есть, говорит: «Нет, мы свой телефон не дадим, дайте лучше вашу визитку...»

– Это понятно, – вставил Мехреньгин, – в наше время мало кто свой телефон дает, опасаются люди...

– Ну, а у нас, у магазина то есть, визиток нет, – продолжила Татьяна. – Хозяин, жмот, все никак не напечатает. Я тогда говорю: «Давайте я вам телефон продиктую...» – и листочек ему дала. Ну вот, и он тогда ручку достал, фирменную...

– Неужели дверь стеклянную не откроем мы сейчас! – прокричала певица.

– Фирменную? – переспросил Мехреньгин. – Что значит – фирменную?

– Ну, с логотипом фирмы... то есть с названием...

– А название вы, конечно, не запомнили?

– Подождите, – Татьяна отмахнулась от капитана, как от назойливой мухи, и наморщила лоб, – как же это...

– Между нами дверь стеклянная-я! – не унималась певица. – Между нами тишина-а!

– Ну да! – обрадовалась Татьяна, как будто получила подсказку на экзамене. – Там было написано: «Окна и двери Прок. Тишина и комфорт в вашем доме».

– Вы точно запомнили? – удивился капитан Мехреньгин.

– Да вроде и не помнила, а сейчас как будто снова эту ручку увидела!

– Спасибо! – оживился капитан и потянулся за своей курткой. – Вы мне очень помогли!

– А обедать-то будете?

– Некогда! – Мехреньгин уже неся к выходу из заведения.

В родное отделение милиции он пробрался тайком, как злостный правонарушитель, чтобы не наткнуться на начальство. Начальник отделения подполковник Лось имел обыкновение отлавливать сотрудников в самых неожиданных местах и учинять допросы на предмет раскрытия текущих дел. Мехреньгин поднялся на третий этаж и толкнулся в тридцать четвертый кабинет.

– Лось мне велел ничего для вас не делать, – строго проговорила, подняв глаза от клавиатуры компьютера, Лиза Грачева, занимавшаяся у них в отделении информационным поиском. Проще говоря – умевшая на приличном уровне работать на компьютере.

– Лизок! – взмолился Мехреньгин. – Ну, я тебя очень прошу! Как друг и коллега! Совсем чуточку помощи, а с меня – коробка конфет... любых, какие ты любишь!

– Мне мама говорила, что мужчинам нельзя верить, – отозвалась Лиза, усмехаясь, – разве что в самом крайнем случае!

– Это и есть крайний случай! Найди мне фирму «Прок», она продает окна и двери...

– Ладно, что с тобой поделаешь! – Лиза притворно вздохнула, защелкала пальцами по клавиатуре. – «Прок», говоришь? – И она протянула Мехреньгину листок с координатами фирмы. – Только смотри, про конфеты не забудь! Я люблю трюфели...

– Лизок, не забуду! – Мехреньгин прижал руку к груди: – Конфеты за мной! – И его словно ветром

выдуло из кабинета.

– Знаю я, как ты не забудешь, – проворчала вслед ему Лиза и снова усталилась на экран монитора.

Офис фирмы «Окна и двери Прок» размещался на первом этаже старого здания на улице Восстания, неподалеку от Московского вокзала. Капитан Мехреньгин толкнул стеклянную дверь, вошел внутрь.

Первое, что бросилось ему в глаза, был большой рекламный плакат, на котором удивительно красивый и пушистый до чрезвычайности рыжий кот, свернувшись клубочком, спал на подоконнике. За окном виднелись высокие сугробы и покрытые серебристым инеем деревья, так что становилось ясно – на улице трещит настоящий рождественский мороз, но коту на подоконнике тепло и уютно, разумеется благодаря замечательным окнам. Напечатанный внизу текст, подтверждая это, гласил: «Окна Прок – тепло и уют в вашем доме».

Под плакатом сидела кругленькая пухлая девушка, которая вдумчиво покрывала ногти ярко-зеленым лаком.

– Здравствуйте, – проговорил Мехреньгин, переводя взгляд с девушки на кота и обратно, – я по поводу окон...

– Это вам надо к менеджеру по окнам! – проговорила девушка, вытянув перед собой левую руку и любясь результатом своей работы.

– А вы кто? – поинтересовался Мехреньгин.

– Я – менеджер по дверям! – Отрезала девица.

Мехреньгин обернулся и увидел, что в офисе присутствуют еще две особы женского пола: одна, дама прилично за тридцать, уткнулась в экран компьютера, вторая, симпатичная брюнетка, вполголоса разговаривала по телефону.

Сперва Мехреньгин обратился к даме за компьютером:

– Это с вами можно по поводу окон поговорить?

Однако та, не отрываясь от экрана, ответила крайне раздраженным тоном:

– Мужчина, вы разве не видите – я работаю!

– А я что – в кино вас приглашаю? – удивился Мехреньгин. – По-моему, это и есть ваша работа – с клиентами общаться!

– Ну вот, опять две цифры потеряла! – вздохнула дама и подняла на Мехреньгина неодобрительный взгляд. – Вам же сказали – обратитесь к менеджеру по окнам! А я – менеджер по комплектации, и у меня отчетность не идет!

– Надо же, какая у вас узкая специализация! – вздохнул Мехреньгин и перешел к последней, третьей сотруднице, которая все еще разговаривала по телефону.

Увидев перед собой Мехреньгина, она повернулась, прикрыла трубку ладонью и недовольно спросила:

– Вы что-то хотели?

– Девушка, – ответил Мехреньгин, облокотившись на стойку, – я насчет окон...

– Минуточку! – отозвалась та и проговорила в трубку: – Я тебе потом перезвоню, тут клиент очень нервный попался!

– Я не нервный, – возразил Мехреньгин. – Я как раз очень спокойный. Если бы я был нервный...

– Мужчина, – процедила брюнетка, – мы будем вашу нервную систему обсуждать или делом займемся? Мы не в поликлинике!

– Само собой, – согласился капитан. – Вот у вас в рекламе сказано, что сейчас на окна действует сезонная скидка...

– Вам окон сколько надо? Я вас сразу предупреждаю – если меньше четырех, то скидка на вас не распространяется...

– Что вы говорите? – ужаснулся Мехреньгин. – А я так на нее рассчитывал! Ну, ладно, тогда пойду в «Окна Перспектива», там таких ограничений нету!

– Идите куда хотите! – фыркнула девица и снова потянулась к телефону. – Вот козел! – буркнула она вслед Мехреньгину, когда дверь за ним захлопнулась.

– Вот не знаю, – пухлая девица сосредоточенно разглядывала свои ногти, – не слишком пафосно получилось?

– Не мешайте работать! – взвизгнула дама за компьютером. – У меня опять утеплитель не идет и герметик не сходится!

Капитан Мехреньгин вышел из офиса и задумчиво огляделся по сторонам.

На первый взгляд посещение фирмы «Окна Прок» казалось совершенно бесполезным, но это было не

так. Он взглянул на сотрудниц фирмы и сделал некоторые выводы: из этих трех женщин две никак не подходили на роль «похитительницы оленей», одна – по возрасту, а другая – по росту и комплекции. Зато последняя девушка, разговорчивая брюнетка, вполне годилась на эту роль: если подложить под одежду подушку, чтобы изобразить беременность, она вполне подходит под описание уволенной продавщицы – темные волосы, довольно высокая, маникюр ярко-красный.

Толстенная девица красила ногти зеленым, а у той мымыры за компьютером ногти были коротко острижены.

Самое же главное, что Мехреньгин своим шестым чувством, своей хорошо развитой милицейской интуицией почувствовал, что у этой брюнетки совесть определенно нечиста, она явно чего-то боится. Такие вещи капитан чувствовал печенкой.

И теперь, выйдя из офиса, он решил понаблюдать за подозрительной брюнеткой.

Он перешел улицу, вошел в маленькое кафе, сел за свободный столик возле самого окна, откуда хорошо просматривался вход в «Окна Прок», и заказал чашку кофе.

Однако, только когда он допивал четвертую чашку и съел две булочки с маком, сэндвич с курицей и маленькую пиццу, дверь офиса открылась, выпуская одну из сотрудниц.

Капитан приподнялся, вглядываясь в окно, и почувствовал знакомое волнение, охотничий азарт: это была именно она, подозрительная брюнетка!

Бросив на стол деньги, капитан поспешил к выходу.

Брюнетка явно нервничала, то и дело оглядываясь по сторонам, однако опыта ей явно не хватало, и Мехреньгин без труда шел за ней до самого метро. Дальше, в суете и сутолоке, ему не приходилось особенно скрываться, важно было только не потерять девушку из виду. Впрочем, это оказалось легко: на ней было красное пальто, что в сочетании с черными волосами делало девушку очень заметной. Капитан спустился за ней по эскалатору, проскочил в поезд, пересел на другую ветку... И очень скоро понял, что она едет туда, где расположен бизнес-центр «Старая крепость».

Поднявшись наверх, он продолжил преследование, но тут случилась небольшая заминка: девица вошла в общественный туалет, расположенный в парке позади метро.

Мехреньгин спрятался за старым дубом, откуда был виден туалет, и не спускал глаз с входа.

И едва не пропустил свой объект: через несколько минут вместо колоритной брюнетки в красном пальто из туалета показалась блондинка в черном...

Только приглядевшись к ней, он понял, что это она, девушка из «Окон Прок», только теперь она надела светлый парик, а пальто перевернула на другую сторону – это было двустороннее пальто, какие называют «утро-вечер».

Теперь всякие сомнения у Мехреньгина отпали: он шел по верному следу! Действительно, разве станет приличная, законопослушная молодая женщина ни с того ни с сего менять внешность? Брюнетка явно шла на дело, и капитан утроил бдительность.

Очень скоро подозрительная особа вошла в бизнес-центр, подошла к дежурному, выписала разовый пропуск и поднялась на второй этаж. Мехреньгин нисколько не сомневался, что она направляется в фирму «Астра-центр».

Привлекательная блондинка в черном пальто вошла в приемную фирмы, поздоровалась с секретаршей.

– Я вам звонила по поводу размещения рекламы, – проговорила она внушительным тоном. – Наша фирма занимается торговлей сантехникой, и мы хотели бы провести полномасштабную рекламную кампанию.

– Вам нужно поговорить с Ильей Васильевичем, – уважительно ответила секретарша. – Он освободится буквально через несколько минут. Хотите пока кофе?

– Кофе? – воскликнула блондинка таким тоном, как будто ей предложили цианистый калий. – Я не пью кофе! Сделайте мне, пожалуйста, чай. Только непременно зеленый, японский, крупнолиственный, майского сбора...

– Какой? – испуганно переспросила девушка.

– Зеленый, японский, крупнолиственный! – холодно повторила «клиентка». – Ну ладно, если не будет майского сбора, я согласна на июньский!

– Одну минутку... – простонала секретарша и выскочила в другую комнату.

– Можешь не спешить! – фыркнула ей вслед блондинка.

Она встала, оглянулась на дверь, придвинула стул к шкафу, взобралась на этот стул и запустила руку в промежуток между шкафом и подвесным потолком. Раздвинув сложенные там пыльные рулоны и стопки прошлогодних рекламных проспектов, пошарила за ними, чихнула от подымавшейся пыли, но ничего не нашла. Вытянувшись как можно выше, принялась торопливо шарить на шкафу, пытая от напряжения и

вполголоса ругаясь.

За ее спиной чуть слышно скрипнула дверь, но девица была так озабочена своими поисками, что не сразу обратила на это внимание...

– Бог в помощь! – проговорил капитан Мехреньгин, с интересом глядя на свою знакомую. – А что это вы там ищете? Случайно не это?

Девица испуганно вздрогнула, повернулась и увидела сегодняшнего нервного посетителя.

– Я же вам сказала, – пробормотала она, – если меньше четырех окон, то скидка не распространяется...

И только тут она заметила в руках этого странного человека красивую шкатулку из красного дерева.

Девица едва не свалилась со стула, и капитану пришлось ее поддержать. Правда, светлый парик с нее все же упал.

– Вы кто? – взвизгнула новоиспеченная брюнетка, почувствовав под ногами твердую землю. – Откуда у вас эта шкатулка? Отдайте ее мне!

– Капитан милиции Мехреньгин! – представился тот и крепко взял девицу за руку. – А насчет этой шкатулки мы с вами поговорим в другом месте...

Дверь приемной распахнулась, и вбежала запыхавшаяся секретарша, выпалив:

– Японского нет – может быть, выпьете китайский?

Брюнетка молчала, и капитан ответил за нее:

– Выпьет, только в другой раз!

– Отдайте! – истерически взвизгнула брюнетка, двинувшись на Мехреньгина с самым угрожающим видом. – Это мое! Мое! Это мои фамильные драгоценности!

– Я же вам говорил, девушка, что я не нервный, – капитан немножко отступил. – Так что на мою психику такие штучки не действуют. А насчет фамильных драгоценностей что-то не верится... Меня, знаете ли, терзают смутные сомнения!

Дверь за спиной Мехреньгина открылась, и в приемную ввалился Жека Топтунов. Удивленно взглянув на своего напарника и разъяренную брюнетку, он проговорил:

– А чего это вы тут делаете? Валентин, ты зачем мне звонил, опять за старое взялся? Загадки разгадываешь?

– Да разгадал уже! – отмахнулся от него Мехреньгин. – Осталось только ответ проверить. Ты, Жека, взгляни – можешь эту шкатулочку открыть? Девушка вот утверждает, что там ее драгоценности фамильные...

– Это мы на раз! – заверил напарника Жека, взял в руки шкатулку и поковырялся в замочке согнутой проволокой. Замочек щелкнул и открылся.

– И как ты это делаешь? – завистливо протянул Мехреньгин, откидывая крышку шкатулки.

– Семафоров научил! – скромно ответил Жека.

– Мое, мое! – причитала брюнетка. – Дайте хоть поглядеть, гады...

– Глядите, пожалуйста, – Мехреньгин протянул ей открытую шкатулку, – только сомневаюсь, что вы именно это искали...

– Что это?! – Девица растерянно уставилась на содержимое шкатулки.

Там лежал перевязанный выцветшей шелковой лентой локон светлых волос и несколько писем.

– «Дорогая Софи, – прочитал начало одного из них Жека, – наша любовь – самое дорогое, что было у меня в жизни...»

– Зараза старая! – взвизнула брюнетка. – Вот сволочи... это они меня втянули, Сережка с Костином...

– Фамилии, пожалуйста! – оживился Мехреньгин. – И поподробнее – кто такая старая зараза и во что конкретно втянули вас Сережка с Костином...

И девица рассказала ему душераздирающую историю.

Год назад она снимала комнату у древней старухи по имени Софья Сигизмундовна. Старуха явно происходила из какой-то дворянской семьи, в квартире было много антикварных вещей, но больше всего хозяйка дорожила письменным столом из красного дерева с инкрустациями и бронзовыми накладками. То и дело она повторяла, что в этом столе у нее хранится самое дорогое.

Молодая съемщица не очень-то верила в болтовню хозяйки, считала, что та впала в маразм. Но как-то, уже сменив квартиру, рассказала о Софье Сигизмундовне своему новому знакомому Сереже. Тот очень оживился и попросил ее познакомить со старой аристократкой.

Однако, когда они приехали по ее адресу, выяснилось, что Софья Сигизмундовна недавно умерла, а ее наследники уже успели распродать всю мебель. Сережа, подключив к расследованию своего шустрого брата Костика, артиста одного из мелких театров, выяснил, в какой антикварный салон попал письменный стол. Однако стол уже был продан.

Сунув небольшую денежку продавцу, братья выяснили, что стол купил директор фирмы «Астра-центр». И тогда у братьев сложилась гениальная комбинация.

Приближалось Рождество, и никого в бизнес-центре не удивило бы появление Санта-Клауса.

Роль самого Санты вызвался сыграть Костик – благо роста он был очень маленького и прежде подрабатывал, играя Деда Мороза на новогодних детских утренниках.

Саночки нашли дома и разрисовали цветной гуашью, костюм Санта-Клауса у Костика остался с прошлого Нового года. Для достоверности нужен был северный олень. И тут, проходя мимо магазина игрушек, Костик увидел очень симпатичного оленя.

Сперва оленя хотели купить, но он стоил очень дорого, и Сереже показалось, что гораздо прикольнее будет разыграть продавцов и похитить необходимый реквизит.

Так и сделали.

Накануне операции оленя, саночки и Костика в костюме Санты завезли в бизнес-центр, а когда все сотрудники разошлись по домам и охранник отправился на обход, Костик пошел на дело.

Он проник в офис «Астры», простучал письменный стол и нашел тайник со шкатулкой.

Однако, когда Костик уже хотел покинуть офис, туда неожиданно появился охранник.

Его пришлось оглушить, но Костик побоялся попасться с поличным и, спрятав шкатулку в офисе, вернулся под елку, где изображал Санта-Клауса до прихода милиции. Когда прибыл наряд и дверь открыли, он незаметно выскользнул на улицу, пользуясь тем, что менты с ходу поперли на второй этаж.

– Ну, он сказал, где спрятал шкатулку, но побоялся снова приходить сюда, так что пришлось мне идти за ней... – закончила брюнетка рассказ.

– Вот что, милая, – вступил в разговор Жека, – если вы сейчас быстренько сообщите мне координаты своего приятеля и его преступного братца, возможно, с вами поступят более гуманно.

– Это как? – растерялась брюнетка.

– В камеру не посажу! – рявкнул Жека.

– Записывайте! – тут же согласилась сообразительная брюнетка.

– Что здесь происходит? – в дверях возник директор Илья Васильевич.

– Происходит задержание преступника! – объявил Жека. – Попрошу не мешать работе милиции!

Директор шарахнулся в сторону и натолкнулся на шкаф, с которого тут же посыпались пыльные папки и рулоны. Илья Васильевич закрыл голову руками и громко чихнул. Потом увидел, во что превратился его темно-синий костюм в узкую полоску, и закричал сердито:

– Татьяна! Ну когда это кончится? Давно просил разобрать эти папки! Совершенно не умеете работать! Буду применять санкции!

– Да мне плевать на твои санкции! – неожиданно заорала тихая секретарша. – Я вообще увольняюсь через три дня! Замуж выхожу и уезжаю!

Она бросила на пол чашку с остывающим китайским чаем и выбежала из комнаты.

– Беда с персоналом, – огорченно сказал директор, рассматривая осколки в луже.

– Не расстраивайтесь, господин Калошин, – весело сказал Мехреньгин, – я вам найду секретаршу. Симпатичная, работающая, а уж аккуратная... И зовут так же, как вашу бывшую, – Татьяна, так что не перепутаете...

– Буду очень благодарен, – оживился директор, – только я Кокошин...

Мария Брикер Черная Снегурочка

Вознесенская, поджав узкие губы, смотрела Аркадию в глаза и ждала, но он не знал, чем обнадеежить свою клиентку – убийцу сына Ольги Сергеевны вычислить так и не удалось, в голове роились лишь предположения, не подтвержденные фактами.

Дело оказалось довольно странным: смерть сына Вознесенской в точности повторяла трагическую кончину мужа Ольги Сергеевны, который погиб несколько лет тому назад – выпал из окна собственной квартиры. Супруг Вознесенской, Лев Борисович, в прошлом знаменитый оперный певец, был моложе жены на десять лет, но пребывал в отличие от своей здравомыслящей супруги в легком маразме – любил исполнять арии, стоя на подоконнике в одних трусах и галстучке-бабочке. Его потрясающий тенор собирал во дворе толпу зевак, певцу бурно аплодировали. Местные алкаши, домохозяйки, малышня, старушки – все были его страстными поклонниками и с нетерпением ждали очередного концерта, но ни у кого не вызывало сомнений, что у солиста с головой большие проблемы. Когда Лев Борисович совершил полет с седьмого этажа, следствие особо не напрягалось. Следов насилия на его теле не обнаружили, на столе нашли предсмертную записку, оставленную покойным. В ней было сказано, что певца позвал Ангел Смерти. Прокуратура скоро закрыла дело, списав его кончину на самоубийство. Родственники и знакомые тоже были уверены, что Лев Борисович выпал из окна по своей личной инициативе. Не сомневалась в этом и Ольга Сергеевна.

На смерть супруга Вознесенская отреагировала на удивление спокойно, чем вызвала у следователей некоторые подозрения в причастности к гибели мужа. Ее просканировали на сей предмет и отвязались. Вознесенская призналась: она предчувствовала трагедию, склонность к суициду у Льва Борисовича была всегда, ситуация усугубилась, когда великий тенор ушел на покой. Ему не хватало сцены и внимания, он страдал, постоянно твердил о всеобщем непонимании и пугал домашних, что наложит на себя руки. Незадолго до самоубийства психика Льва Борисовича все чаще давала сбои, но запирать супруга в психиатрическую клинику Вознесенская не стала. Во время следствия она сказала: «Поверьте, господа, для Левы это не смерть, а освобождение. Теперь он снова молод, полон сил и поет свои арии Господу и ангелам».

Со смертью сына все обстояло гораздо сложнее.

Разочаровывать Ольгу Сергеевну не хотелось. Несмотря на ее вздорный характер и удивительную способность любого человека довести до нервного расстройства, Ольга Сергеевна Вознесенская вызывала искреннюю симпатию и сочувствие: смерть единственного сына, в котором она души не чаяла, стала для нее тяжелым ударом – с сердечным приступом, но старушка перенесла горе стоически. Любая другая дама ее возраста давно бы попала в психушку или в больницу, но Вознесенская держалась. Сила воли у нее была колоссальная, позавидовать можно, недаром в прошлом – балерина.

Внимательно изучив обстоятельства дела, Аркадий пришел к выводу, что Вознесенская права, и сыну Ольги Сергеевны выпадать из окна действительно помогли, хотя многое указывало именно на самоубийство. Николай походил на отца: слабохарактерный чудаковатый холерик, склонный к истерии. В юношеском возрасте он предпринимал попытку суицида, резал себе вены из-за неразделенной любви и состоял на учете в психоневрологическом диспансере. На момент смерти у Николая имелись серьезные проблемы в бизнесе и личной жизни. Отношения с женой, молодой красавицей Анной, из-за материальных осложнений грозили закончиться разводом. Николай жену боготворил и безумно переживал из-за их разлада. Следов насилия на его теле не обнаружили, в кармане покойного нашли предсмертную записку, в которой он обвинял в своей смерти жену Анну. Выпал Николай из того же окна, что и его отец. В кругу близких и родных поползли слухи о родовом проклятии, но Аркадий в мистику не верил – роль Ангела Смерти в этот раз исполнил кто-то из близкого окружения молодого человека. Во-первых, по утверждению Вознесенской, Николай с детства безумно боялся высоты, во-вторых, Ольга Сергеевна с младенческих лет подмечала за сыном излишнюю самовлюбленность: Николай обожал свою внешность, он мог подолгу восхищенно смотреться в зеркало, поглядывал на себя в отражениях витрин магазинов. Одной из причин разлада с женой был как раз этот факт: красавицу Анну патологический нарциссизм мужа раздражал гораздо больше, чем его постоянные неудачи в бизнесе. Тем не менее о смерти Николай думал часто. Анна передала Ольге Сергеевне дневник сына, где он регулярно записывал мрачные стихи о смерти и выкладывал свои мысли о самоубийстве. Аркадий внимательно все прочитал, и один момент царапнул детективу глаз – Николай, подробно описывая

свои воображаемые похороны, основной акцент делал на своем внешнем виде в гробу: он мечтал уйти в последний путь красивым – для нарциссов это очень важно, значит, если бы он действительно захотел покончить с собой, то выбрал бы другой способ, зная наверняка, что после полета с седьмого этажа человека хоронят чаще всего в закрытом гробу – так было со Львом Борисовичем. Однако следки в эти тонкости вдаваться не стали. Предсмертная записка, чью подлинность подтвердила экспертиза, тяжелые жизненные обстоятельства, общая предрасположенность к суициду послужили основанием для того, чтобы дело закрыть, списав и смерть Николая на самоубийство.

Ольга Сергеевна не верила, что Николай действительно убил себя, и обратилась к частному детективу. Так она и познакомилась с Аркадием.

Без всяких сомнений, убийцей двигал корыстный мотив. На кону стояли деньги, сумма была довольно-таки внушительной, Николай являлся единственным прямым наследником Вознесенской. Преступник поступил хитро, убив сына Вознесенской, он автоматом выкинул из игры за деньги семьи Вознесенских жену Николая, так как детей в браке они не нажили. Анна получила после смерти мужа лишь его долги и чувство вины из-за предсмертной записки, в которой супруг обвинил ее в своей смерти. Тяжело жить с таким грузом на сердце, Аркадий вдове Николая искренне сочувствовал и восхищался ее мужеством, она была сильной личностью и походила характером на Ольгу Сергеевну.

Аркадий нервничал: он опасался, что следующей жертвой станет Ольга Сергеевна. Преступник почувствовал свою безнаказанность, вряд ли он станет ждать естественной кончины Вознесенской, наверняка предпримет попытку избавиться от женщины.

Идиотизм ситуации заключался в том, что Ольга Сергеевна могла легко себя обезопасить: сходить к нотариусу, оформить новое завещание, допустим, на кого-то из родственников или на всех, в равных долях, но она наотрез отказывалась. По сути, Аркадий ее понимал. Среди этих близких и родственников мог быть убийца ее сына, и нет никакой гарантии, что он не окажется в числе тех, кому Ольга Сергеевна завещает свое состояние. В лотерею Вознесенская играть не желала, поэтому торопила Аркадия – она знала, что жить ей в любом случае осталось недолго.

Аркадий попросил Ольгу Сергеевну ограничить контакты с родными, никого не пускать в квартиру до тех пор, пока преступника не обнаружат. Ольга Сергеевна исполнила его просьбу, сделав это весьма своеобразным образом – откровенно обвинила всех в смерти своего сына и разругалась с близкими в пух и прах. Учитывая, что характер у госпожи Вознесенской был скверный, излишне напрягаться ей не пришлось.

– Ольга Сергеевна, голубушка, – мягко сказал ей Аркадий. – Пока мне нечем вас обнадежить, но я стараюсь, очень стараюсь и надеюсь, что скоро...

– Плохо стараетесь, молодой человек, – перебила детектива Ольга Сергеевна, глаза ее стали колючими, уголки губ опустились. – Три месяца, а толку никакого. Напрасно я обратилась к вам. Мне следовало найти более профессионального детектива!

– Сожалею, – развел руками Аркадий, чувствуя себя провинившимся пионером. Милейшая Ольга Сергеевна умела предъявлять людям свои претензии таким тоном, что потом просто жить не хотелось.

– Неужели вы не понимаете, что время играет против меня! Я в отличие от вас, юноша, дьявольски стара, мой механизм может развалиться в любой момент, а финансовые дела до сих пор не улажены. Представьте себе на минутку, как они все перегрызутся, если я умру прежде, чем оформлю свою волю нотариально! Да и Николаша не отпет по всей форме. Мой духовник сказал: когда будут доказательства убийства, тогда он и сделает все, как полагается, бюрократ несчастный, – проворчала Ольга Сергеевна. – А пока душа моего сына неприкаянная где-то бродит и мучается.

– Сожалею, – как попугай, повторил Аркадий и пожегил, вообразив, что душа Николая стоит в паре шагов от него и стучит по его голове кулаками.

– Сожалеет он! – хмыкнула Вознесенская. – Дело надо делать, а не сожалеть. Мне ваши сожаления без надобности. – Ольга Сергеевна тяжело поднялась и подошла к окну. Он смотрел на ее худую спину, царственную осанку и думал, что если не поможет этой вздорной старушенции, то никогда себе этого не простит. Он будет копать дальше, даже если Вознесенская сейчас вышвырнет его вон. – Что вы стоите столбом посреди комнаты? – обернулась Ольга Сергеевна. Когда Вознесенская поднялась, Аркадий тоже встал, как истинный джентльмен. – Садитесь. Давеча мне пришла в голову одна мысль, и я собираюсь вам ее изложить – хочу узнать ваше мнение на сей счет. Курите, если желаете, – Вознесенская присела в кресло и придвинула Аркадию пепельницу, большую морскую раковину, изнутри светящуюся перламутром. Он машинально достал пачку сигарет и с удовольствием закурил.

– Слушаю вас очень внимательно, Ольга Сергеевна, – сосредоточился сыщик. Вознесенская медленно и с расстановкой изложила ему суть дела, словно Аркадий был дауном или дитером малым. Он понял план Вознесенской с первых же слов, но продолжал кивать и проявлять заинтересованность, пока она не

закончила, чтобы вновь не вызвать в ней волну гнева.

– Я все сделаю, как вы хотите. Но позвольте уточнить, хорошо ли вы подумали? – спросил Аркадий.

– Я похожа на легкомысленную особу? – скинула тонкие брови пожилая дама.

– Боже упаси! Но у вас в квартире полно антиквариата, живописные полотна великих мастеров, старинные ювелирные украшения... Такие вещи опасно хранить дома, – Аркадий сделал пару глубоких затяжек и положил сигарету в пепельницу. К потолку потянулся сизый дымок.

– Я сама разберусь, где мне свои украшения хранить. Ваше мнение на этот счет меня не интересует. И потушите свою невыносимую сигарету! Что за дрянь вы курите?

– Родные американские сигареты. Плачу за пачку по двести рублей, беру только у проверенного поставщика.

– Вас нагло надувают. Смените поставщика, мой вам совет. Родные американские сигареты тлеют быстрее и пахнут иначе. Вы курите опилки и солому.

– Хорошо, я сменю поставщика, – покладисто согласился Аркадий, спорить со старухой – себе дороже.

– Но я просто обязан вас предостеречь: а что, если...

– Уходите! – гневно потребовала женщина.

– Ольга Сергеевна...

– Немедленно убирайтесь из моего дома!

– Ну хорошо! Хорошо! Я вам перезвоню, – поднялся с кресла Аркадий и с облегчением выскочил из квартиры Вознесенской.

* * *

«Уж послала так послала», – нервно хихикала Маша, прокручивая в голове крылатую фразу из любимого мультика «Падал прошлогодний снег». С утра пораньше вредная старушенция дала ей скрипучее указание купить живую елку, и не просто елку, а чтобы деревце непременно было пушистое, метр пятьдесят высотой – не больше, не меньше. Спрашивается, какая бабке разница? Пришлось полдня бегать по елочным базарам, терзая продавцов, но по закону подлости в ближайших от дома точках елки продавались либо не той длины, либо они были страшненькими лысыми кривулинами. В тундре их, что ли, выращивают? «Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним...»

Повезло ей у супермаркета. В двух кварталах от дома, у магазина, торговали импортными елками. Цена кусалась, но это уже не ее забота, в экономки она не нанималась. «Хотите, Ольга Сергеевна, красивую елочку – платите деньги», – ехидно думала Маруся, волоча на себе лохматую красавицу. Собственно, она и вообще в прислуги не нанималась! Ошалела от жизни в общежитии и дала объявление в газету «Из рук в руки»: «Девушка без вредных привычек, студентка третьего курса юридического факультета, хочет снять комнату на длительный срок, за скромную плату. Чистоту, порядок и своевременную оплату гарантирую». Да уж! Чистоту и порядок ей теперь приходилось поддерживать круглосуточно, и не только в своей комнате, а во всей квартире. Неизвестно, что является бóльшим злом – жизнь в убогом институтском общежитии, с вечными пьянками, бардаком, распутными девицами по соседству и бурной круглосуточной студенческой жизнью, или проживание в благоустроенной роскошной квартире под одной крышей с сумасбродной бабусей, уже доставшей ее своими претензиями и ценными указаниями.

Сначала Марусе казалось, что она выгадила счастливый билет. Объявление она дала скорее от безнадежности, не слишком рассчитывая со своим скудным бюджетом снять нормальное жилье – хотя бы какую-нибудь захудалую клетушку найти, и то хлеб. Постоянную работу получить никак не получалось, приходилось подрабатывать промоутером, а иногда заманивать посетителей в кафе и рестораны, красуясь в костюмчике толстого дебильного цыпленка или еще какого-нибудь чудовища. Работа тяжелая и унижительная. Добрые детишки норовят отвесить тебе пендель или повалить на землю, и взрослые не лучше: один подвыпивший гражданин специально прожег ее костюм сигаретой, а потом попытался в окошко для лица дымящийся окурочок кинуть. Слава богу, этот маневр пресекли ребята из секьюрити. Платили, правда, нормально, но найти подработку удавалось далеко не всегда, поэтому и жилье приличное Маша позволить себе не могла. Многим иногородним студентам родители помогали, а Марусе – никто: некому было. Мама умерла, когда ей было пятнадцать лет, – несчастный случай на производстве. Из родных у нее остались тетушка, сестра мамы, и двоюродный братишка, ее сын! Тетушка работала учительницей русского языка и литературы в школе, тянула сына и сама нуждалась в деньгах. Отца у Маруси никогда не было, хотя мама в детстве и морочила ей голову, что он якобы был летчиком-испытателем и погиб во время очередного испытания. Маруся маму не осуждала. Мужиков в маленьком провинциальном городке на всех не хватало,

женщины не гнушались спать с командировочными, чтобы ребенка завести. Полшколы у них таких было – детей «лейтенанта Шмидта».

На ее объявление откликнулись три человека: два мужика – агент, потерявший к ней интерес сразу же, как только она озвучила скромную сумму, которую могла бы выложить за комнату, и пенсионер-извращенец – с явным намерением сделать из нее не квартирантку, а бесплатный тренажер для своих сексуальных извращений. Третьей позвонила старушка, представилась Ольгой Сергеевной Вознесенской и пригласила ее приехать посмотреть комнату.

Забавно, размышляла Мария, отправляясь на станцию «Чистые пруды», впервые в жизни она слышала, что люди сразу представляются по имени, отчеству и фамилии. Забавной оказалась и сама Ольга Сергеевна Вознесенская. Старушка походила на усохшую со временем старорежимную гимназистку. Длинная серая юбка, белая строгая блуза с брошью на воротнике, очки, вокруг головы – две толстые косицы, щедро напудренная физиономия с «синтетическим» румянцем, тонкая алая нитка губ, в ушах увесистые антикварные серьги. Ее выцветшие прозрачно-серые глаза смотрели оценивающе и недобро, задержавшись на лице Маруси, скользнув по фигуре и остановившись на ее растоптанных ботинках, испачканных осенней грязницей. Ольга Сергеевна слегка нахмурила тонкие подведенные брови, но обувь снять не попросила, напротив: остановила Машин порыв стянуть эти жуткие боты и повела ее в глубь своих владений.

Квартира оказалась фантастически огромной и дорого обставленной: антикварная мебель, картины, фарфор, хрусталь – Марусе показалось, что она попала в музей.

Комната, которую Ольга Сергеевна собиралась сдать, была просторной и светлой: обои и гардины в теплых золотистых тонах, кремовый ковер на полу, кровать, покрытая пушистым пледом, кресло с причудливыми ножками и спинкой, большой дубовый письменный стол с выдвигаемыми ящиками, миниатюрное трюмо с зеркалом, пуф, стул с высокой спинкой, книжные полки, платяной шкаф, компьютер, маленький телевизор, музыкальный центр – это была не комната, а рай на земле!

Маруся еще раз уточнила условия, решив, что произошло недоразумение и старушка неправильно ее поняла, когда она назвала ей по телефону сумму оплаты за жилье. Ольга Сергеевна сухо заявила: если Машу все устраивает, то она ждет ее завтра, с вещами. На следующий день Мария въехала на новую жилплощадь, и все было бы чудесно, если бы не вредный характер Ольги Сергеевны. В первый же день проживания в квартире за чашкою чая с абрикосовым вареньем, на который Ольга Сергеевна пригласила Машу, Вознесенская ухитрилась сделать ей столько замечаний, сколько мама родная за всю жизнь не делала: «Неправильно держишь спину, чашку, вилку, ложку; локти нельзя ставить на стол; громко топтать неприлично, грызть ногти недопустимо; носить джинсы – вульгарно; к столу следует выходить с причесанными волосами; юной девушке непозволительно так громко отхлебывать чай...»

Вечернее чаепитие стало традиционным, на этом настояла Ольга Сергеевна. За три недели Маша научилась держать спину прямо, не ставить локти на стол и прочим премудростям этикета. Ей даже стали нравиться эти посиделки, во время которых Вознесенская расспрашивала девушку о ее жизни и рассказывала о себе. Оказалось, что она – потомок известной аристократической фамилии, в прошлом знаменитая балерина, вдова оперного певца. Теперь Маше стало ясно происхождение шикарной четырехкомнатной квартиры в тихом центре, обилия антиквариата и произведений искусства.

Не успела она обжиться, как Ольга Сергеевна почувствовала себя хуже и слегла. В больницу ехать старуха наотрез отказалась, договорилась с медсестрой, ходившей к ней делать уколы, массажи и некоторые гигиенические процедуры. Ольга Сергеевна ей приплачивала, а остальные заботы о пожилой женщине, о доме, продуктах, лекарствах и прочих бытовых мелочах легли на плечи Маруси. Она сама не поняла, как стала бесплатной сиделкой и нянькой, но хуже было другое – и без того вредный характер Ольги Сергеевны из-за плохого самочувствия с каждым днем портился все больше, и выносить старуху стало просто невозможно. Она цеплялась к Марусе по поводу и без повода, постоянно была всем недовольна, ворчала, высказывала претензии, вечно чего-то требовала... Ее скрипучий голос будил Марию даже по ночам, чаще всего – из-за какой-то ерунды. Готовить Ольга Сергеевна сама не могла, пришлось Маше стать и кухаркой, научиться диетическим премудростям. За больным человеком ухаживать тяжело. Маша уставала, не высыпалась, не успевала как следует подготовиться к лекциям, завалила зачет по коммерческому праву. Она словно попала в заколдованный круг, жизнь стала невыносимой, но Маруся не могла бросить одинокую старуху на произвол судьбы.

Как-то вскользь Ольга Сергеевна упомянула, что сын ее погиб. Одна комната в квартире была всегда заперта, и входить туда Вознесенская строго-настрого запрещала. Наверное, это комната сына, решила Маша. Были ли у старухи другие родственники, Мария не знала. Как-то спросила, но напоролась на резкий ответ – не лезь не в свои дела, и больше не интересовалась. Хотя родственников хотелось разыскать и сдать вздорную старушку с рук на руки: не век же ей прислуживать чужому человеку! Ольга Сергеевна с нее

плату за комнату больше не брала. Деньги ее с самого начала не слишком интересовали, жилье она сдала скорее всего для того, чтобы не куковать в своей огромной квартире в одиночестве. Но Маруся так уставала, что это ее не радовало: теперь уже общага казалась ей раем.

Пару раз Ольга Сергеевна беседовала по телефону с каким-то Аркадием. Маша невежливо подслушивала под дверь, но Вознесенская говорила так тихо, что она мало что из их разговора поняла. Ольга Сергеевна твердила о каком-то пасьянсе, который она собирается разложить в новогоднюю ночь. Собеседник, кажется, возражал, потому что Вознесенская раздраженно уверяла, что она все предусмотрела и опасаться совершенно нечего.

В телефоне сохранился номер. Маруся как-то решила и набрала его. Каково же было ее удивление, когда милый женский голос сообщил, что она позвонила в детективное агентство Аркадия Мамонтова! Аркадия она звать к телефону передумала и положила трубку. Выходит, Ольга Сергеевна за какой-то надобностью обратилась к частному детективу. При чем же здесь пасьянс?

В лифт с елкой она не влезла, пришлось подниматься по лестнице на третий этаж. Спина под синтетической шубкой вспотела. Зря она свитер мо*censored*овый надела на водолазку, на улице тепло, снег валит стенами, растут сугробы, малышня с увлечением лепит крепости и снеговиков – настоящая новогодняя погода. Да, свитер она надела зря. Во всем Ольга Сергеевна виновата! Перед тем как Маша вышла из дома, она прочитала девушке лекцию о том, что молодая дама, желая иметь детей, должна тепло одеваться.

Маша привалила елку к двери, варежкой смахнула снег с плеч, стряхнула шапку, обрызгав подтаявшими снежинками пол и стены, потопала ногами, постучала ботинком о ботинок и с некоторым волнением отперла дверь. Слушать ворчание Вознесенской у нее в данную минуту не было никакого желания.

Ольга Сергеевна ждала ее в гостиной, выползла из своей комнаты ради такого случая. Придирчиво оценив покупку, она, к счастью, осталась довольна, объяснила, где лежат елочные игрушки, и велела елку нарядить.

Маруся достала две большие коробки с антресоли в прихожей, открыла и ахнула – никогда в жизни она не видела таких чудесных игрушек: стеклянные бусы, снежинки, фигурки из папье-маше, шишки, удивительной красоты шары! Через час, под руководством бабуся, Маша развесила всю эту красоту на лохматых елочных лапах, отошла от деревца на несколько шагов и залюбовалась им, склонив голову. В тепле елка оттаяла и ярко запахла хвоей. Душу девушки наполнило ощущение праздника.

– Ольга Сергеевна, я завтра уезжаю, – радостно сказала Маша. – Домой еду, Новый год справлять! Я не надолго, на три дня.

– То есть как это – домой? – старушка нахмурилась. – Никуда ты не поедешь! Гости приедут, одна я не справлюсь.

– У меня билет на поезд уже, я подарки купила, – растерялась Маруся. – Меня тетя с братишкой ждут.

– Поедешь навестить родственников на Рождество. Я куплю тебе билет в купейный вагон.

– Не могу я на Рождество, сессия у меня, – возразила Маруся, и внутри у нее все аж закипело от злости.

– Завтра ты мне нужна здесь! – недовольно заявила старуха. – Повторяю, ты никуда не поедешь.

– Послушайте, Ольга Сергеевна, – резко сказала Маша, – я вам очень благодарна, что вы мне предоставили площадь и не берете с меня денег, но даже у домработниц есть право на личную жизнь! Нравится вам это или нет, но завтра вечером я уезжаю домой, вернусь через три дня. Попросите кого-нибудь из знакомых вам помочь. И вообще... – Маша осеклась: старушка изменилась в лице, стала жалкой и несчастной. Она словно постарела еще на несколько лет.

– Машенька, не бросай меня одну, пожалуйста! – умоляюще попросила она. – Надо приготовить праздничный ужин, накрыть на стол, но мне некого попросить, кроме тебя. Я бы сама все сделала, если бы могла, но ты же видишь, что я с трудом хожу. На тебя одна надежда. Очень прошу тебя, Машенька, останься, пожалуйста! Это очень важно! Обещаю, богом клянусь – больше никогда в жизни ни о чем тебя просить не буду.

– Хорошо, – кивнула Маша и выбежала из комнаты. В глазах ее блеснули слезы, ей хотелось схватить пухлик и бросить его об стену, переколошматить весь этот антиквариат, удавиться! Господи, да что же она за рохля такая? Почему согласилась? Почему?! Теперь вместо того, чтобы встретить праздник со своими близкими, она будет обслуживать толпу каких-то незнакомых людей! Как ей перед тетей оправдаться? Маша включила компьютер, щелкнула клавишей мыши и открыла почту.

«Дорогая Манюня! Мы тебя любим, скучаем и крепко целуем. Приезжай скорее, очень ждем. Тетя Валя и братишка Серенька».

Маруся нежно провела пальчиком по дисплею компьютера и вытерла кулаком слезу. Валентина только

недавно научилась пользоваться компьютером и Интернетом, не прошло и года. Точнее не скажешь: именно год тому назад Маша положила под елочку Сереньке почти новенький ноутбук. Повезло – как раз перед очередной поездкой домой однокурсник Гришка Сомов за бесценок эту вещь отдал, деньги ему срочно понадобились на наркоте. Неловко было покупать вещь у наркомана, но все равно ведь он компик слил бы, не ей, так кому-то другому, Маша просто первой ему под руку подвернулась. Гришку было искренне жаль: благополучный парень из хорошей семьи на глазах превратился из обаятельного весельчака в невротика, озабоченного только тем, где бы добыть денег на дозу. Но помочь ему, к сожалению, никто не мог, кроме него самого. Совесть Машу мучила до тех пор, пока Сомова не вышибли из института за неуспеваемость. Что с ним дальше стало – Маша понятия не имела. Да и знать не хотела, друзьями они никогда не были, просто учились вместе. У нее в институте вообще друзей не было, не сложилось как-то.

Серенька на компьютер отреагировал на удивление равнодушно. Двоюродного братишку больше занимали колбочки, пробирки с химическими реактивами, книги по криминалистике и детективы о Шерлоке Холмсе – Сережка мечтал стать великим сыщиком. Братишка, видно, в нее пошел, когда-то Маша тоже мечтала быть великим сыщиком, лазила везде с увеличительным стеклом, даже нашла пропавшую у бабы Нюры козу Феклу. Как выяснила Мария, Феклу похитил сосед, решив пустить бедное животное на шашлык. Преступником двигала месть: незадолго до похищения коза по недосмотру бабы Нюры проникла на соседский огород и уничтожила половину урожая капусты и других сельскохозяйственных культур, возвращенных соседом на щедро политой навозом земле. Сейчас ей смешно было вспоминать о своих детских мечтах, но профессию она выбрала, так сказать, созвучную: решила стать адвокатом.

Валентина же подарок оценила, правда, подойти к нему вначале боялась. Боже, как же Маруся соскучилась! Целый год дома не была.

Как ее угораздило эту комнату снять? За что ей наказание такое? А еще радовалась, дура, когда старая карга на ее объявление отозвалась! «Девушка без вредных привычек...» Одно лишь Машу обнадеживало: среди гостей могут оказаться родственники Ольги Сергеевны или люди, знающие, как их разыскать. Она все выяснит, а потом без всякого царского соизволения с ними свяжется. Пусть думают сами, что со старушкой делать, а Маша переезжает обратно в общагу. Хватит с нее!

* * *

Весь следующий день Мария провела в хлопотах: носилась по магазинам с внушительным списком, составленным старухой, толкалась в очередях, таскала сумки с продуктами домой. Сразу все унести не получалось. Ольга Сергеевна, похоже, решила шикануть на полную катушку, заказала купить все самое-самое и денег выделила на продукты столько, сколько Маша зарабатывала за полгода. Мария уже приготовилась стругать салат «Оливье», варить холодец и крошить селедку «под шубой», но в меню Ольги Сергеевны подобные блюда не предполагались. В качестве закуски надлежало подать на стол пармскую ветчину, язык с хреном и зеленым горошком, перепелиные яйца с щучьей икрой, фаршированные баклажаны и чернослив, сыр с ананасами, маринованного лосося в горчичном соусе, маслины, оливки, салат из авокадо с креветками, белугу, семгу и красную икру. Ольга Сергеевна еще и черную заказывала – не знала о запрете, она очень расстроилась, когда Маша сказала, что этот деликатес в магазинах теперь купить невозможно. В качестве горячего фигурировал традиционный гусь с яблоками и жареные перепела, блин! Перепелов, к удивлению Маруси, она купила в супермаркете без проблем. Представляли они собой жутковатое зрелище: худенькие ошипанные тельца, похожие на дохлых воробьев. За гусем пришлось изрядно побегать по району, раздобыть его удалось только на рынке, за какую-то нереальную цену, но зато парного, а не замороженного. К вечеру Маша была измотана до последней крайности. Одно радовало: выпивку закупать в промышленных масштабах не пришлось, у Ольги Сергеевны в баре нашлось столько алкоголя, что можно было бы роту солдат напоить. Маруся ради интереса изучила этикетки: виски, коньяки, шампанское, вина белые и красные, даже портвейн был в наличии, правда, заграничный, «Ройял винтадж», и все напитки – хрен знает какого года выпуска. Похоже, бабка собирала бутылки всю свою жизнь, а теперь решила отравить всех своих гостей просроченным алкоголем.

Проснулась Маша в скверном настроении. Готовить ей предстояло под чутким руководством старухи, и оптимизма это отнюдь не внушало. Все нервы истреплет, решила она. Но Ольга Сергеевна в это утро была на удивление благодушна, с нравоучениями и замечаниями не лезла, значительную часть работы взяла на себя, Маруся лишь ассистировала. В общем, Вознесенская выглядела бодрой, свежей и какой-то азартной. Глаза ее блестели молодо и по-боевому. Не к добру это, с тревогой думала Маша. В памяти всплыл разговор Ольги Сергеевны с неким Аркадием из детективного агентства. К полудню основные приготовления

завершились, и они разошлись по своим комнатам.

– Маша, поди ко мне, – раздался из соседней комнаты властный голос. Маша посмотрела на часы – четверть седьмого, она и не заметила, как уснула. Вот балда, надо же еще успеть себя в порядок привести и начинать сервировать стол.

Ольга Сергеевна сидела королевой в кресле в своей комнате и постукивала палочкой по ковру. На ее кровати были разложены вечерние платья, рядом стояли на ковре несколько пар туфель, немного старомодных, но удивительно красивых.

– Выбери себе наряд. По размеру тебе должно подойти. В молодости я была немного полнее.

– И выше, – усмехнулась Мария.

– И выше, – без тени улыбки сказала Ольга Сергеевна. – Размер обуви у нас одинаковый.

– У меня есть платье, – шмыгнула носом Маша, замороженно глядя на необыкновенной красоты туалеты: тафта, атлас, бархат, органза, кружево – все платья в отличном состоянии, словно только что из магазина.

– Боже, когда ты уже прекратишь мне перечить, несносная девица! – закатила глаза Ольга Сергеевна. – Эти туалеты – не какой-нибудь ширпотреб, они сшиты на заказ у лучших портных Англии, Франции и Америки! А твои платьице, наверное, на рынке куплено? Хочешь меня опозорить перед гостями? Меряй немедленно туалеты! Возможно, наряд придется по фигуре подогнать, а времени у нас в обрез.

– Я не умею шить, – буркнула Мария.

– Тебя никто и не просит. Просто делай то, что тебе говорят.

По фигуре ничего подогнать не пришлось, все наряды подошли, но Маша растерялась, поэтому Ольга Сергеевна выбрала для нее туалет сама. Маленькое черное платье, скромное, но идеально скроенное, оно сидело, как влитое, и делало ее фигурку стройной и изящной. Винтажные бархатные туфли с пряжкой и тупым мысочком тоже идеально смотрелись на ногах. Вознесенская попросила ее присесть напротив, сделала Марусе макияж и умело уложила волосы.

– Шарман, – с одобрением сказала Ольга Сергеевна, повернув ее к зеркалу. – Ты очень красивая девушка, Машенька! У тебя редкая, утонченная, аристократическая красота. Ограничь бы тебя, и засверкаешь, как бриллиант. Жаль, что времени у меня мало. К слову, о бриллиантах... – Вознесенская выдвинула ящик трюмо, достала плоскую коробочку, обитую бордовым шелком, и передала ее Маше. – Надень, пожалуйста, эти украшения к ужину. А теперь иди, мне надо немного отдохнуть. Устала я, Машенька.

– Конечно, Ольга Сергеевна, – кивнула Маша и торопливо вышла. Второй раз за вечер Вознесенская назвала ее Машенькой, и в голосе ее прозвучала непривычная нежность. Марусе вдруг стало так жалко эту пожилую одинокую несчастную женщину, что даже сердце зашло от грусти, и она отчетливо поняла, что не оставит Ольгу Сергеевну одну – не сможет, если, конечно, хозяйка сама не выставит ее вон.

Коробочку она открыла в своей комнате – и ахнула. Внутри, на алом бархате, переливались и сверкали: старинное кольцо, серьги и ожерелье из черных камней. Сердце екнуло. Вознесенская, кажется, что-то говорила о бриллиантах... Неужели эти камни... Боже, она читала, что черные бриллианты считаются самыми дорогими, а значит, украшения стоят целое состояние! Надевать это великолепие было страшно – не дай бог, что-нибудь случится, но спорить с Ольгой Сергеевной бесполезно. Мария аккуратно надела гарнитур и снова прилипла к зеркалу. Из стекла на нее смотрела стройная привлекательная незнакомка – настоящая леди.

Никто и никогда не говорил Марусе, что она красивая, даже мама. У нее и парня-то не было, не считая Вовки, соседа, который ни одной юбки мимо не пропускал. С детства она считала себя уродкой, прятала глаза, сутулилась, сторонилась парней, одевалась неброско и почти не пользовалась косметикой, чтобы не привлекать к себе внимания. Вовка был красив, но туповат, Марусе он совсем не нравился, но ухаживания его она благосклонно приняла и даже разрешила поцеловать себя в губы. Очень захотелось узнать, каково это – быть чьей-то девушкой. Роман их длился месяц, до тех пор пока Вовка не полез к ней под юбку – противно стало до омерзения. Впервые все должно случиться по любви, решила Маруся и – отправила Вовку в далекие дали.

В институте ее пренебрежительно прозвали Пеппи. Наверное, из-за худобы, нескладности и двух косичек, в которые она заплетала свои длинные светло-русые волосы. Девочки высмеивали ее дешевенькую одежду, мальчики и вовсе ее не замечали, разве что в сильном алкогольном угаре, в общаге, в углу, зажмет какой-нибудь идиот. Самое ужасное, что Маше и самой никто не нравился. В глубине души она лелеяла надежду, что к ней тоже придет любовь, но этого пока что так и не случилось.

Все изменилось, Мария, словно по мановению волшебной палочки доброй феи, вдруг почувствовала себя привлекательной. Феей оказалась Ольга Сергеевна – она будто кокон с нее сняла, в котором Мария

пряталась. Жаль, что принца на горизонте не предвиделось, но душу ее наполнило вязкое, как сладкая карамель, предвкушение счастья.

Маша поправила прическу и вышла из комнаты. Первый гость должен явиться с минуты на минуту. Ольга Сергеевна перебралась в гостиную. Выглядела она усталой и встревоженной, слой пудры и наведенный румянец не скрывали ее бледности.

– Как вы себя чувствуете, Ольга Сергеевна? – с тревогой спросила Маша. – Вы лекарство приняли?

– Прости меня, девочка, – вдруг сказала старушка.

– За что? – удивилась Мария.

В дверь позвонили, и ответа она так и не получила. Пошла открывать, но отчего-то ей стало не по себе. Снова всплыл в памяти телефонный разговор Ольги Сергеевны с загадочным Аркадием. Этой ночью старушка планировала разложить какой-то пасьянс, но Маша ни разу не видела в руках Вознесенской карты... Сегодня случится что-то плохое, подумала Мария и распахнула дверь. Ольга Сергеевна тоже выползла в прихожую, чтобы лично приветствовать гостей. Приглашенные приехали практически одновременно, в прихожей возникла суета, у Маши в глазах зарябило от незнакомых лиц. Она, вежливо улыбаясь, помогала им раздеться, пыталась сразу заучить имена, но тщетно – запомнила лишь некоторых.

В одиннадцать все расселись за праздничным столом, и Мария смогла рассмотреть всех повнимательнее. Ее саму тоже пристально изучали, она постоянно ловила на себе неприятные, какие-то оценивающие взгляды. Старушка представила ее гостям просто по имени, пустив прозрачный намек на то, что скоро будет сюрприз, имеющий отношение ко всем присутствующим.

В воздухе чувствовались напряжение и нервозность, спокойной выглядела лишь Ольга Сергеевна, но Маша понимала, что спокойствие это мнимое – Вознесенская явно играла какую-то роль. Гости тоже вели себя как-то искусственно: усиленно делали вид, что приглашению старухи они несказанно рады, а на самом деле они явно тяготились визитом и мечтали поскорее сбежать. Господи, что за театральное представление? Странный Новый год! Странные люди, похожие на кукол, «синтетические» эмоции, неискренние улыбки... Маше стало душно, предчувствие беды все сильнее давило на сердце.

Оказалось, что родственников у Ольги Сергеевны много, и все они восседали за праздничным столом: двоюродный брат Олег Петрович, краснолицый толстяк лет пятидесяти, с женой, такой же круглой, как ее супруг, две их блондинистые дочери, Марина и Алена, не успевшие еще разжиреть до габаритов папеньки и маменьки, но явно стремившиеся их догнать. Сестра мужа Вознесенской, Алла Степановна, неприятная остроносая особа, причесанная на прямой пробор, судя по бегавшему взгляду – психическая. Алла Степановна приехала с сыном, молчаливым угрюмым мужчиной с усиками и наметившейся плешкой, его женой и двумя их детьми, имен их Маша не запомнила. Вдова сына Ольги Сергеевны, Анна, яркая красивая брюнетка. Вела она себя раскованно и естественно в отличие от других гостей и выделялась на общем фоне – от нее веяло богемными тусовками, гламурными вечеринками, дорогими салонами красоты. Холеная, ухоженная, совершенная, пленительная. Она была в кремовом платье в стиле ретро, короткие черные волосы уложила волной. При взгляде на Анну у Маши почему-то возникли ассоциации с Агатой Кристи, точнее, с экранизациями ее бессмертных произведений. О таких говорят – женщина-вамп. Все мужчины за столом не сводили с Анны глаз. Олег Петрович прощупывал ее лицо сальным взглядом, хмурый Антон ронял слюни в тарелку, а представительницы слабого пола поглядывали на вдову сына Вознесенской с завистью и раздражением. Ей было не больше двадцати пяти лет. Выходит, у них с сыном Ольги Сергеевны был неравный брак? Даже если предположить, что Вознесенская родила поздно, как большинство балерин, все равно он годился ей скорее в отцы, чем в мужья. Интересно, что с ним случилось? Отчего он умер? И главное, почему ни один из присутствующих ни разу не навестил старушку? Или, на худой конец, не позвонил и не справился о ее самочувствии? Что за уроды – все эти люди?

Тайну вскоре открыла сама Ольга Сергеевна. Вознесенская попросила гостей наполнить бокалы и поднялась.

– Спасибо, что вы все пришли, – торжественно провозгласила она. – Я безмерно виновата и хочу попросить у вас прощения. После трагической гибели сына я была сама не своя от горя и не ведала, что творила.

– Да ладно тебе, Оля, оправдываться, – сказал Олег Петрович, – не чужие же люди, понимание имеем. Ты нас тоже извиняй, и давайте выпьем уже, – толстяк потянулся губами к бокалу, но Вознесенская жестом остановила его.

– Детектив, нанятый мной для расследования обстоятельств смерти моего сына, подтвердил, что никто из вас не причастен к гибели Николаши. – Ольга Сергеевна тяжело опустилась на стул. – Простите, что подозревала вас в злом умысле, – тихо сказала она. – Помутнение рассудка произошло, ведь если рассуждать логически, то...

– Начинается та же песня, – влезла остроногая, нервно постукивая вилкой по столу, и Маше захотелось эту тетку загрызть, но ее опередила Анна.

– Будьте любезны помолчать, Алла Степановна! Дайте Ольге Сергеевне досказать спокойно, – сверкнула она темными глазами на неврастеничку.

– Спасибо, Аня, – сухо улыбнулась Вознесенская. – Николаша – мой единственный наследник, умер он вскоре после того, как я собрала вас на ужин и объявила, что жить мне осталось от силы полгода. Сейчас – уже не больше месяца.

– Ольга Сергеевна, почему вы мне ничего не сказали? – не выдержала Маша, и на глазах ее блеснули слезы.

– О чем я должна была тебе рассказать, Машенька? – улыбнулась старушка.

– О том, что... Я бы тогда... Я тогда никогда бы... – Голос ее дрогнул, она усилием воли попыталась не расплакаться.

В комнате повисла неловкая тишина.

– Тебе непременно надо нанять преподавателя по риторике, – властно сказала Вознесенская и добавила уже мягче: – Иначе ты, Машенька, никогда хорошим адвокатом не станешь. Пообещай, что выполнишь мое наставление.

– Угу, – буркнула Маруся.

– Не переживай, милая, я к смерти давно готова. И без того задержалась на этом свете дольше, чем положено, сына похоронила. Плохо, когда дети умирают раньше родителей. Неправильно!

– Да что же мы все о грустном! – бодро сказала Анна: на этот раз «панихиды» не выдержала она. – Без пяти двенадцать. Давайте скорее проводим старый год. Да, это был очень тяжелый год, но жизнь продолжается!

– И то верно, – согласилась Вознесенская. – Пора. Пора проводить старый год и отведать восхитительные блюда, приготовленные Машенькой.

Гости с радостью подняли бокалы. Все были счастливы, что Ольга Сергеевна оставила скользкую тему.

– Спасибо этому году за все хорошее, а все плохое пусть остается в прошлом, – провозгласила Ольга Сергеевна.

Раздался перезвон хрусталя. Застучали вилки по тарелкам. Снова наполнили бокалы. Антон сделал телевизор погромче. Президент читал поздравительную речь, напряженная атмосфера вечера разрядилась. Куранты отбили двенадцать ударов.

– Ура! – закричали все дружно, чокнулись, выпили, вновь расселись за столом.

– Ну и главный сюрприз вечера, – отпив из бокала, сказала Вознесенская. – Встань, Машенька, – попросила она. Маруся неуверенно поднялась, сгорая от неловкости. Взгляды всех гостей вновь обратились к ней. – Прошу любить и жаловать – моя внучка, дочь Николаши и будущая наследница моего состояния, Мария Вознесенская!

Маша подавилась шампанским и закашлялась. Раздался звон разбитого стекла, кто-то уронил бокал на пол. В комнате снова повисла неловкая тишина, все смотрели на Марусю, словно на привидение, а она таращилась круглыми глазами на Ольгу Сергеевну: воздуха не хватало, кружилась голова... Она была не в состоянии понять, что происходит, но чувствовала – ее жизнь неожиданно сделала крутой вираж, и все изменилось.

– Очень мило, – первой нарушила молчание Анна, глаза ее потемнели. Если раньше она смотрела на Машу с легким ироническим интересом, то теперь – с брезгливостью и нескрываемой неприязнью. – Забавно, – фальшиво рассмеялась она, манерно поправив прическу. – Не ожидала от Николая такой прыти! Когда же он успел сотворить это прелестное создание?

– Смею тебе напомнить, Аня, что разница в возрасте у вас с Николаем была в двадцать лет, и, естественно, ты была не первой женщиной в жизни моего сына, – резко отреагировала Вознесенская. – История тем не менее довольно банальная. Начиная свой первый бизнес, Николай часто ездил по стране. Будучи человеком молодым, здоровым, но бестолковым, он заводил легкомысленные связи с разными женщинами. Но однажды в городе Саратове у него случился настоящий роман, в результате которого на свет появилась Машенька. О ребенке Николай узнал, вновь приехав в Саратов через несколько месяцев, но перспектива стать отцом в столь молодом возрасте его прельщала мало. Он смалодушничал и сбежал обратно в Москву, оставив будущую маму самостоятельно разбираться с проблемой. Шло время, Николая начала мучить совесть, он сильно переживал, но вернуться в Саратов силы воли ему так и не хватило. К тому же, как это ни печально, но любовь к матери Машеньки со временем прошла. Чтобы не возникло недоверие и не пошли кривотолки, сразу оговорюсь: эту историю я знаю со слов своего сына – Николаша всегда делился со мной всем. После смерти сына, когда я поняла, что его ребенок – это единственная

возможность сохранить род Вознесенских, я наняла детектива и разыскала свою внучку. Прости меня, Машенька, что не открыла тебе все сразу же – хотела убедиться, могу ли я тебе доверять. Испытание ты выдержала достойно. Теперь я могу умереть спокойно. Дело осталось за малым – заверить завещание. Тянуть с этим не хочу, нотариус придет ко мне послезавтра утром.

До Маши наконец-то дошел смысл слов Ольги Сергеевны, и она рухнула на стул.

– Очаровательно! – неискренне расхохоталась Анна. – Нет, ну просто комедия положений. Простите, но я больше не желаю участвовать в этом фарсе. – Вдова Николая поднялась и, швырнув салфетку на стол, вылетела из комнаты.

– Она подурнела и располнела, – ядовито шепнула Олегу Петровичу супруга. Двоюродный брат Вознесенской осоловело посмотрел на жену, побагровел, тяжело задыхался и схватился за грудь в районе сердца. Он пошарил по карманам, нашел валидол и сунул таблетку под язык.

– Поздравляю, деточка, – пропела сестра мужа Вознесенской, налила себе водки и залпом ее выпила.

– Что же вы загрустили, гости дорогие? Это непорядок! Для каждого из вас я приготовила подарки, – улынулась Ольга Сергеевна. – Как вы знаете, у меня прекрасная коллекция живописных полотен и антиквариата, ее начал собирать еще мой прадед. Вещи ценные и очень дорогие, многие мне удалось сохранить лишь чудом. Каждый из вас получит от меня в подарок уникальное произведение искусства и будет волен распоряжаться им по своему усмотрению.

В комнате возникло оживление, в глазах присутствующих Маша уловила жадный блеск, и ей стало противно. Родственники Ольги Сергеевны напоминали Марусе стаю голодных собак, готовых скакать на задних лапках за любую подачку.

– Правда, не сегодня, – остудила их радость Вознесенская. – Машенька передаст вам подарки после моей смерти, как память обо мне. Хочу дожить свой век с ними, не люблю перемен. Поименный список передаю Машеньке, он также будет продублирован в завещании. А теперь прошу меня извинить. Кушайте, развлекайтесь, а мне пора – сегодня был очень тяжелый день. Маша, проводи меня, пожалуйста. А потом проверь, все ли вещи ты собрала.

– Какие вещи? – растерялась Маша, вскочив из-за стола.

– Иногда ты бываешь просто невыносимой! Вещи, которые ты собираешься взять с собой в Саратов. Твой поезд – в восемь утра, завтра тебе будет не до этого.

* * *

До своей комнаты Вознесенская добрела с трудом. Маша поддержала ее за талию, помогла раздеться и лечь в постель. Теперь она поняла, что за пасьянс собиралась разложить Ольга Сергеевна в новогоднюю ночь. Они сговорились с детективом. Николая убили, и Вознесенская решила поймать убийцу сына на живца. Вот за что Ольга Сергеевна просила у нее прощения! Никакая она ей не внучка и не дочь Николая, Вознесенская разыграла перед собравшимися комедию.

– Вижу по глазам, что ты все поняла, но давай не будем сейчас это обсуждать. Слушай меня внимательно, в семь за тобой придет такси и отвезет тебя на вокзал, – прошептала Ольга Сергеевна. – Ты сядешь в саратовский поезд, но выйдешь за минуту до отправления из другого вагона, возьмешь такси и поедешь в Звенигород. Я купила тебе путевку в дом отдыха. Там побудешь, отдохнешь, проветришься – я позвоню, когда можно будет вернуться.

– Я вас не оставлю, Ольга Сергеевна! – возмутилась Мария. – Думаете, я не понимаю, какую игру вы затеяли? Вы ведь нарочно при всех сказали, что завтра я уезжаю, значит, убийца в курсе, что вы останетесь дома одна!

– Опять перечишь, несносная девица! Уедешь, как миленькая. В Москве тебе оставаться никак нельзя – опасно. Я без того грех на душу взяла, что втянула тебя помимо воли в эту аферу. Ты уж зла на меня не держи, постараюсь искупить свою вину.

– Да не держу я на вас зла, но вы могли бы и предупредить. Я чуть умом не повредила!

– Боялась, что откажешься, а уговаривать я бы не стала, – откровенно созналась наглая старуха.

– Ольга Сергеевна, я боюсь, – потерянно сказала Мария. – За вас боюсь. Не мне, а вам нельзя оставаться одной. Эти люди – они ужасны!

– Обыкновенные люди, – отмахнулась Вознесенская, – самые обыкновенные. Все, девочка, иди. И не волнуйся за меня. Я, слава богу, еще не выжила из ума и не собираюсь оставаться один на один с убийцей. Мне будет помогать один очень хороший человек, которому я безгранично доверяю. Возьми в трюмо его визитку, Аркадий Мамонтов. В случае непредвиденных проблем смело обращай к нему – он частный

детектив, настоящий профессионал.

Вознесенская замолчала и закрыла глаза. Маша поправила одеяло и тихо вышла из комнаты.

В гостиной царило оживление: список подарков, который Ольга Сергеевна оставила на столе, ходил по рукам и весьма эмоционально обсуждался. Машу снова затошнило. Она усилием воли заставила себя войти в комнату, собрала грязную посуду, пошла в кухню, чтобы проверить горячее в духовке, и вздрогнула, чуть не выронив поднос с посудой из рук, – в комнате сына Вознесенской послышался шорох, словно кто-то подвинул стул. На лбу выступили бисеринки пота, Маруся на ватных ногах донесла поднос до кухни, поставила его к раковине, вернулась обратно к двери и припала к ней ухом, прислушиваясь. В комнате было тихо.

– Вот ты где, киска, – послышалось за спиной, и чьи-то руки бесцеремонно зашарили по ее телу. Она резко обернулась и оттолкнула нахала – хамом оказался Антон. Он отступил на пару шагов, покачнулся и вновь навалился на Машу, прижав ее спиной к двери. Его лицо было совсем близко, Антон смотрел ей в глаза и пьяно ухмылялся. – Красивая ты баба, – дыхнул он на Машу перегаром, – как увидел, так покой потерял. Может, пока никто не видит, уединимся минут на десять? Поверь мне, детка, я умею доставлять женщине наслаждение!

– Убирайся ко всем чертям, – сквозь зубы процедила Маша, пытаясь высвободиться, но Антон был настолько пьян и возбужден, что не слышал ее.

– Поворачиваем ключик, открываем дверь, – сказал он, резко втолкнул Машу в комнату покойного сына Ольги Сергеевны и запер дверь изнутри. В комнате было темно, лишь слабая полоска света от уличных фонарей пробивалась сквозь плотные гардины. Именно из этого окна отправились на небеса сын и муж Ольги Сергеевны. Она впервые оказалась здесь, и ей стало так страшно, что ноги приросли к полу и парализовало связки. Господи, а если Антон – убийца?! Если это он сбросил Николая из окна? Такому кабану это ничего не стоит!

Антон схватил ее в охапку и поволок к окну, шепча ей на ухо какую-то похабщину. Она закричала, но мужик липкой ладонью закрыл ей рот и нос, другой рукой сжал сзади за запястья – теперь при любом сопротивлении Маруся испытывала адскую боль. Кажется, пришла ее очередь полетать. Сейчас он выкинет ее из окна, тихо выйдет из комнаты – и все. Все для нее закончится...

Перед окном стоял массивный письменный стол. Антон неожиданно отпустил ее руки и толкнул Машу вперед – она упала грудью на столешницу, крепко вцепилась в нее пальцами.

– Вот умница, давно бы так, – хрипло сказал Антон, схватил ее за волосы и прижал голову к столу. – Стой, не дергайся! Если будешь хорошо себя вести, я все сделаю быстро и ласково.

«Господи боже мой, он решил меня сначала изнасиловать, а потом в окно выкинуть?!» – с ужасом подумала Маша. Не слишком ли много удовольствий для одного вечера?

– Скотина, у тебя жена и дети в соседней комнате, – попыталась она образумить мужика.

– Но не мог же я упустить возможность трахнуть королеву! – заржал Антон.

Взвизгнула «молния» на его брюках, они с шорохом стекли на пол, и в ту же секунду Антон, издав приглушенный булькающий звук, грохнулся на ковер. В дальнем углу комнаты что-то скрипнуло, и вновь все стихло.

Маша выпрямилась и медленно обернулась – Антон кулем валялся на полу и не шевелился. Глаза понемногу привыкли к темноте, в полумраке смутно проступали силуэты: диван, два кресла, закрытые белыми простынями, платяной шкаф, музыкальный центр, телевизор, на стене большие часы, не тикают, стрелки показывают без четверти двенадцать – стоят. Стрелки стоят. Стрелки стоят... Ее сердце, напротив, сумасшедшим маятником раскачивалось в груди. Маша бросилась к двери, споткнулась о тело Антона, свалилась на пол, подползла к двери – она была заперта изнутри на ключ. Вот почему Ольга Сергеевна запрещала входить в эту комнату: здесь обретались неприкаянные души Николая и Льва Борисовича! Они без спроса вторглись в чужие владения и разгневали духов. Антон поплатился за это, теперь – ее очередь.

– Мамоchка, спаси меня, – трясущейся рукой Маша повернула ключ в замке, распахнула дверь и вылетела из комнаты – стены коридора сузились, потолок словно стал ниже, голову наполнил туман, и Маша провалилась в него, как в пуховую перину.

Очнулась она в кухне, сидя на табуретке. Рядом стояла Анна и пыталась напоить ее водой. В помещении тошнотворно пахло пригоревшим мясом. «Гуся спалила», – равнодушно подумала Маша, глядя на обугленную тушку в духовке.

– Я думала, вы уехали, – сказала Мария, забрав у Анны стакан и сделав глоток, потом еще один, чтобы избавиться от металлического привкуса во рту.

– Вижу, взгляд приобрел осмысленность, – улыбнулась Анна. – Пей до дна, – вдова Николая насильно влила ей воду в рот, вымыла стакан и поставила его в сушилку. – Напугала ты меня. Вошла в кухню, как

сомнамбула, белая вся, глаза стеклянные. Обкурилась?

– Да нет, что вы, я не курю. Это... – Маша осеклась, размышляя, рассказывать ли Анне о происшествии, не удержалась и выложила все.

– Ну ты и дурочка, – расхохоталась Аня. – Какие духи? Начитаются всякой дряни эзотерической, потом мелют неизвестно что. Физику надо было лучше в школе учить. Антон просто перебрал и вырубился в самый ответственный момент.

– Но он же мертв!

– Ты проверяла?

– Нет, не проверяла, но... похоже... показалось...

– Когда кажется – креститься надо. Пойдем, проверим. Говорю же, он просто выпил лишку и отрубился – у него это бывает. Мерзкое животное, он ко мне тоже под юбку лез, но я его быстро на место поставила. – Анна сладко потянулась, и Маша вдруг заметила, что под драпировкой платья прячется животик – вдова сына Ольги Сергеевны была в положении. Срок месяцев шесть-семь. Николай погиб шесть месяцев назад, значит, вдова сына Вознесенской носит под сердцем его ребенка. Несчастливая женщина, пережить смерть мужа во время беременности!

– Я не могу, мне что-то нехорошо опять стало, голова кружится, ноги и руки словно чужие, – прошептала Маруся, с удивлением прислушиваясь к себе.

– Да не бойся ты, – усмехнулась Анна. – Как маленькая, в самом деле. Пойдем скорее. Свет включим, пинками растолкаем алкаша Антона, и все твои страхи пройдут.

Маша поднялась, поплелась за Анной. У самой двери ее замутило сильнее, перед глазами замелькали разноцветные точки.

– Открывай, – подтолкнула ее к двери Анна, ее голос прозвучал словно издали.

– Может, лучше ты? – неуверенно кивнула на ключ Маруся.

– Трусиха, – раздраженно сказала Анна, сама открыла дверь, вошла и втянула в комнату Машу. Антон по-прежнему лежал около стола и храпел. Анна взяла ее за руку и подвела к столу. – Убедилась? – шепнула она ей на ухо.

– Как глупо, – хихикнула Маша и потеряла виски. В голове шумело, звенело в ушах, с каждой минутой звон нарастал. – Аня, давай не будем его будить и уйдем отсюда. Мне что-то совсем нехорошо.

– Здесь невыносимая духота. Я сейчас окно открою, и тебе полегче станет. – Вдова Николая резко отдернула штору и распахнула окно, в комнату проник свежий воздух, погладил Машу по лицу. Звон в ушах немного стих, легкие наполнились прохладой, в голове прояснилось. Анна высунулась в окно. – Боже мой, что это? Кажется, там кто-то лежит! Человек какой-то. Иди сюда, скорее! У меня зрение плохое. Может, ему помощь нужна?

– Где? – Маруся подошла к окну, порыв ветра и морозная свежесть отрезвили ее окончательно.

– Там, внизу, под окнами, на асфальте, – обеспокоенно сказала Анна. – Посмотри.

– Агата Кристи, «Десять негрятят», – прошептала Маруся и нервно рассмеялась ей в лицо.

– Что ты сказала? – Лицо Анны стало жестким.

В левом углу комнаты что-то скрипнуло, по ковру в их направлении проследовали тихие шаги, и Маша краем глаза увидела призрака, который помог ей избавиться от пьяного насильника.

– Я говорю, что люблю Агату Кристи. Скажи, Аня, своему мужу ты тоже что-то подмешала в воду, прежде чем помочь ему выпасть из окна? – спросила Маруся. – Поэтому и следов насилия на его теле не обнаружили?

– Сучка! – зло выругалась вдова Вознесенского-младшего.

– Как ты заставила Николая написать предсмертную записку? – спросила Мария.

Она стояла к Анне вполборота, чтобы оставалась возможность схватиться за стол, если женщина предпримет попытку выкинуть ее в окно. Повезло: Анна не рассчитала, что сейчас зима и свежий воздух приведет девушку в чувство. Но кто знает, как работает отраву, которую вдова Николая налила ей в воду? Немного успокаивало, что «призрак» находился совсем рядом: он тихо стоял за спиной Анны и посылал Маше подбадривающие знаки, чтобы она продолжала раскручивать убийцу.

– Записки никакой не было, это страница из дневника Николая. Этот придурок постоянно писал всякую ерунду в дневнике, после каждой нашей ссоры садился за писанину и представлял, как он убьет себя и обвинит меня в своей смерти. Тетрадок у него было полно, я лишь одну передала старухе, другие сожгла, чтобы следствие ненароком не наткнулось на дневник, где не хватает страниц. Для него это была своего рода психотерапия, на самоубийство Николай был не способен – жалкий слизняк! Я его ненавидела! Я устала жить в нищете, ожидая, когда его маменька отойдет в мир иной. Когда Ольга Сергеевна объявила о своей болезни, нервы мои были на пределе.

– И ты решила ускорить процесс, – закончила ее мысль Мария, – убить одним выстрелом двух зайцев – избавиться от мужа и от Ольги Сергеевны, рассчитывая на то, что пожилая женщина не переживет смерти сына и очень быстро отправится вслед за ним. Ты здорово все придумала, отвела от себя все подозрения: если бы следствие заподозрило убийство, то никому и в голову не пришло бы подумать на тебя. Бедная вдова с кучей долгов... Ребенок Николая должен был исправить положение.

– Да, но тут появилась ты и все испортила! Откуда ты только взялась, так все чудесно сложилось. Ну, не беда, самое время все исправить. Ты мне очень помогла, детка, что покувыркалась в этой комнате с Антошкой, теперь этот жалкий ублюдок, когда очухается, ответит за твою смерть, а меня здесь вообще нет – я ушла в начале ужина, этому полно свидетелей. – Анна молниеносно схватила со стола тяжелый подсвечник, занесла над головой для удара, но тут «призрак» перехватил ее руку и заломил ее за спину. Анна взвизгнула и ошарашенно обернулась.

– С Новым годом, – сказал он и мило улыбнулся.

– Вы кто? – потрясенно спросила черная вдова.

– Дух Николая, – подмигнул ей призрак. – Пойдемте, Анна Андреевна.

– Куда?

– В ад, – без тени улыбки сказал призрак. – Кстати, позвольте представиться – Аркадий Мамонтов, в свободное от мистических дел время я подрабатываю частным детективом.

– Уж послала так послала, – усмехнулась Маша и подумала, что ощущения ее не подвели – перед ней стоял ее принц, тот, которого она искала так долго.

– Простите? – не понял Аркадий.

– Елочку полтора метра высотой найти оказалось непросто...

В глазах Аркадия заплясали озорные чертики.

– К счастью, я успел нашпиговать эту комнату аппаратурой, как атомную подводную лодку.

* * *

Ольга Сергеевна умерла через неделю после Нового года, в Рождественскую ночь – говорят, что это благо. Умерла тихо и покойно, с улыбкой на лице, но перед смертью умоляла Машу о прощении. Подвергать ее жизни опасности Вознесенская не хотела, рассчитывала, что убийца поступит проще и попытается избавиться от нее самой, чтобы она не успела оформить завещание. Маруся, как могла, успокаивала старушку.

Все хлопоты о похоронах Маша взяла на себя и достойно проводила Ольгу Сергеевну в последний путь. Осталось выполнить ее волю. Родственнички явились за памятными презентами сразу после похорон. Маша раздала подарки по списку, повторяя про себя слова Ольги Сергеевны: «Обыкновенные люди, самые обыкновенные...» Но что дальше делать, где оставить ключи от квартиры, Маруся понятия не имела. Вознесенская советовала, чтобы в случае возникновения проблем она звонила Аркадию Мамонтову. Она нашла визитку детектива, потянулась к телефону, но он вдруг зазвонил.

– Маша, как поживаете? Помощь моя нужна? – раздался из мембраны приятный мужской баритон.

– Как раз собиралась вам звонить, – рассмеялась Маруся.

– Приятно это слышать. Вашему звоночку я всегда рад. Так в чем проблемы?

– Куда мне ключи девать?

– Какие ключи? – не понял Аркадий.

– От квартиры. Вы случайно не знаете?

– Случайно не знаю.

– Жаль. Что же мне делать? Я завтра переезжаю обратно в общагу. Не могу же я их под ковриком оставить!

– Зачем обратно в общагу? – окончательно растерялся детектив.

– Аркадий, странный вы человек! Ольга Сергеевна умерла, я живу в чужой квартире.

– Ольга Сергеевна была права – вы чудо! – расхохотался Аркадий. – Маша, милая Маша, никуда не надо переезжать. Вы – единственная наследница Ольги Сергеевны Вознесенской.

– Но я же не дочь Николая! – охнула Маруся. – Он никогда не был в Саратове, всю эту историю придумала Ольга Сергеевна, чтобы заманить убийцу в мышеловку.

– Да, Маша, это правда. Николай Вознесенский никогда не был в Саратове, мало того, у него не могло быть детей, но это вовсе не мешало Ольге Сергеевне полюбить вас как родную и назвать своей внучкой.

– Как не могло быть детей?! А как же Анна? Она же...

– Она не знала, что Николай бесплоден, он боялся ее потерять, поэтому и молчал.
– Господи, значит...
– Да не забивайте вы себе голову всякой ерундой. Собирайтесь! Я заеду за вами через полчаса.
– Зачем?
– Ольга Сергеевна велела, чтобы я непременно за вами приударил.
– Что она велела? – прыснула Маша.
– Вскружить вам голову, очаровать, обаять, далее – по ситуации.
– И вы согласились?
– А что мне оставалось делать? – иронично спросил Аркадий. – Я, конечно, понимал, что это доставит мне много хлопот: цветы, конфеты, томные взгляды, серенады под окнами, но вы же знаете, что спорить с Ольгой Сергеевной бесполезно. И знаете, Маша, когда я впервые вас увидел... Ладно, остальное я скажу вам чуть позже...

Ольга Володарская

Ошибка Деда Мороза

Майор Станислав Головин много лет мечтал встретить Новый год по-человечески. То есть, как все нормальные люди, прийти домой с работы часа в четыре, елочку нарядить, помочь жене потереть свеклу для селедки «под шубой», вечером подремать на диванчике, в одиннадцать сесть за стол, чтобы проводить старый год, в полночь встретить новый, до двух посмотреть телевизор и с чувством исполненного долга лечь спать в начале третьего. Казалось бы, ничего запредельного в этой мечте не было, но Головину никак не удавалось ее осуществить. Из года в год повторялось одно и то же: он прибегал домой за час до боя курантов, когда елка была уже наряжена, а свекла не только потерта (причем не крупно, как любил Головин, а мелко), но и выложена горой на селедку, падал на стул, выпивал фужер шампанского за все хорошее, что было, но прошло, и засыпал, сморенный усталостью, на речи президента. И так на протяжении семи лет...

В канун очередного Нового года Головин, чтобы не травить душу, уже ни о чем не мечтал, а готовился встретить праздник привычно, но свершилось чудо – начальник следственного отдела в качестве поощрения за раскрытое по горячим следам преступление позволил ему уйти с работы сразу после того, как майор закончит годовой отчет. Головин возликовал! Отчет у него был почти готов, поэтому можно не сомневаться в том, что домой он поспеет в заветный час.

И Станислав не ошибся в своих прогнозах! Ровно в четыре часа он переступил порог квартиры и, уловив чутким носом запах вареной свеклы, потопал в кухню.

– С наступающим! – гаркнул он и отсалютовал хлопочущей у плиты супруге бутылкой шампанского.

– Славка? – ахнула она радостно. – Ты уже дома? – И чмокнула его в колючие усы. – Вот здорово! Свеклу потрешь?

– Всенепременно, – благодушно молвил он и, помыв руки, уселся за кухонный стол.

Когда «шуба» для селедки была готова, Головин направился в «зал», чтобы нарядить их небольшую искусственную елочку. Сделав это, он вытянулся на диване, прикрыл глаза и приготовился ко сну, но тут в комнату ворвалась жена Ольга и стала Станислава тормошить.

– Ну что еще? – недовольно буркнул он, приоткрыв один глаз.

– Сейчас позвонили Потаповы и пригласили нас в гости! – объявила супруга таким тоном, будто сама королева английская назначила ей аудиенцию.

– Надеюсь, ты отказалась?

– Еще чего, – фыркнула Ольга. – Я сто лет не встречала Новый год в компании! Так что поднимайся с дивана и отправляйся в душ – мы идем к Потаповым...

– Никуда не пойду! – отрезал Головин, даже не потрудившись вспомнить, кто такие эти Потаповы.

– Пойдешь, как миленький, – строго сказала Ольга. – Хватит с меня скучных праздников у телевизора. Ты опять уснешь, а я сиди, в ящик пялся... Надоело!

– Сегодня я не усну, клянусь, – попытался уговорить ее Станислав, но Ольга была непреклонна.

– Разговор окончен, – сурово молвила жена и швырнула на колени Головина выисканный в недрах шифоньера парадный галстук. – Одевайся, нас ждут к десяти.

И Головину ничего не осталось, как подчиниться – супруга все равно бы добилась своего (истерикой, шантажом, угрозами – она всегда говорила, что на войне все средства хороши), а тратить нервные клетки, которых и так осталось мало по причине того, что они не восстанавливаются, было жаль. Но зато он отвоевал право идти в гости без галстука. Ольга милостиво позволила ему это...

Чувствуя себя победителем, Стас отправился в ванную.

Кто такие Потаповы, Станислав вспомнил только после того, как их увидел. Когда-то давно они жили на одной лестничной клетке, и Ольга дружила с женой Потапова. Кажется, ее звали Леной. Была она приветлива, улыбчива, приятна, но чересчур шумна, поэтому сам Станислав избегал ее общества. Да и главу этого семейства старался обходить стороной, а все потому, что Сергей Потапов был из породы шутников и балагуров, тогда как Головин терпеть не мог анекдоты, шутки, прибаутки, поскольку чувство юмора у него напрочь отсутствовало.

За годы, что Головин не видел бывшего соседа, тот мало изменился. По крайней мере в главном! Был все тем же весельчаком – встречал гостей в прихожей, наряженный в костюм Деда Мороза, напяливал каждому на голову конусообразную шляпку на резиночке, загонял на табурет и заставлял рассказывать

стишок. Головин, естественно, от декламации наотрез отказался. А вот его супруга с явным удовольствием прочла пару четверостиший, за что получила шоколадку и свистульку, после чего втащила хмурого мужа в комнату, где был накрыт стол.

Гостей у Потаповых собралось довольно много – восемь человек. Кроме Головиных, присутствовали еще две супружеские пары и двое одиночек: пышнотелая блондинка приятной наружности и сутулый очкарик в дорогом, но ужасно сидящем на его узкоплечей фигуре костюме. Как выяснилось впоследствии, блондинка была лучшей подругой Лены Катериной, а очкарик другом и коллегой ее супруга, этих двоих хозяева вознамерились «свести». Однако, по наблюдению Головина, «невеста» больше интересовалась другим представителем сильного пола, а именно – мужем второй Лениной подруги Марты Кольцовой. Он был хорош собой: высок, статен, белокур, голубоглаз – и у маленького, худого, чернявого Головина вызвал чувство жгучей зависти. А вот супруга его красотой не отличалась. Была чересчур толста, жидковолоса, конопата, зато занимала высокий пост в администрации города и приносила в дом львиную долю семейного дохода. У второй супружеской пары – Серухиных – дело обстояло совсем наоборот. Муж, Константин, краснолицый и пузатый, зарабатывал деньги, а его жена, красавица Светочка, их тратила. Константин, приятель и бывший начальник Потапова, был хозяином крупного торгового центра, а Света отставной моделью.

Познакомившись со всеми, Головин уселся за стол и стал с нетерпением ждать, когда остальные последуют его примеру и приступят наконец к трапезе – есть ему хотелось ужасно. Но ждать пришлось довольно долго! Ведомые хозяином дома гости минут десять бродили по квартире, осматривая новую обстановку и восхищаясь какими-то невероятными обоями (Головин подозревал, что гостей созвали именно для того, чтобы похвалиться перед ними ремонтом), потом женщины что-то доделывали на кухне, а мужчины курили на лоджии и перемывали кости какому-то Багрицкому. По общему мнению, тот был мужиком башковитым и, в сущности, неплохим, но уж больно необязательным. Сегодня, например, он должен был встречать Новый год у Потапова, но в последний момент без объяснения причин отказался. Правда, он пообещал в начале второго заехать и поздравить партнера и его гостей с праздником, хотя, по мнению куривших, обещания своего не сдержит, ибо слову его – грош цена...

– Кто такой Багрицкий? – полюбопытствовал Головин, адресуя свой вопрос прибежавшей в комнату с тарелкой хлеба супруге.

– Партнер Потапова по бизнесу, – ответила та.

– А Сергей разве бизнесмен? – удивился Станислав. – Насколько я помню, он был заведующим лабораторией в каком-то НИИ...

– Ну да, был. Но когда институт выкупили иностранцы, он вынужден был уйти. Вместе с коллегой, Багрицким (тот занимал в НИИ должность начальника цеха, и его тоже выперли), Сергей организовал небольшое частное предприятие по производству бытовой химии. Дело у них пошло, и теперь, как ты сам видишь, – Ольга красноречиво обвела взглядом отремонтированную комнату, – живут Потаповы хорошо... – И с тяжким вздохом добавила: – Не то что мы! Десять лет ремонта не делали...

Головин насупился. Он сам знал, что квартира их давно нуждается в ремонте, но у него не было времени, чтобы делать его самому, а нанимать мастеров в фирме не позволяли доходы. Вот и жили, как выражалась Ольга, в «сараях», что Головина не особо трогало, а супруга ужасно от этого страдала, посему регулярно пилила его, а один раз даже скандал закатила. После него Головин сбежал в магазин, купил обои, клей, краску и клятвенно заверил Ольгу в том, что приступит к ремонту прямо завтра...

С тех пор прошло около года, а закупленные стройматериалы до сих пор лежат нераспакованные в кладовке!

– Ну что, приступим? – услышал Головин зычный голос хозяина дома и возрадовался. Во-первых, тому, что опасная тема ремонта закрылась сама собой, а во-вторых, главному – пришло время трапезы.

– Милости прошу за стол! – громогласно объявила Елена, водружая в центр стола две запотевшие бутылки шампанского. – Пришло время проводить старый год и встретить новый!

Гости расселись первыми. Вслед за ними на стулья опустились хозяева (Потапов при этом так и остался в своем костюме Деда Мороза, только накладную бороду снял), и по команде Сергея «налетай» все стали раскладывать угощение по тарелкам.

На часах была половина первого, когда начались танцы. Проходили они в другой комнате, что было только на руку не принимающему в них участия Головину. Оставшись один за столом, он наложил себе целую тарелку салата и, уткнувшись в телевизор, стал его поедать. Отвлёкся от трапезы он всего пару раз: первый, когда Потапов в костюме Деда Мороза ввалился в комнату и сообщил Станиславу, что отправляется поздравлять соседей, и звал его с собой, а второй, когда тот спустя минут десять вернулся. Головин как раз накладывал в опустевшую тарелку отбивных. Судя по всему, у соседей Сергей успел порядком нагрузиться,

поскольку на Головина воззрился с таким удивлением, будто никак не ожидал его здесь увидеть, а потом издал идиотский возглас «Е-хо-хо!» и стал пятиться. Станислав отсалютовал ему фужером и вежливо поинтересовался, как Сергей ходил к соседям, хотя его это мало волновало. Потапов ничего вразумительного не ответил. Разразившись повторным «Е-хо-хо!», он удалился, прикрыв за собой дверь. Что, собственно, Стаса порадовало! Теперь ему ничто не мешало наслаждаться праздником: до этого громкая музыка заглушала телевизор, а теперь воцарились покой и относительная тишина. А тут еще по ящику начали показывать фрагменты старых «Огоньков», к которым Стас питал особую слабость, а отбивные на блюде все не кончались...

Отправив в рот очередной кусок сочной свинины, Головин довольно зажмурился. «А может, и не такой уж ужасный Новый год получился, – пронеслось в его голове. – Вполне сносно гуляем...»

Стоило ему так подумать, как по квартире разнесся истошный женский крик. Станислав, подавившись мясом, выскочил из-за стола.

– Что случилось? – крикнул он.

– Стас, сюда! – откликнулась на его вопль супруга.

Головин, проглотив недожеванную свинину и наскоро утерев рот салфеткой, бросился к двери. Толкнув ее, он выбежал в прихожую и стал оглядываться. Квартира Потаповых была очень странно спроектирована. Головин не знал, изначально ли так было или это более поздняя перепланировка, но факт оставался фактом – таких запутанных жилищ ему прежде видеть не приходилось. Из прихожей можно было сразу попасть только в «зал», а вот чтобы оказаться в кухне, необходимо было преодолеть длинный коридор с аркой. При этом туалет с ванной находился в совершенно противоположном направлении и, можно сказать, в другом крыле. То есть из прихожей выходил еще один коридор, который поворачивал налево и заканчивался мини-холлом. Попав в него, можно было двигаться дальше – еще через одну арку к туалету с ванной, а затем к спальне и гостиной. В гостиной как раз народ и танцевал. А вот в спальне, где была еще одна лоджия, все курили...

– Стас! – послышался возглас супруги. – Ну, где же ты?

Крик раздавался со стороны кухни, и Головин бросился туда. Преодолев коридор и арку, он увидел сгрудившихся на пороге кухни гостей. Не видно было только хозяев. Однако Лена находилась где-то поблизости, ибо Головин слышал ее надрывный плач.

– А ну-ка разойдитесь, – скомандовал Станислав, растолкав не подчиняющихся его приказам людей, и ввалился в кухню. – Что тут у нас?

Никто Головину не ответил, да этого уже и не требовалось. Майор сам увидел, «что тут у нас» – на полу кухни, разметав руки, лежал Дед Мороз. Шапка его сползла на картонный нос, борода сбилась, отороченный белым мехом красный халат распахнулся на груди, явив взору Головина окровавленную рану, из которой торчал кухонный нож.

– Его убили, да? – услышал он за своей спиной сиплый голос Кольцова.

– А ты как думаешь? – судорожно выдохнула его супруга. – Сам он, что ли, себя?..

– Сереженька-а-а! – услышал Головин женский вопль и подумал сначала, что это кричит Лена, сидящая на корточках в углу кухни, но оказалось – причитает ее лучшая подруга. – Милы-ый... – захлебнулась плачем Катя и собралась кинуться покойнику на грудь, но Головин ее остановил.

– К трупу не подходить, – строго сказал он, оттеснив женщину на прежнее место. – И никому не расходитьсь до приезда опергруппы!

С этими словами майор шагнул к стоящему на холодильнике телефону и стал набирать номер дежурного. Пока он тыкал в кнопки, супруга покойного поднялась с корточек и, схватив со стола полотенце, хлестнула им подругу по щеке.

– Гадина! – выплюнула она в лицо Кате. – Я думала, к кому же это мой ходит? А вон что оказывается – к подружке моей наилучшей, которую я как родную дома привечаю...

– Да пошла ты, – зло выдохнула Катя. – Тоже мне святоша. Сама вон с Кольцовым путаешься, думаешь, я не знаю?

– Что-о-о? – трубно протянула Марта, на вопрос которой никто не обратил внимания, кроме мужа – тот зажмурился и начал лепетать что-то в свое оправдание.

– Вот ты ему и начала глазки строить, да? – хищно прищурилась Лена. – Тебе ж у меня мужика отбить – счастье! Ты всегда мне завидовала! И шалавой была всегда! Ей холостого жениха привели, а она...

– Сдалась мне ваша невеста, – фыркнул «жених», которого звали Женей. – Мне порядочная женщина нужна. Скромная. И я, между прочим, тебе, Лена, об этом говорил... – Он насупился. – И ты уверяла меня, что твоя подруга Катя именно такая, а она, оказывается, шалава...

– Заткнись, коз-зел, – процедила Катя.

- Развратница, – не остался в долгу Евгений.
- А ну цыц! – рывкнул Головин, шарахнув трубку на рычаг. – Нашли время...
- Нет, пусть говорят! – взвизгнула Марта. – Авось еще что-нибудь новое узнаем...
- А мы уже все узнали, – важно изрек Константин. – Я имею в виду, кто убил Сережу и почему...
- Да? – хлопнула накладными ресницами Светочка. – И кто же его убил?
- Детка, все же очевидно – Сережку зарезала Лена... – Костя многозначительно покосился на Катю. –

Из ревности.

Светочка открыла свой прекрасный ротик и растерянно посмотрела на хозяйку дома. Но тут Константин разродился еще одной идеей:

– Либо Потапова убил Кольцов.

– Тоже из ревности? – дрожащим от волнения голосом спросила Светочка и воззрилась на Кольцова с нескрываемым восхищением.

– Нет, у этого другой мотив. Ленка после смерти Сергея станет небедной вдовой, а Кольцов сможет на ней жениться – Ленка помоложе и покрасивее Марты будет...

– Да как ты смеешь, – протрубил Кольцов, – бездоказательно обвинять людей!

– А это он, чтобы от себя подозрения отвести, – воскликнула Лена и ткнула пальцем в важно выпятившего губу Константина. – Я-то знаю, как он мужа ненавидел. За то, что Сережа кандидатскую защитил, а Константин Павлович Серухин нет. После этого моего мужа на его должность назначили, и ему... – Она нацелила на Серухина уже два пальца. – Ему пришлось уйти, чтобы лица не потерять!

– Да я за это твоему мужу «спасибо» должен сказать, – огрызнулся Константин. – Останься я на своей должности, не успел бы вовремя заняться частным бизнесом и сейчас бы в такой халупе, как вы, жил и грошовыми обоями хвалился...

Головин все то время, пока длилась перепалка, ошарашенно молчал. Он и представить не мог, что люди, мило щебетавшие друг с другом еще пару часов назад, могут так остервенело ругаться и обвинять друг друга во всех смертных грехах. Похоже, единственным добродушным существом в этой компании была глупышка Светочка, но и тут Головин просчитался.

– Сережу еще Марта могла убить, – вдруг ляпнула она. – Я слышала, как она говорила мужу, что Потапов ее «кинул». Всегда взятки через нее передавал, а тут другого посредника нашел, Марта-то с этого процент имела...

– А ты докажи! – процедила Марта. – И, кстати говоря, женишок ваш, думается мне, тоже не без греха... – Она ткнула мужа в бок. – Помнишь, как Сергей жаловался нам, что со счетов фирмы утекают деньги? – Кольцов, судя по лицу, ничего такого не вспомнил, но энергично закивал – он был не в том положении, чтобы не соглашаться с супругой. – И кому же их воровать, как не бухгалтеру? – И она с ехидной улыбкой уставилась на раскрасневшегося Евгения. – Ты ведь бухгалтер, правильно?

– Да, но... – начал было оправдываться Женя, но Марта не дала ему договорить:

– Наверняка Сергей тебя тоже подозревал, и пока он тебя не вычислил, ты решил его убить...

– Сергей был моим другом! – вскричал Евгений. От возмущения он стал малиновым. – Я никогда бы...

– В милиции расскажешь!

Головин с отвращением отвернулся от них и повторно набрал номер дежурного. Трубку снял Саныч.

– С праздником, Саныч, – буркнул Головин. – Пришли бригаду по адресу...

– Некого пока присылать, товарищ майор, – ответил дежурный. – Все на выездах... – И, помолчав, добавил: – Так что вы там пока сами...

– Какой «сами», Саныч? Я ж свидетелем по этому делу пойду. Я не имею права...

Но дежурный уже отсоединился.

Головин, стиснув зубы, положил трубку. Ужасно хотелось выругаться, но при дамах он от брани воздержался.

– Ну что, Стас? – робко спросила жена. – Когда приедут?

Майор тряхнул головой и не ответил. Он молча присел на корточки и стал осматривать труп.

– Нож ваш? – спросил он у Потаповой, отметив, что, судя по ране, нож пытались из нее вытащить, но он так глубоко ушел, что убийца сделать этого не смог.

– Да, из набора, – ответила она и показала на лежащую на кухонном столе коробку, где по ячейкам были разложены столовые приборы.

– А это? – Майор указал на зажатый в руке покойника золотой браслет.

– Ее, ее, – выдвинулась вперед Светочка. – Он сегодня на ней был...

– Совершенно верно, – поддакнул Константин. – И это явно свидетельствует о том, что Лена – убийца. Как я и предполагал... – Он самодовольно улыбнулся. – Сережка сорвал браслет с ее руки перед тем, как

умереть...

Головин вопросительно глянул на смертельно побледневшую Лену.

– Я сняла его с запястья час назад, – выдавила из себя Потапова. – Перед тем как подавать горячее... Чтобы не порвать о углы противня... – Она махнула дрожащей рукой в сторону холодильника. – И положила его вот сюда...

– Во заливаает! – усмехнулась Марта.

– Катя, подтверди! – взмолилась Лена. Заклятая подружка только плечами пожала. Но тут на помощь Потаповой неожиданно-негаданно пришел несостоявшийся жених Катерины – Женя.

– А я верю Лене, – громко сказал он. – А знаете почему? – Все заинтересованно посмотрели на Лениного заступника. – Потому что браслет не порван, а расстегнут, посмотрите на «замочек».

Головин уважительно хмыкнул. Он давно уже обратил на это внимание и тоже решил, что в руки убитого браслет попал до того, как на Сергея напали с ножом. Видимо, он взял украшение с холодильника, чтобы убрать в другое место или отдать жене, но тут в кухню вошел убийца, Потапов, услышав шаги, обернулся и получил удар в грудь...

– Пойдите-ка, – раздался удивленный возглас Лены. – А что это у него в мешке?

Станислав перевел взгляд с руки покойного на валяющийся рядом атласный мешок, тот самый, из которого Потапов доставал конфетки и свистульки. Насколько Головин помнил, к соседям Сергей отправлялся тоже с ним, только тогда он был полупустой, а теперь оказался битком набитым какими-то громоздкими предметами. Приподняв край мешка, Станислав заглянул внутрь...

– Ну что там? – поинтересовалась Лена.

– Блендер, настольные часы, норковый берет, приемник, шкатулка какая-то, – стал перечислять Головин.

Потапова подалась вперед и, рассмотрев эти предметы, пробормотала растерянно:

– Господи, на черта он запихнул все это в мешок?

– Может, игру какую затеял? – предположила Марта. – В фанты, например... Берет-то мой...

– Но все остальное мое, – не согласилась с ней хозяйка. – Вернее, наше...

Она хотела еще что-то сказать, но вдруг замолчала и замерла, открыв рот. Стояла она в этот момент лицом к арочному проему, возле которого сгрудились гости, и смотрела поверх их голов в коридор. Взгляд ее при этом выражал такой испуг, будто она увидела призрака...

– Привидение, – сдавленно прошептала Лена и зажмурилась.

– Где? – послышался зычный глас... Потапова.

Все испуганно заохали и обернулись. За спинами гостей стоял Сергей Потапов, живой и здоровый. В костюме Деда Мороза и с пустым мешком за плечами.

– Сереженька! – взвизгнула Катя и кинулась любовнику на шею. – Живой!

Потапов, побледнев, бросил взгляд на жену. Но та все еще стояла с закрытыми глазами и ничего не видела. Торопливо отстранив Катерину, Сергей спросил у ближе всех стоявшего к нему Жени:

– Я что-то пропустил?

Евгений сделал шаг в сторону, открыв Сергею обзор.

Потапов, близоруко сощурившись, посмотрел на лежащего на полу мертвеца и медленно произнес:

– Красный... нос!

– Что? – нахмурился Головин.

– Дед Мороз – красный нос! – так же тупо пробормотал Потапов.

– Мы думали, это ты! – вскричала Катерина, заломив руки.

– Да, – поддакнул Кольцов. – На нем в точности такой же костюм, как у тебя. – Тут он нахмурил брови и недоуменно спросил: – Позвольте, если это не Сергей, тогда кто?

Головин уже имел на этот счет свои соображения, но озвучить их решил чуть позже. Он взялся за картонный нос Деда Мороза и приподнял его вместе с белой бородой над лицом покойника.

– Узнаете этого человека? – спросил он у присутствующих.

Кто-то сразу отрицательно качнул головой, кто-то сделал это после долгого и придирчивого изучения лица убитого, но все сошлись в одном: мертвец был незнакомцем.

– Так я и думал, – кивнул головой майор.

– А не поделитесь ли своими мыслями с нами, товарищ милиционер? – не столько попросил, сколько потребовал Константин.

– Перед нами квартирный вор, – удовлетворил любопытство бизнесмена «товарищ милиционер». – В новогоднюю ночь многие уходят из своих домов в гости, оставляют квартиры без присмотра. Вор, облачившись в костюм Деда Мороза (отличная маскировка и не вызывает подозрений), проникает в подъезд

и взламывает те двери, за которыми стоит тишина...

– Тогда почему он вломился к нам? – недоуменно проговорила Лена. – У нас же...

– А у вас дверь была не заперта, – перебил ее Головин и обратился к Сергею: – Я прав?

Тот медленно кивнул.

– Я хотел забежать к соседям только на минутку, – пояснил он. – Поздравить и назад. Поэтому дверь не только не захлопнул, а даже не прикрыл до конца...

– И вор этим воспользовался, – подхватил эстафету разговор Константин, которому не терпелось вновь попасть в центр внимания. – Вошел, увидел, что в прихожей и кухне никого нет, и стал хватать все, что подворачивалось под руку: берет, часы, шкатулку...

– И не боялся, что его застукают? – кудахтнула Светочка.

– Как говорится, кто не рискует... – глубокомысленно заметил ее муж. – К тому же он всегда мог притвориться смертельно пьяным, а у нас благодаря Рязанову, – он ткнул пальцем в работающий телевизор, по которому в тысячу первый раз показывали «Иронию судьбы», – к нетрезвым незванным гостям в новогоднюю ночь принято относиться с симпатией и пониманием...

– Я бы так не сказал, – мрачно усмехнулся Евгений. – Если судить по нашему незваному гостю...

– Кто же его, а? – тихо спросила Катерина. – А главное, за что? Не из-за блендера же?

– Сдается мне, убили его по ошибке, – уверенно молвил всезнающий Константин. – Со спины он точная копия Потапова. Рост, комплекция, халат, шапка, мешок. Злоумышленник увидел Деда Мороза, решил, что это Сергей, схватил нож, бросился на него и... Убил! – Он испытующе посмотрел на Головина. – Я прав, товарищ милиционер?

Стас пожал плечами. В принципе его личное мнение совпадало с мнением Серухина, но нельзя было исключать и другие варианты (например, вора мог убрать его поделщик), поэтому он решил пока воздержаться от категоричных высказываний, а задать вопрос Потапову:

– Как ты считаешь, у тебя есть враги?

Сергей, секунду подумав, помотал головой.

– То есть, по твоему мнению, никто не мог желать тебе смерти?

Потапов покрутил головой еще раз.

– И тем не менее, – вновь влез в разговор Константин, – всего двадцать минут назад некто пытался тебя убить. Благодарите бога за то, что у соседей задержался, иначе с ножом в сердце сейчас лежал бы ты...

– Сережа! – вскричала Лена визгливо. – Кто-то из твоих друзей хотел тебя убить, представляешь?

– Скорее, это была твоя жена, – процедила Марта Кольцова, всплывшая к Лене жгучей ненавистью после того, как узнала, что та спит с ее мужем. – Ведь именно она труп обнаружила!

– И что? – с вызовом спросил Кольцов, считая, что тем самым защищает любовницу от нападок Марты.

– А то, что она могла его сначала ножом пырнуть, а потом уже шум поднять.

– Его и ты пырнуть могла, – с ненавистью прошипела Лена. – Я помню, как ты из комнаты выбежала якобы подкраситься, а вернулась без помады на губах...

– Из комнаты многие выходили, – всполошилась Кольцова. – Кто покурить, кто в туалет, и что, всех обвинять будешь?

– Всех, у кого нет алиби!

– Его ни у кого нет, в том числе и у меня, – сказал Головин. – Я сидел один в комнате, и единственный человек, кто мог бы это подтвердить, сейчас лежит перед нами. – Он в двух словах рассказал, как перепутал вора с Потаповым, а затем вернулся к главному: – Только у меня нет мотива для убийства, как и у моей жены, поэтому отсутствие у нас алиби еще не повод вносить нас в список подозреваемых...

– А может, ты маньяк? – подал голос Женя. – Или твоя жена? Мы вас не знаем и понятия не имеем, что вы собой представляете, так что исключать вас из этого списка тоже не стоит.

Головин хотел было сказать, что это не ему решать, но тут впавший в ступор Потапов вдруг ожил.

– А у меня есть алиби! – воскликнул он, хлопнув себя по боку рукавицами, которые держал в руках. – Его подтвердят наши соседи Смирновы. Я был у них все это время! Мы играли в «Холодно-горячо»... Ну, знаете, наверное, такую игру? Когда один из комнаты выходит, остальные прячут предмет, и тот, кто выходил, вернувшись, должен его найти, – скороговоркой выпалил он. Затем глубоко вздохнул, переводя дух, и с облегчением добавил: – Так что у меня алиби!

– Тебе-то оно зачем? – хмыкнул Константин. – Ты же никак не мог убить сам себя, правильно?

– Да никто из нас не мог, – всполошилась Марта. – Кроме Ленки, конечно...

– Это почему же?

– Убийство произошло во сколько? – спросила она у Головина.

– Давайте вместе прикинем, – откликнулся он. – Вор ввалился в комнату, где я сидел, в час ноль шесть

(я видел время на экране телевизора), а крик Лены раздался через двенадцать минут. То есть в час восемнадцать. В этот промежуток времени его и убили...

– Ну вот! А в это время мы все находились в комнате, танцевали. – Марта покосилась на Лену. – Подкрашиваться я выходила гораздо раньше. Еще до часу...

– Вовсе нет! – запальчиво возразила Потапова. – Ты пошла в ванную во время медленного танца. Пригласить-то тебя на него некому было, муж твой на балконе курил, а больше дураков нет...

– И что?

– А то, что сразу после медляка я пошла в кухню, чтобы взять в холодильнике сок, и... – Лена поежилась. – И обнаружила труп!

– О-о-о, – довольно протянул Константин. – Выходит, нашего воришку и Мартин муж мог пришить. А может, они вообще действовали сообща?

– А до медленного танца ты сам из комнаты выкатывался. Чтобы в холле на стульчике отдышаться, – хмуро заметил Кольцов. – И если учесть, что композиция звучит где-то три-четыре минуты, то и ты...

– И твоя жена! – Подхватила эстафету голословных обвинений Марта. – Которая убежала в туалет чулочек подтянуть...

– Послушайте! – вскричал вдруг Женя. – А давайте проведем что-то типа следственного эксперимента?

– Это как? – заинтересовался Серухин.

– Как в детективах. Вспомните, что делают герои, например, Хмелевской, чтобы вычислить убийцу?

– Я не читаю детективов, – пренебрежительно скривился Константин. – А уж бабских и подавно! Галиматья одна...

Головин мысленно Серухину поаплодировал. Он тоже был весьма невысокого мнения о криминальных романах, написанных женщинами (пролистал как-то ради интереса парочку и долго потом смеялся). Однако идея Евгения ему не показалась такой уж бредовой. Убийцу вычислить они, конечно, не смогут, но хотя бы ситуацию прояснят...

– Надо вернуться в комнату, – продолжил свою мысль Женя, – где мы танцевали, и подетально восстановить события, произошедшие в период между уходом Сереги и обнаружением трупа.

– Хорошо, пойдёмте, – согласился Константин. И первым двинулся по коридору в сторону прихожей.

Все остальные гуськом потопали за ним.

– Ты не там стояла, а вот тут! – верещала на Катю Светулька.

– Нет, не тут! – из последних сил перекрикивала отставную модель Потапова. – Я лучше знаю...

– Девочки, успокойтесь, – пытался утихомирить двух фурий Константин.

– Тебя вообще в комнате в то время не было! – не обращая на него внимания, продолжала кричать Лена.

– Ты свои чулки подтягивала в туалете! Да так долго, будто они у тебя совсем сползли... Хотя в этом ничего удивительного нет, на таких тощих ножонках ни одни чулки не удержатся!

– Зато у меня ноги прямые! В отличие от твоих, – уела Светочка Лену, у которой ноги действительно не отличались модельной ровностью. – И муж твой, между прочим, с моих ног сегодня глаз не сводил!

– Еще бы! Ты ж сегодня без юбки пришла!

– А это что? – дернула себя за подол Светочка.

– О! А я думала, это широкий пояс, – притворно удивилась Лена и тут же визгливо припечатала: – А в комнате тебя, что ни говори, в тот момент не было!

– А ты тут не стояла!

– Девочки, прекратите! – начал кипятиться Серухин. – Все это не имеет отношения к делу! Ну, какая разница, кто где стоял?

– Как это? – всплеснула руками Светочка. – Мы же восстанавливаем хронологию...

– Константин, подари своей жене толковый словарь, – съязвила Марта. – Он не знает значения элементарных слов...

– Почему же? Знаю! Значение слова «ожирение»! – не осталась в долгу Серухина.

Головин застонал и заткнул уши. Слушать непрекращающуюся ругань у него не было сил. С того момента, как они вошли в гостиную, прошло уже десять минут, а все только и делали, что орали друг на друга. Более бестолкового следственного эксперимента и представить было нельзя! Но несмотря на это, Головин уяснил совершенно четко, что любой из гостей мог совершить убийство, так как за тот период, который он обозначил как ориентировочное время совершения преступления, из комнаты выходил каждый. Сначала Светочка подтягивать чулочки, потом ее муж проветриваться, затем Катя причесываться, вслед за ней Кольцов курить, а Марта краситься. Ольга Головина и та покидала гостиную! Заглядывала в спальню, чтобы обои рассмотреть и запомнить, как наклеены бордюры. Предпоследним из комнаты выходил Женя, а последней – Лена Потапова, которая труп и обнаружила...

Головин выдохнул через рот – ему это помогало успокоиться – и оторвал руки от ушей. В них тут же ворвался охрипший от непрерывного ора голос Катерины:

– Каждый из нас отсутствовал в комнате две минуты! Каждый, а не я одна!

– Позвольте, – запротестовал Женя. – Я всего на пару секунд вышел! Вернее, я собирался идти в прихожую, но меня перехватила Лена и втащила в комнату, чтобы я вот эту дамочку, – он дернул подбородком в Катину сторону, – на танец пригласил...

– Она тебя специально увела, чтоб ты не помешал ее кровавым планам, – с непоколебимой уверенностью сказал Константин.

– Кстати, – встрепелась Светочка. – А зачем Жене нужно было в прихожую? И кто ему звонил перед этим? – Она в упор посмотрела на пунцового бухгалтера. – Я видела, как ты по телефону разговаривал! С сообщником, наверное...

– С Сережей я разговаривал! – взревел Женя. – С Потаповым! Он хотел, чтобы я помог ему сюрприз для вас приготовить...

– Какой сюрприз? – засверкала глазами Светочка. В один миг она переключилась с негатива на позитив.

– Да какая теперь разница! – в сердцах воскликнул Потапов. – Вы мне вон что устроили...

– Почему «мы»? – оскорбился Константин. И, сев на своего любимого конька, принял сыпать обвинениями в адрес Лены. Та не осталась в долгу и ответила тем же. А так как остальные не хотели довольствоваться ролью сторонних наблюдателей, то тоже начали орать. И вдруг...

– Что за шум, а драки нет? – раздался из холла бодрый мужской глас.

Все разом перестали галдеть и как по команде обернулись. Головин не стал исключением. Он развернулся всем корпусом и чуть было не налетел на... Деда Мороза! Белобородого, румяного, облаченного в отороченный белым мехом алый халат и шапочку с помпоном. В его руках был мешок с подарками!

– Еще один, – только и смог сказать Стас.

А Дед Мороз тем временем опустил свой мешок на пол, вытащил из него огромную бутылку шампанского и вручил ее Потапову со словами:

– Извини, что опоздал! Водила попался законопослушный, ехали со скоростью сорок километров... – Он хлопнул хозяина по плечу. – А вы чего дверь не запираете? Не при коммунизме живем...

– Вы, как я понимаю, Багрицкий? – спросил у гостя Головин.

– Я самый! – Гость вытащил из мешка хлопушку и сунул ее Стасу в руки, а затем одарил и стоящих рядом Кольцовых. – Вы чего кислые такие? – возмутился он, заметив, что его подарки приняты без энтузиазма. – Новый год же! Праздник! Веселиться надо!

– Нам не до веселья, – с тяжким вздохом проговорила Лена и собралась просветить гостя на эту тему, но Стас, которому в голову пришла одна догадка, жестом остановил ее и обратился к Багрицкому с вопросом:

– Что вы делали между часом и половиной второго?

– Сначала тачку ловил, потом сюда ехал, – недоуменно ответил Багрицкий. – А что?

– Кто-то может это подтвердить?

– Конечно. Таксист. Он в машине сидит, я велел ему меня подождать... – Тут он сдвинул шапку на затылок и, утерев пот с нахмуренного лба, недовольно проворчал: – Что за допрос, не понимаю?

– Кто-то хотел убить Сергея, – нехстати влез в разговор Константин. – Правда, по ошибке убил квартирного вора, на нем был такой же костюм, как на вас обоих...

– И где только набрали таких одинаковых, – хихикнула Светочка.

– В прокате взяли, – пожал плечами Багрицкий. – А там только такие... – Он задумчиво оттянул бороду и почесал подбородок. – Только я так ничего и не понял... Сережу чуть не убили, это ясно. Не врубаюсь, при чем тут я?

– А товарищ милиционер. – Серухин указал на Головина толстым пальцем и пояснил: – Он следователь... Так вот он не исключает, что Сергея хотел убить именно ты!

– Я? – округлил глаза Багрицкий. – Почему я? Меня тут и не было...

– Почему – понятно, – объяснил Серухин. – Тебе от его смерти самая большая выгода! Вы ведь партнеры, и, насколько мне известно, в случае смерти одного второй получает возможность выкупить долю компаньона по льготной цене. Я прав?

– Да, но...

– А что касается твоего последнего заявления, так это тоже ничего не значит. Ты мог приехать гораздо раньше, войти в квартиру, убить Сергея, выйти и, просидев двадцать минут, скажем, на чердаке, вернуться сюда как ни в чем не бывало, сделав вид, будто только что приехал...

– Но я действительно только приехал! – возмутился Багрицкий. – А если не верите, идите у таксиста спросите, я с ним последние полчаса провел.

– Спросим, не сомневайтесь, – заверил его Головин.

Тут в его кармане ожил мобильный телефон. Станислав достал его из кармана и, увидев на экране имя старшего оперуполномоченного Старкова, облегченно выдохнул.

– Ну что там у тебя, Стасевич? – услышал Головин уставший голос коллеги.

– Мертвый Дед Мороз.

– Без Снегурочки, надеюсь? – мрачно усмехнулся Старков, но больше не стал ничего спрашивать, кроме адреса. Когда Головин его продиктовал, старший опер буркнул: – Скоро будем. – И отключился.

Первым в квартиру вошел Старков. Высокий, плечистый, очень видный мужчина – любимец всей женской половины их отдела. За ним семенил младший опер Санек. От усталости он едва волочил ноги, а его конопатая физиономия выражала нечеловеческое страдание. Но едва Санек увидел перед собой Потапова в костюме Деда Мороза, как лицо его просияло.

– Ух ты! – воскликнул он радостно. – Дед Мороз! – А заметив еще и Багрицкого, впал в эйфорию и воскликнул: – Даже два!

– Три, – поправил Санька Головин и, проведя коллег в кухню, указал на мертвого вора: – Вот еще один!

– И где они столько одинаковых костюмов набрали? – проворчал Старков, склоняясь к покойнику. – Все трое, как близнецы...

Стас хотел ответить ему словами Багрицкого («в прокате только такие были...»), но тут в разговор вмешался Санек.

– А вот и нет! – перебил он старшего опера, чего раньше себе не позволял. – Есть между ними одно отличие!

– Это какое же?

– Как – какое? – удивился тот, но вместо вразумительного ответа выдал расхожую фразу: – Дед Мороз – красный нос...

– Ага, борода из ваты, – закончил за него Старков и вдруг встрепенулся: – Стоп! Я понял, что ты имеешь в виду... – Он щелкнул покойника по накладному носу. – У двух других Дедов Морозов носа нет! Только бороды с усами!

Едва он это сказал, как в мозгу Головина затрубили фанфары. Под их оглушительное звучание майор и раскрыл преступление: он понял, кто убийца, разгадал его мотив и представил себе, как было совершено преступление. Теперь оставалось только найти своим догадкам подтверждение, а главное – вывести преступника на чистую воду...

– Ребята, я к соседям! – торопливо сказал Головин и бросился вон из кухни.

Старков с Саньком проводили его удивленными взглядами, потом синхронно пожали плечами и склонились над трупом.

А Головин тем временем заявился к соседям Сидоровым. Еле отделавшись от двух пьяных мужиков, возжелавших с ними выпить, он нашел более-менее трезвых гостей и поговорил с ними. Выяснив все, что хотел, он вернулся в квартиру Потаповых, отвел в сторону Женю и пошептался с ним. Затем он поговорил с Багрицким, а в завершение подошел к Сергею и тихо ему сказал:

– Я знаю, кто хотел тебя убить.

– Да? – громко ахнул тот.

– Тш-ш, – шикнул на него Стас. – Не кричи, а то убийцу спугнем... – Он осмотрелся по сторонам и, поманив Потапова в направлении пустующей столовой, бросил: – Потопали туда, расскажу.

Они вошли и сели на диван. Головин заговорщицким шепотом сообщил Сергею:

– Это Женя, твой бухгалтер. Вместе с Багрицким они воровали со счетов деньги. Когда ты узнал об утечке средств, Женя решил тебя убить, а вину свалить на Багрицкого. Он даже ножик из раны пытался вытащить, чтоб потом его тебе подбросить, да сил не хватило...

– Я так и думал, – сдавленно прошептал Сергей. – Я именно его и подозревал... Но никак не предполагал, что Женя пойдет на такое...

– Только у нас доказательств нет. И алиби у него вполне сносное. Говорит, что из комнаты только на две секунды выходил, а опровергнуть это некому... Вот если бы нашелся свидетель... Тогда...

– Я могу свидетельствовать, – встрепенулся Сергей.

– Как так?

– Я не говорил, но... – Потапов помялся. – Я ж в квартиру-то возвращался... Когда мы у Сидоровых играли, настала моя очередь угадывать, куда предмет спрятан. Я им говорю, прячьте лучше, не торопитесь, чтоб искать подольше, это ж интереснее, и вышел из комнаты. А пока они копошились, к себе забежал.

Хотел сюрприз приготовить (я еще Жене позвонил, чтоб он мне помог), а бухгалтер мой в это время из кухни вырывается. И торопливо так в другой коридор ныряет. Даже меня не заметил... – Он горестно вздохнул. – Выходит, он в кухню наведывался, чтобы сообщника убрать...

Головин закивал и придирчиво переспросил:

– Значит, ты в квартиру возвращался, так?

– Да.

– Подтверждаешь это?

– Ну да...

– Что и требовалось доказать, – торжественно произнес Стас, выключив диктофон на мобильнике.

– В каком смысле? – испуганно спросил Потапов.

– Меня, Сережа, твоя первая реакция на труп очень удивила. Думаю, чего это он про красный нос бормочет? Но я тогда не придавал этому значения, а вот когда мой коллега заметил, что ваши с Багрицким бороды без накладных носов были – понял! Ты, Сережа, хотел убить компаньона, но по ошибке зарезал воришку. Со спины-то он от Багрицкого ничем не отличался, а когда вор обернулся на шум твоих шагов, тебе не до того было, чтоб детали его костюма рассматривать. Во-первых, ты торопился (из-за этого и нож не успел вытащить), а во-вторых, не в себе был – как-никак впервые на преступление пошел. А вот когда ты вернулся второй раз, то сразу увидел отличие. Увидел и... впал в ступор!

Потапов слушал Головина, не перебивая. Вид у него был потерянный и очень несчастный. Он то и дело моргал и иногда тряс головой. Казалось, он не верит, что все это происходит с ним наяву, и хочет проснуться...

– Багрицкий позвонил тебе около часа и сказал, что скоро приедет (он думал домчаться до твоего дома минут за пятнадцать, не предполагая, что водитель будет тащиться со скоростью сорок километров в час), – продолжал Головин. – Ты взял из коробки нож и, спрятав его в кармане, отправился к Сидоровым. Еще и меня с собой позвал, зная, что я откажусь. Ты пробыл там какое-то время. Вы играли. И тут ты видишь в окошко, как к подъезду подходит Дед Мороз. Ты знал, что Багрицкий будет в таком костюме, вы ведь вместе брали их в прокате, и решил, что это он. Дед Мороз вошел (видимо, код он вычислил раньше) в подъезд, увидел, что ваша дверь не заперта, и ввалился к вам. Тем временем ты изъявил желание стать «водящим» и вышел из квартиры соседей. Затем ты позвонил Жене и велел ему через пять минут явиться в прихожую якобы для того, чтобы помочь тебе подготовить сюрприз. На самом деле ты собирался лишить его алиби и незаметно подбросить ему оружие убийства. Сам ты был в перчатках, и твоих отпечатков на рукоятке не осталось. Жениных, естественно, тоже, но коль окровавленный нож лежит в его кармане, бухгалтер автоматически становится первым подозреваемым...

Головин замолчал, чтобы перевести дух. И тут заговорил Потапов:

– Я так устал от него... От своего компаньона. Он необязательный, легкомысленный, забывчивый – ненадежный, одним словом. Мы столько контрактов упустили из-за его безалаберности. А тут еще он деньги воровать начал. Думаю, не без Жениной помощи...

– Без Жениной, – возразил Головин. – Женя, напротив, хотел тебе помочь. Узнав, что пропадают деньги, он провел собственное расследование и выяснил, что их берет Багрицкий. Правда, тот не считал это воровством. По его словам, он просто заимствовал их, намереваясь вернуть все до копейки...

– Вот в этом весь Багрицкий, – болезненно поморщился Потапов. – И как с таким работать? Я ведь сколько раз просил его продать мне свою долю, а он ни в какую... Конечно, зачем это ему? Я вкальваю за двоих, а он только денежки тратит...

– Поэтому ты решил от него избавиться, – закончил за него Головин. Затем вздохнул и спросил устало: – Чистосердечное будешь подписывать?

Тот ответил не сразу. Долго сидел, хмурия брови и беззвучно шевеля губами. Наконец, Сергей принял решение.

– Ничего я подписывать не буду, – сказал Потапов твердо. – Докажете, что я убил, отвечу, да только вряд ли это у вас получится – улики-то против меня нет...

– Докажем, Сереж, – перебил его Головин. – И улики найдем, и свидетелей...

– Ну, валяйте, – упрямо буркнул он. – Ведь это ваша работа.

– Да, это наша работа, – согласился с ним Стас и бросил взгляд на табло электронных часов. Они показывали четверть четвертого.

«В это время я должен был смотреть десятый сон, – с грустью подумал Головин. – Я ж мечтал в новогоднюю ночь лечь в начале третьего...»

– Стасевич! – донесся до майора голос старшего опера Старкова. – В управление поедешь? Машина пришла...

– Поеду, куда ж я денусь, – ворчливо ответил Головин, а про себя подумал: «Ну, ничего... Следующий Новый год я точно встречу по-человечески! Отпуск возьму, чтоб уж наверняка... И из Москвы уеду. В тайгу. Есть у меня в Сибири один приятель, егерем работает... А до этого ремонт дома сделаю, чтобы Ольга мне в последний момент планы не порушила...»

И, представив, как будет справлять следующий Новый год в деревянном домике среди заснеженного леса, Головин с улыбкой достал из кармана наручники.

Гатьяна Гармаш-Роффе

Снеговик

...Снежок попал прямо в лицо. Залепил глаза, забил нос.

– А-а-а, ты так!!! – завопила Наташка, стирая снег. – Ну, я тебе сейчас!..

Она зачерпнула пригоршню снега, которого было так много, что даже не приходилось за ним особо наклоняться, – ловко слепила снежок, маленький и плотный: она знала, что такие летят быстрее, а бьют больнее, чем рыхлые и большие, какие делал Женька, и стала целиться.

Женька высунул ей язык и спрятался за дерево.

Наташка, стараясь ступать легко, чтобы скрип снега не выдал шаги, двинулась в его сторону. Однако Женька учуял и пулей вылетел из-за дерева. На огромной скорости он сделал кругов пять вокруг площадки, как заводной заяц, – Наташка выжидала, следя за ним. Уже смеркалось, и бросаться снежком, пока он носится, глупо – все равно промажешь. Ну ничего, он же не будет тут бегать вечно... Ага, вот сбавил скорость...

Она приготовилась. Женька спрятался за домиком. На этот раз Наташка не стала красться – ринулась за домик. Но Женька перебежал и спрятался за здоровым снеговиком. Затем высунулся на мгновение, показал ей язык и снова спрятался. Наташка находилась на небольшом расстоянии от снеговика, но вопрос состоял в том, с какой стороны лучше зайти. Ведь с какой ни зайдешь, а Женька побежит в противоположную, ясный пень.

Женька опять высунулся, выдернул морковку-нос и спрятался. Из-за снеговика раздался шумный хруст.

– Ну гад!

Такого Наташка снести не могла! Чтобы ее морковку!.. За которой она домой бегала!.. Да так нахально! Ну держись, козел! Ща ты у меня получишь снежку на свою голову!

Она разлетелась и со всей силы ударила по голове снеговика, обрушивая верхний ком на голову Женьки. Тот взвизгнул по-девчачьи, пригибаясь. Вся его шапка стала белой. Снег попал за шиворот, за выбившийся из воротника шарф, и потек холодными струйками по спине.

Наташка издала торжествующий клич и отскочила на безопасное расстояние.

– У-у, дура! Мне прям за воротник!

– Кто дура?! А?! Кто дура?!

Наташка стала грозно подступать. Женька принялся отстреливаться снегом с верхнего кома снеговика – мелко и часто, будто пулеметной очередью. Ему удалось снова попасть Наташке прямо в лицо, отчего та жмурилась и обтирала глаза, что усилило Женькин энтузиазм.

– Я тебе сейчас голову оторву, как этому снеговичку, – пообещала она, неуклонно приближаясь.

И вдруг Женька затих. «Испугался», – удовлетворенно подумала Наташка, очищая от снега глаза.

– Что это? Что это? Наташка, что это?!

В голосе Женьки звучало что-то такое, отчего Наташка насторожилась.

Она сняла варежку и еще раз потерла глаза сухими теплыми пальчиками. Ей оставалось всего два шага до Женьки, который стоял, уставившись на снеговика. «Нет, он нарочно, – засомневалась она. – Ждет, пока я подойду...»

Девочка остановилась.

– Ну, чего у тебя там?

– Иди сюда, – Женька почти шептал, – иди, посмотри... Тут...

– Чего тут?

Женька глядел на нее широко распахнутыми глазами. В них был страх.

Нет, он все-таки не шутит! Наташка решила и сделала последние два шага – хотя и осторожно, готовая в любой момент бежать.

Но Женька не шевелился. Она встала с другой стороны снеговика, на всякий случай.

– Сммотри, Наташ!..

– Ой...

Из раскопанной Женькой ямки в туловище снеговика торчали заснеженные клочки волос.

– Наташ, что это?!

Она помолчала, озадаченная. Потом быстро и опасно провела варежкой вокруг волос, снимая слой снега.

– Голова это, вот что!

Наташа всегда демонстрировала, что она умнее своего приятеля, и сейчас тоже старалась придерживаться завоеванных позиций; но ей вдруг стало не по себе.

Некоторое время дети молчали, созерцая заснеженную макушку.

– Как ты думаешь, он живой? – шепотом спросил Женька.

– Дурак, если б он живой был, снег бы от него растаял!

– Так что же... Он мертвый?!

Они переглянулись и дали стрекача. Ужас обуял их, от него слабели колени и сводило зубы, и казалось, что мертвец сейчас погонится за ними...

Визгом огласился весь двор, затем подъезд. От страха они даже лифта ждать не стали – взлетели космической ракетой на четвертый этаж, где жили оба, дверь в дверь.

– Мама! – раздалось одновременно. – Мама, там м-м-мертвец!!!

Обе мамы переглянулись в дверях квартир.

– Какой еще мертвец? Где?!

– На детской площадке! В снежной бабе!

Женщины снова переглянулись.

– Что вы выдумываете? – строго спросила та, что поплнее и повыше, мать Женьки, Света.

– Мы не выдумываем!!! Там... Там голова!!! – наперебой кричали дети.

Наташина мама, невысокая женщина в спортивном костюме, решила первой.

– Давай спустимся, Свет.

Женщины накинули шубы, натянули сапожки и вызвали лифт. Дети стояли притихшие, яркий румянец начал понемногу гаснуть на их щеках.

На улице стало совсем темно, в воздухе закружились редкие снежинки. Группа приблизилась к снеговика. Женщины заглянули в образовавшееся отверстие.

– Слышь, Оль, – так звали Наташину маму, – произнесла Света, – а и впрямь на волосы человека похоже... Жалко, фонарик не взяли.

– Давай я сбегаяю, мам! – вызвался Женька. – Я знаю, где он лежит!

Женька обернулся мгновенно, и луч фонаря высветил светлые короткие волосы, в которые забился снег.

Света измерила взглядом высоту от земли и выразительно посмотрела на подругу. У той расширились глаза от уловленной мысли: *по ростуэто мог быть только ребенок ...*

«...Или только его голова ...» – подумала Оля, с ужасом отступая от снеговика, прихватив за руки обоих детей, тогда как Света уже вытащила из кармана шубы мобильник и вызывала милицию.

Через десять минут явился участковый, которому дети наперебой рассказали, как играли в снежки, и как Наташка свалила голову снеговика, и как...

Затем подъехала машина с мигалками, и из нее вышли еще двое милиционеров. Детей и их мам попросили отойти в сторону. Милиционеры принялись осторожно расколупывать снег...

Наташа и Женя стояли в нескольких шагах и не могли отвести замороженных глаз. Это было очень страшно!

Это было очень страшно и... очень интересно! Внутри снеговика, теперь уже понятно, стоял мертвый мальчик!

Дети впервые столкнулись со смертью. Слышали о ней, конечно, – но сейчас видели ее наяву и ощущали ужас, смешанный с любопытством, тем сильнее, что мертвым оказался ребенок, как они сами.

Народу вокруг изрядно прибавилось: привлеченные всполохами света милицейской машины и странным действием вокруг снеговика, люди стекались во двор. Участковый пытался удержать их, чтобы близко не подступали к месту происшествия и не мешали работать.

Наташку с Женькой совсем затерли, и они то и дело протискивались вперед, чтобы ничего не упустить.

Когда наконец второй ком от «снежной бабы» расчистили почти полностью, Женька выскочил вперед.

– Это Стасик из нашего дома! – закричал он. – Стасик Симкин!

По толпе прошелестел шорох выдохов и тихих восклицаний.

– Мамаши, – обернулся один милиционер, – вы бы увели детей домой, тут им не место! Мы к вам после зайдем, вопросы есть, и протокол надо составить. Может, на опознание понадобится пригласить. А пока заберите их. Да и вообще, граждане, расходитесь, – зычно крикнул он в уже изрядную толпу любопытных. – Расходитесь, расходитесь, чего вы тут забыли, а?

Домой идти дети решительно не желали. Им хотелось участвовать до конца: это ведь они Стасика

обнаружили! Это они забили тревогу, позвали родителей, в результате чего приехала милиция! Они себя чувствовали самыми главными – и вдруг нате вам, «домой»! Да если бы не они, то этот снеговик мог бы тут до следующей оттепели стоять!!!

До их слуха долетали слова, которые будоражили воображение. Наташка была уже большой – десять лет исполнилось! – и она иногда смотрела по телевизору кино про бандитов. Женька был еще маленький, ему только девять с половиной, и взрослые фильмы он не смотрел. Тем не менее его, как и Наташку, завораживали слова «место преступления», «улики», «свидетели», «опознание». И эта мигалка, беззвучно плескавшая оранжевым светом, – все это создавало тревожное и волнующее ощущение. Куда же тут «домой»?!

Потому они, взявшись за руки, уперлись, когда мамы, следуя распоряжению милиционера, попытались увести их. Но тут вдруг другой милиционер спросил, может ли кто назвать точный адрес Стасика Симкина, и Женька снова обрадованно выскочил из толпы. Вместе с ним выдвинулась какая-то тетка и тоже принялась называть адрес, и милиционер стал слушать ее, а Женьке опять велел идти домой...

Мальчик даже расплакался, когда мама, раздраженная непослушанием сына, потащила его к подъезду. Женька всю дорогу оборачивался на «место преступления», с завистью глядя на Наташку, которую ее мама просто отвела в сторону, откуда они могли наблюдать за происходящим...

Вечер был наполнен событиями. Во-первых, любопытная толпа вскоре переместилась к подъезду, к которому примчалась другая машина, на этот раз с синей мигалкой, – «Скорая помощь». Народ заволновался, когда из подъезда на носилках вынесли бабушку Стасика Симкина.

«Инфаркт... инфаркт... инфаркт...» – сочувственно прошелестело по толпе.

«Еще бы, – говорила какая-то женщина, когда народ стал расходиться, – мне бы сказали, что моего ребенка нашли в снеговике!!!» Кожа у всех шла мурашками – не от холода, а от жути.

Во-вторых, в квартиры Женьки и Наташи пришли милиционеры и принялись расспрашивать детей. Они снова почувствовали себя важными и главными, но... Увы, ничего стоящего они больше добавить не могли. Играли в снежки, потом Наташка сбила голову снеговика, затем Женька начал отстреливаться...

Они не знали, когда появился снеговик. Утром, по дороге в школу, они его заметили – да и как не заметить, он такой большой! А после школы увидели, что у снеговика нет лица. Просто снежный шар – надо же было ему сделать лицо! Они сначала обтесали немножко снег, а то шар был не гладким, а потом Наташка притащила из дома морковку для носа, а Женька из веточек сделал глаза и рот.

– А я еще эту морковку съел!.. – передернувшись, произнес Женька...

Протокол был составлен, милиция уехала. Детей отправили спать. Зарывшись под одеяла, Женя и Наташа, каждый у себя дома, долго не могли уснуть. Их сознание мучительно билось над вопросом: как же получается, что живой маленький Стасик и этот страшенький, застывший трупик из снеговика – один и тот же человек?!

Остаток вечера был наполнен телефонным перезвоном. Казалось, что звенел сам дом, как один огромный телефон: соседи обсуждали случившееся и обменивались сведениями, кто чем мог.

– ...Родители его уехали на недельку в Египет, представляешь? Ничего себе подарочек им будет, бедным! На Новый год, с ума сойти можно!

– ...Бабушка у него вроде глухая. Утром, когда внука не увидела, решила, что он пораньше в школу пошел, а она просто не услышала, глухая же...

– ...По-моему, один из ментов, когда мальчика увозили, сказал, что его задушили...

– ...Слышь, ребенка вроде бы задушили! Уж не маньяк ли какой?

– ...Задушить мальчика да в снеговик его закатать!!! На такое только маньяк способен!!!

На следующий день весь квартал охватила паника: *маньяк, маньяк, в наших местах появился маньяк!!!*

Все снеговики в округе были снесены – даже такие маленькие, в которых и кошка не поместится.

Родители из всех окрестных дворов назначили экстренный сбор после работы. Директор школы, в которой учились почти все дети квартала, предоставила им пустой класс.

На собрании постановили: родители будут провожать и встречать детей по очереди, пока не поймают убийцу Стасика. Школа располагалась в одном из дворов квартала, и дети, даже маленькие, ходили в нее обычно самостоятельно – но ввиду объявившегося чудовища-маньяка следовало принять экстренные меры!

Был составлен список по дням дежурных сопровождающих – чтоб не всем каждый день отпрашиваться с работы.

Было принято решение строго-настроено запретить детям гулять во дворах. В крайнем случае, под

бдительным присмотром взрослых.

Был составлен короткий текст, призывавший всех без исключения жильцов двух домов, чьи окна выходили во двор, вспомнить, не заметили ли они какого-то подозрительного человека ночью.

Был назначен ответственный за координацию: Владимир Шаболин, мужчина лет тридцати четырех, приятной внешности, отец двух семилетних «Рыжиков», прелестных девочек-близняшек. Он же обещал распечатать «обращение к жильцам». Разнести его по квартирам вызвались несколько человек...

Страхи родителей не могли не передаться детям. Уроки в школе шли впустую: дети говорили только о маньяке, дорисовав его образ немислимой смесью из сказок и фильмов. Наташа с Женей никак не могли сойтись во мнениях: Женька считал, что маньяк – это человек-мутант со сверхъестественными возможностями, а Наташка больше склонялась к родству маньяка с семьей оборотней, преобразующихся по ночам в вампиров...

Снегопад, державший город в своем белом плену уже третьи сутки, нагнетал атмосферу ужаса. Каждый невнятный силуэт, маячивший в просветах хлопьев, казался убийцей-маньяком, рыщущим в поисках новой жертвы...

* * *

Алексей Андреевич Кисанов (для своих просто «Кис»), частный сыщик по роду занятий, выискивал в Интернете подходящие турпутевки. Им с женой хотелось куда-нибудь поехать на Новый год, отдохнуть – было от чего! Недавние события капитально расшатали их нервы.

Но горные курорты их не прельщали, а за солнышком в конце декабря далеко нужно лететь... Дети у них маленькие, многочасовой полет им будет трудно перенести. На бабушку с дедушкой оставить малышей они не могли после всего того, что случилось [\[1\]](#).

Куда же податься – вот в чем вопрос.

Но неожиданно оказалось, что никуда.

Столь суровый ответ на жизненно важный вопрос об отпуске принес ему новый клиент. Он сначала позвонил, вежливо представился: Владимир Шаболин – и попросил о встрече. По возможности немедленно.

Сыщик любезно ответил, что собирается в отпуск на две недели.

– Пожалуйста, примите меня, прошу вас! *Речь идет о жизни детей!*

Алексей Кисанов, недавно переживший все мыслимые страхи за жизнь собственных детей, не раздумывал ни секунды.

И вот Владимир Шаболин сидит в его кабинете. И рассказывает что-то невероятное и дикое. О снеговике, в который маньяк замуровал тело восьмилетнего мальчика. О страхе, оцепившем весь квартал. О том, что за десять долгих и жутких дней милиция не нашла никакого следа...

– Я ваш поклонник, Алексей Андреевич, – добавил Владимир. – Случайно как-то наткнулся в Интернете на рассказ о вашем деле с маньяком...

– Рассказ? – перебил его детектив. – В каком смысле «рассказ»?

– Не помню уже, то ли в блоге каком-то, то ли журналистская статья... Да что вы удивляетесь, Алексей Андреевич, Интернет – это огромный сливной бак, куда каждый сливает что может... Так вот, я с тех пор перерыл все! Сам я программист – это профессия сродни вашей: в ней с логикой нужно быть «на ты»! Потому особо оценил ваши расследования... И по общему решению родителей нашего квартала, которым я предложил вашу кандидатуру, я обращаюсь к вам за помощью! Только не откажите, прошу вас! Называйте любой гонорар за труды – мы решили скинуться, так что каждой отдельно взятой семье будет не в убыток...

Алексей согласился. Гонорар тут был ни при чем. *При чем тут были дети.*

Час спустя Алексей знал все, о чем поведал ему Владимир Шаболин.

Три часа спустя он знал все, что сумела найти милиция. Энное количество лет назад Кис работал на Петровке оперативником и, уйдя в частный сыск, связь с «alma mater» не потерял. Что обеспечивало ему определенные блага и преимущества, под коими понимается доступ к милицейской информации – незамедлительный, без формальностей.

Четыре часа спустя он прибыл на место происшествия десятидневной давности.

...Снегопад не прекращался все эти дни, отчего Кис ничего интересного на месте происшествия обнаружить не смог, кроме опущенных чистым новым снежком корявых останков того снеговика, в которого какая-то сволочь замуровала ребенка.

Впрочем, слово «замуровала» являлось не совсем точным, так как Стасик, как следовало из материалов дела, был сначала задушен. И уже затем закатан – залеплен? – в снеговик...

История эта отдавала жутью, и Алексей понимал, отчего среди родителей квартала царит паника, отчего коллективное воображение рисует маньяка.

Маньяк или нет – узнать об этом можно будет только тогда, когда (и если) найдется еще один детский труп, превращенный в снеговика. В этом районе или на другом конце Москвы.

Но проверять версию маньяка подобным методом Алексею Кисанову совсем не улыбалось.

Осмотрев площадку и ее окрестности, он развернул на крыше «домика», находившегося на детской площадке, папку. Некоторое время перелистывал бумажки – ксерокопии с милицейских протоколов. Потом принялся чертыхаться... Если не сказать материться.

Владимир Шаболин, откомандированный родительским сообществом на связь с детективом, топтался в почтительном невдалеке.

– Что такое? – несколько застенчиво спросил он.

– Да вот... Работа по осмотру места преступления была, к сожалению, очень плохо проведена. Справа от детской площадки расположено здание диспетчерской. Находился ли в нем кто-нибудь в то время, когда приехала милиция? И кто? Работает ли там какой-нибудь дежурный слесарь или электрик по ночам? Он мог оказаться свидетелем убийства, между прочим... Но ничего не выяснили, никого не допросили! Или вон та стоянка, – Кис повернул голову влево от площадки, где метрах в двадцати начиналась стоянка для машин. – Нет ни фотографий, ни списка машин! Возможно, в вечер обнаружения тела убийца тут тоже околачивался. Некоторые маньяки любят приходить на место своего преступления, знаете ли... Он мог, к примеру, наблюдать за сценой, не выходя из машины...

– Но там же только жильцы дома паркуются, там редко свободные места бывают, – поспешил утешить детектива Шаболин. – Чужой вряд ли бы занял чье-то место, иначе бы шуму было, и мы бы уже об этом знали!

Кис посмотрел на него, чуть прищурив глаза.

– А вы жильцов дома из числа подозреваемых уже исключили?

Шаболин раскрыл рот. Кис попал в точку – в ту болезненную точку возле сердца, которая ныла со дня убийства Стасика. Жильцов дома он в число подозреваемых никогда и не включал! Все давно сошлись на версии о маньяке – слово, которое по определению не сочетается со словом «сосед». Соседи – это *свои*! А маньяк...

Собственно, маньяк ведь тоже кому-то сосед!!!

Ему стало не по себе. Ведь детей в школы и детские сады провожают и встречают по очереди жильцы окрестных домов! **Соседи!!**

Захотелось сразу бежать, всех предупредить – что, конечно, совершенно неразумно. Владимир был программистом, человеком логичным и даже рассудительным (что не всегда одно и то же). И быстро сообразил, что, во-первых, предупредить он может все тех же *соседей*, а во-вторых, сыщик всего лишь только вопрос задал, в котором брезжило это предположение...

– Вы считаете, что маньяком может оказаться один из жителей наших домов? – решил уточнить он.

– Почему «маньяком», Владимир? Пока у нас есть факт одного убийства. Никакой серии.

– Пока, – с нажимом ответил Шаболин. – Серия еще может начаться...

– Может, – кивнул Алексей. – Но следов насилия на теле Стасика не обнаружено. Не то чтобы это полностью исключало версию маньяка, но все же это весьма нетипично. Обычно это психопаты с сексуальными отклонениями...

– Но кому нужно убивать Стасика?! Это совсем не укладывается в голове!

– Не укладывается, – согласился сыщик. – Надо над этим поразмыслить. А пока самый главный вопрос вот какой: зачем Стасик вышел ночью на улицу? Кто его выманил?

– А милиция? Они ничего не выяснили?

– Они удовлетворились констатацией факта, что мальчик был убит вне квартиры. Следов вторжения в нее нет – стало быть, во дворе... С вашего позволения, я откланяюсь. Мне нужно навестить родных Стасика.

Владимиру Шаболину очень хотелось пойти вместе с сыщиком и послушать, какие вопросы он задает, – но он понимал, что будет неуместно заявиться к родителям Стасика в непонятно каком качестве. Потому он только ответил несколько разочарованно: «Да-да, конечно. Держите меня в курсе, если можно. Мобильный со мной, номер у вас есть...»

Дверь детективу открыла хорошенькая светловолосая девушка с припухшими глазами. Алексей представился, вошел. В квартире сильно пахло сердечными каплями – валокордином, кажется.

Настя – так она назвалась – оказалась мамой Стасика. Золотистый ее загар смотрелся неожиданно и даже вызывающе на фоне белоснежной русской зимы. Ах да, их ведь с мужем вызвали из Египта, куда они уехали на неделю!

Она была очень молода, лет двадцать семь, не больше. Рано вышла замуж, рано родила, понятно.

Ее мужа, отца Стасика, не было дома – еще не пришел с работы, – но на одной из полок книжного шкафа Алексей увидел семейную фотографию. Стасик, живой. Худенький, невысокий, белобрысый, похожий на обоих родителей одновременно. В серых глазах, несмотря на мечтательно-задумчивое выражение, сквозило искоркой озорство. Улыбка, немного ненатуральная – изобразил по просьбе фотографа! – обозначила две милые ямочки на щеках.

Отец Стасика тоже был русым и тоже молодым. Ну, может, на годик постарше Насти.

– Вы однокурсники? – спросил он, указывая на фото.

– Одноклассники... – отчего-то покраснела она.

Понятно. Почти все молодые родители – Кис это знал – имели общую черту: им хотелось на дискотеки, на тусовки в компании друзей и прочие увеселительные мероприятия, отчего они куда более часто по сравнению с родителями постарше бросали детей на бабушек. Даже на глухих бабушек – как в данном случае.

– Бабушка – это ваша мама?

– Нет, мужа... Да вот и она!

Настя посмотрела на дверь комнаты, в которой они находились. Алексей тоже.

– Я не знала, что у вас гости, – произнесла женщина, которой не было еще и пятидесяти и которая никак не подходила на роль «глухой бабки».

Она повернула назад. Настя прокричала ей в спину: «Это частный детектив! Он пришел, чтобы...»

Бабушка, которой так не шло это слово, не обернулась и скрылась в одной из комнат.

– Она глухая, – пояснила Настя. – Почти. Осложнение после гриппа. Одно ухо не слышит совсем, а второе плохо...

Она вдруг заплакала.

– Если бы мы...

Алексей понял: «Если бы мы не уехали». Но как они могли не уехать? Это ведь так нормально, отпуск!

– Настя, – проговорил он, – не надо... Все, что мы можем теперь, это найти и наказать убийцу. Помогите мне в этом!

Мало-помалу он разговорил молодую женщину. То увлекаясь рассказом о сыне, будто оживляя его образ своими словами, то плача, она все же отвечала на вопросы детектива.

Оказалось, что маленький Стасик был уже незаурядной личностью. Он увлекался фантастикой и сам сочинял фантастические истории. Он обожал компьютерные игры и чаты любителей фантастики и был готов сидеть часами у монитора, печатая вслепую: то есть не глядя на клавиши. Хотя родители его жестко ограничивали в пользовании компьютером: всем известно, что он вредно влияет на детскую психику!

При слове «чаты» Кис насторожился. Главный вопрос – «Кто выманил Стасика на улицу ночью?» – мог содержать ответ в них.

Он попросил разрешения изучить компьютер мальчика. Быстро обнаружил сайты, которые он посещал. Однако для доступа к чату у него затребовали логин и пароль. Логин Алексей нашел легко – он сохранился в памяти компьютера. А вот пароль...

Он испросил у Насти разрешения позвать Владимира Шаболина. Программист с этим справится быстрее, решил Алексей.

– Конечно, – всхлипнула Настя.

Шаболин был, кажется, рад оказаться полезным. Детектив объяснил ему задачу: все переговоры Стасика в Интернете. Где самым важным был вопрос: не предлагал ли кто-то мальчику встретиться ночью во дворе?

Владимир кивнул – пальцы его уже побежали по клавиатуре, и на экране с огромной скоростью открывались и закрывались окна. «М-да, – сказал себе Кис, – нам, простым смертным, такой виртуозности не достичь никогда!»

Он подумал, что неожиданная помощь Шаболина очень кстати: и результат будет лучше, и время экономится! Пока он там колдует, Кис продолжит свои расспросы.

Они с Настей перешли на кухню.

– Чем еще увлекался Стасик, кроме фантастики и связанных с нею игр и чатов? Чем еще занимался? Музыкой, спортом?

– Музыкой нет, у него слуха не было... Спортом тоже нет, в смысле спортивных секций, если вы об этом спрашиваете. А так он летом любил гонять на велосипеде, а зимой на коньках. Все жалел, что у нас катка во дворе нет. Через три двора есть, там кооперативные дома, они каждую зиму заливают – но там дети не очень жалуют чужих... Еще он ролики недавно начал осваивать.

– Простите, Настя, я не понял. В вашем дворе **есть** каток. Почему вы сказали, что его нет?

– У нас?

– Ну да.

– Где?

Вместо ответа Алексей попросил ее подойти к окну.

– Надо же... Наверное, совсем недавно залили, я не обратила внимания... Но в прошлую зиму не было, и в позапрошлую тоже...

Любопытно.

Детектив выдал новую порцию вопросов, на которые Настя старательно отвечала. Особенно Алексея интересовало, как мальчик проводил свои ночи.

Оказалось, что Стасик был по природе «совой» – еще в детском саду мучился с дневным сном, вмняемым всем без исключения по строгому распорядку «детского учреждения». Он очень любил посидеть со взрослой родительской компанией за полночь, а когда родители уходили на вечер к друзьям, то вечно просился с ними...

– Он даже выдумал, что у него бессонница...

– Почему вы говорите, что «выдумал»? Ее не было?

– Ну конечно, не было! Какая бессонница может быть у восьмилетнего ребенка? Вот он, к примеру, когда с катка приходил, поест и сразу спать рухнет, одетый! Его даже будить приходилось, чтобы зубы почистил, разделся и под одеяло лег. Зато, чуть учует, что мы с мужем на вечеринку уходим, у него сразу «бессонница», заснуть он не может, возьмите его с собой, а то он глаз не закрывает, всю ночь мучиться будет! Мы его даже «симулянтом» с мужем звали... Просто он не любил уходить спать. То есть, как бы объяснить... Он спать любил – а *уходить* спать не любил, понимаете? Потом учителя жаловались, что Стасик на уроках невнимателен и засыпает часто...

– Погодите, Настя, я что-то не уловил. Если Стасик был просто симулянтом, то отчего он засыпал на уроках?

– Так он же не любил *уходить* спать, оттого и тянул всячески... А потом не высыпался.

– Вы уверены, что он действительно спал? А не играл на компьютере, к примеру, или выходил во двор?

– Никогда! – воскликнула Настя. И, помедлив секунду, добавила горестно: – Во всяком случае, мы не замечали... Мы, вообще-то, крепко спим... А свекровь глухая...

– Стасик не страдал лунатизмом?

– Это что такое?

– Специфическое состояние, когда человек спит, но при этом способен ходить, даже разговаривать...

– Мы никогда за ним этого «специфического состояния» не замечали...

Она снова заплакала.

Алексей никогда не знал, как утешать людей в горе. Не мог же он сказать: это такая дурная шутка, Настя, и сын ваш жив... Не мог!

Но коли не мог он объявить, что Стасик жив, то все остальные слова были ложью. «Время лечит»? Это правда истинная – и одновременно никому не нужная банальность. Пока оно, Время, *вылечит* – придется ей дойти до самого доньшка боли... До мутного, удушающего, илистого дна, где нечем дышать и даже вроде бы незачем... В горе часто кажется, что залечь там, на мутном дне боли, и больше никогда не дышать – это лучше всего.

И ничем он не мог помочь, частный детектив Алексей Кисанов. Нет у него слов таких, нет у него такого могущества, чтобы удержать Настю от погружения на дно... Она поплачет и возьмет себя в руки – потом снова будет плакать, уходя ко дну, и снова брать себя в руки, как барон Мюнхгаузен, который, как известно, сам себя вытаскивал за волосы из болота.

Рецепт барона Мюнхгаузена – единственный стоящий рецепт. Иных попросту нет!

– Настя, – проговорил он, – Настя! Вы в состоянии отвечать на мои вопросы?

Настя все плакала.

Положение спас Витя, отец Стасика. Войдя в квартиру, он быстро уяснил диспозицию. Отвел жену в комнату, вернулся к детективу на кухню.

– Спрашивайте что угодно, не стесняйтесь, – произнес он с суровостью, которая так не шла к его почти мальчишескому курносому лицу. – Сына не вернуть, теперь все, что остается, – найти ублюдка, который его

убил! Я своими руками его задушу! – И он рубанул маленькими крепкими ладонями воздух.

– Что могло выманить Стасика во двор ночью?

– Инопланетяне, – невесело усмехнулся Витя. – Стаська бредил ими. Они с моим братом, Костей, на них помешались... Брату семнадцать, – пояснил он на вопрошающий взгляд детектива.

В милицеских протоколах не содержалось никаких сведений о Косте. «Работнички хреновы!» – про себя выругался Кис и тут же попросил координаты юного дяди. Оказалось, что он жил с родителями в соседнем доме. Мама братьев приходилась Стасику той самой глухой бабушкой, оставшейся с мальчиком на время отпуска Виктора и Насти.

– Он мог позвать мальчика ночью во двор? Не знаю, например, проследить за каким-нибудь небесным явлением? В надежде, что это окажется НЛО?

– Не знаю... Костя бы сказал тогда!

Вовсе не факт. Если дело по каким-то причинам худо повернулось и дядя чувствует себя теперь виноватым в смерти племянника, то мог и скрыть... Но Алексей не стал делиться этим соображением с Виктором.

– Хорошо, я сам у него спрошу. А пока давайте переберем иные возможности, Витя. Хотя бы для того, чтобы их отмести, ладно? Стасик ведь ушел ночью не просто погулять. Стало быть, его что-то привлекло во дворе. Или кто-то. Начнем с девочки, хоть это и маловероятно в его возрасте. Была у него подружка?

– Нет. Стасик немножко... Как бы это сказать... Фантазер, что ли. Он с детьми практически не дружил. Нет, он не дикий, не подумайте, нормально общался со всеми. Всегда был готов всем помочь. То коляску затащит в подъезд, то дверь придержит... К старшим с уважением относился, мы его так воспитали, но он и по характеру был очень отзывчивый, кошек и собак кормил, вечно из дома сосиски таскал... А вот играл он чаще всего один. Дружил только с дядей. Из-за фантастики. И очень любил наши взрослые компании и разговоры...

– Хорошо. Значит, дети исключаются. Если вдруг кто-то назначил мальчику встречу, мы, надеюсь, узнаем с помощью Владимира Шаболина, который сейчас изучает компьютер Стасика. Будем считать, что возможные ответы на вопрос «кто?» мы очертили. Теперь вопрос «что?». Мог он, к примеру, пойти покататься на коньках? Настя сказала, что он очень любил коньки. Судя по всему, каток залили совсем недавно, и до этого его несколько лет в вашем дворе не было...

– Но Стасик по ночам спит! С чего бы ему?

– Хорошо. А если, допустим, он проснулся ночью и увидел в окно, что кто-то кого-то бьет? Побежал бы заступаться?

– Нет, не думаю. Он бы испугался и милицию вызвал. Он ведь маленький был, худенький, даже для своих восьми лет, куда ему заступаться! К тому же мы его всегда так учили: если что, самому не вмешиваться, а на помощь взрослых звать! Номера милиции и «Скорой помощи» он знал. В крайнем случае он бы Костику позвонил, дяде своему, но сам бы не пошел, я уверен!

Алексей попросил разрешения осмотреть комнату Стасика, и Виктор проводил его. Шаболин, завидев детектива, махнул ему рукой.

– Я взломал пароль на чате и просмотрел историю разговоров. Никаких встреч, тем более во дворе, никто мальчику не назначал... Вот, смотрите, у него четыре корреспондента, со всеми он обсуждает инопланетян, космические корабли и делится своими невероятными фантазиями по поводу жизни на других планетах – но ничего реального, житейского.

– Я вам доверяю, – ответил Кис. – Нет так нет. Спасибо, Владимир.

Маленькая комната Стасика была заклеена плакатами с изображением героев фантастических фильмов, полки забиты книгами и комиксами на темы звездных войн. Игрушек в комнате почти не оказалось, зато под потолком покачивались несколько самодельных макетов космических кораблей, огромного инопланетянина, сделанного детскими руками, и множество фигурок роботов.

Алексей подошел к окну. Во дворе, прямо напротив, торчала квадратная коробка здания диспетчерской. Справа от нее начинался прямоугольник катка, на котором носились дети, слева от нее виднелась детская площадка, та самая, где дети обнаружили снеговика. Из окна Стасика она просматривалась плохо: площадка находилась напротив двух первых подъездов, тогда как Стасик жил в пятом. Стало быть, не она привлекла его внимание.

Диспетчерская. Неказистое двухэтажное здание. Теплое. В нем кто-то мог находиться морозной ночью. Что-то делать такое, что заставило Стасика пойти во двор...

Каток. Что интересного мог увидеть мальчик холодной зимней ночью на катке? Ну не инопланетянина же, в самом деле, выделяющего двойной аксель! Возможно, каток только залили – по словам Насти

выходило, что совсем недавно, – и Стасик безудержно захотел опробовать свежий лед? Но родители утверждают, что мальчик спал по ночам, как все дети. В таком случае он не сидел у окна, придумывая, как бы развлечься, а встал, допустим, в туалет и что-то увидел...

Алексей попросил показать ему коньки Стасика. Вот если их не окажется на месте, тогда...

Но они оказались на месте. Откуда полностью исключалась гипотеза ночного катания: ведь ребенок не вернулся в ту ночь домой и не мог положить их на место. А из протокола осмотра следовало, что обут он был в обычные сапожки...

...Две сотрудницы диспетчерской, перебивая друг друга и округляя глаза, нервно уверяли детектива, что ночью здание всегда – всегда! – закрыто, и ни одна душа в него войти не может, а тем более душа посторонняя. Понятно, что им хотелось отвести от вверенного им учреждения всяческие подозрения в причастности данного заведения к убийству ребенка, но Алексей им верил. Он знал эту породу женщин: они всегда выступают агрессивно – привычка защищаться от всех на свете: от начальства, от мужей, от недовольных жильцов (часто куда более агрессивных, чем они сами). Но Кис также знал, что эти замученные бытом и работой женщины, подозревай они кого-то, – направили бы весь свой воинственный пыл на поиски убийцы. Их нервная агрессивность не означала циничности, а их тяжелая жизнь не поколебала здоровой системы ценностей, в которой жизнь ребенка значила неизмеримо больше, чем возможный нагоняй начальства за служебную халатность в виде не запертой на ночь двери.

Тем не менее Алексей обошел всех работников, вылавливая каждого сантехника и электрика, возвращавшегося с вызовов «на базу». Однако ни одно лицо его не насторожило. И замок здания не был взломан...

Похоже, что диспетчерская тут ни при чем. И все же, как ни крути, восьмилетний мальчик мог пойти в ночной двор только в одном из двух случаев: либо его любопытство было крайне раздражено (тогда чем?), либо знакомый человек его туда позвал (тогда кто?).

Пора навестить дядю Костю. Вдруг у него найдется для детектива подсказка?

...Если инопланетяне действительно существуют и посещают нашу планету инкогнито, то комната Кости вполне могла бы сойти за их подпольную штаб-квартиру. В отличие от Стасика, чьи увлечения лежали в русле фантастики – иначе говоря, современных сказок, что естественно для восьмилетнего ребенка, воображение которого населяют чудовища и герои всех мастей, – его дядя претендовал на научность подхода. Стены его комнаты украшали не плакаты и афиши фильмов, а фотографии непознанных летающих объектов и прочих паранормальных явлений, включая расплывчатые портреты головастых инопланетян, сделанные «очевидцами». На двери красовался большой плакат с фотографией приветливого лица Кости в центре Вселенной, говорящего: «Добро пожаловать на планету Земля!» На полках стояли книги соответствующей тематики, а Интернет был открыт на странице блога, автором которого являлся сам Костя, в чем он с гордостью признался. Кис мельком глянул: там бурно обсуждались какие-то сигналы, запеленгованные на днях радиолюбителями на Дальнем Востоке.

Надпись «Добро пожаловать на планету Земля» могла быть вполне обращена к самому Косте. Худенький, бледный, большоголовый, с немного выпуклыми глазами и с волосами, стоящими от геля торчком, точно антенны, парень мог бы вполне сойти за инопланетянина – только скафандра не хватало.

Может, оттого, что Костя пребывал в иных мирах, он до сих пор не смог осознать смерть племянника и говорил о нем в настоящем времени. По его словам, Стасик – парень что надо, с настоящей восприимчивостью к космическому миру, который не каждый способен ощущать. Только продвинутое сознание способно – такое, как у него самого и у Стасика, конечно...

Как выяснилось, последний раз он разговаривал с племянником через Интернет той роковой ночью о новом происшествии в Техасе. Там была с точностью зафиксирована и заснята летающая тарелка. Конечно же, официальная версия для дураков, – это что американская армия ночью проводила экспериментальный полет новой военной техники. Но они, *уфологи*, – и Стасик, конечно, тоже – в это не верят: не маленькие, их так просто не проведешь!

– И часто вы со Стасиком по ночам общались?

– Часто. Племяш только под утро засыпает...

– Вот как!..

Проговорив еще минут двадцать с «уфологом», детектив пожал его хрупкую ручонку.

– Я вам помог? – с надеждой спросил Костя в дверях.

– Да! Очень!

Дядя Стасика вдруг как-то обмяк, припал к детективу и заревел как маленький.

– Вы только его найдите, эту сволочь, а? Вы его найдете???

Он и вправду помог, еще как помог Алексею дядя-инопланетянин! Он сказал очень важную вещь: у Стасика действительно была бессонница! Папа с мамой об этом не знали – думали, что сын спит, потому что он притворялся, пока родители не улягутся. А затем мальчик вставал, шел к компьютеру или читал...

И это многое меняло. Одновременно серьезно усложняя задачу детективу. Потому что отсюда вытекало, что совсем необязательно нечто экстраординарное вытащило Стасика на улицу ночью. Скучая и не зная, чем себя занять, ребенок мог воспользоваться тем, что остался дома практически бесконтрольный, только с глухой бабушкой, – и пойти искать приключений на улице...

Где их и нашел, на свою беду.

В таком случае уже вряд ли удастся узнать, по какой именно причине, пусть даже пустяковой, Стасик оказался на улице ночью. Может, маленький «уфолог» отправился обозревать звездное небо?

Хм, а если...

Ну, конечно же! Кис просто не с того конца зашел!!!

Мысли стремительно промелькнули в голове. И результатом скоростной умственной деятельности детектива стал звонок.

Звонил он на Петровку, 38: воспользовался своими связями, чтобы запросить сведения о пропавших в данном районе людях. Затем детектив осмотрелся во дворе. За детской площадкой шла полоса в три ряда деревьев, которая символически отделяла территорию дома, где жил Стасик, от дома напротив. Огромные сугробы поднимались до середины стволов. Они казались нетронутыми, но снег шел, почти не прекращаясь, уже больше двух недель, а в тот день, когда нашли Стасика, сугробы никто не осмотрел...

Он снова позвонил Шаболину и попросил содействия. Тот явно обрадовался.

– Чем могу быть полезен?

– Найдите пару лыжных палок и спускайтесь!

Когда Владимир появился во дворе, детектив ему объяснил задачу: проткнуть каждый сугроб до основания.

– А что... Что мы там ищем?

– Труп, – лаконично ответил детектив.

– Чей? – изумился Владимир, чувствуя, как волоски на руках встали дыбом.

– Не знаю. Давайте искать.

Детектив освободил палки от колец, дал одну Шаболину. Алексей установил «шаг» для протыкания сугробов примерно в полметра, и они разделились, взяв себе каждый по ряду деревьев, а третий пополам.

Уже стемнело, но это не помешало притечь нескольким жильцам к месту действия.

– А чего это вы делаете? – спросил кто-то из кучки наблюдателей.

– Играем в жмурки, – дал Кис абсурдный ответ, надеясь пресечь любопытство.

– В жмурки? – решил уточнить голос.

– Можно и так сказать, – согласился детектив...

...Спустя час с небольшим он пил горячий чай с бутербродами в квартире Шаболина. Они ничего не нашли, ничего! А других сугробов, достаточно больших, чтобы спрятать в нем тело, во дворе не имелось...

– Объясните мне, – попросил Володя, – отчего вы решили, что там должен быть труп?

– Я просто задал себе наконец правильный вопрос. Первый вопрос тоже, конечно, был правильный: зачем Стасик вышел во двор? Но я на нем слишком застрял. Ответа на него я так и не нашел, но многое очертилось, отсекалось лишнее. Например, стало ясно, с вашей помощью, что никакие незнакомые компьютерные собеседники Стасика на улице не выманивали. Еще выяснилось, что Стасик действительно часто не спал по ночам... Откуда следует, что он мог выйти во двор по каким-то достаточно ординарным причинам. Но теперь узнать их вряд ли удастся. Поэтому я решил над ними не зависать, а перейти ко второму вопросу: почему Стасика задушили?

– Вы все-таки думаете, что это не маньяк?

– Маньяк или даже случайный хулиган – они бы оставили куда больше следов на теле мальчика... Стасик же был просто задушен. ПРОСТО.

– Вы меня извините, но это звучит цинично! Что значит «просто»?!

– А то. От него избавились. Он кому-то чем-то помешал, и от него избавились.

– Но чем он мог...

– Он стал свидетелем, Володя. Того, что не предназначено для посторонних глаз!

– Вот вы как рассудили... И раз мы с вами искали в сугробах труп, значит Стасик стал свидетелем

убийства, да?

– Смотрите сами. Задушен мальчик взрослым мужчиной, как сказал судебно-медицинский эксперт. Едва ли не одной рукой – крупной и сильной. И это не маньяк. Далее, если бы этот человек на Стасика рассердился по каким-либо причинам – мало ли, спьяну, – он бы его побил. Но на теле ребенка нет ни одной лишней царапины! Откуда я делаю вывод, что его *просто* устранили.

– Логично... Хорошо, я согласен с вами: мальчик стал свидетелем убийства...

– Уточнение, Володя: не самого убийства – иначе крики, шум привлекли внимание жильцов двух домов, смотрящих во двор. Стасик, думаю, оказался не к месту в тот момент, когда убийца прятал тело своей жертвы.

– Но почему вы решили, что он прятал его во дворе?

– А где он спрятал тело Стасика? Во дворе! Стало быть, человек этот не имеет машины. Или не может ею воспользоваться: сломалась. Как бы то ни было, он не мог вывезти первый труп, отчего решил, дождавшись ночи, спрятать его во дворе. Именно той ночью, когда Стасик вышел так не к месту погулять и застал его за этим занятием...

– Но куда же он дел первый труп в таком случае? В сугробах мы ничего не нашли, хотя обыскали очень тщательно!

– Нужно будет завтра обойти все подвалы дома и диспетчерской тоже. И еще есть у меня одна мыслишка, почти бредовая... Потом скажу. Сможете помочь с осмотром подвалов? Хорошо бы еще парочку людей привлечь.

Владимир обещал.

Уже дома, поздним вечером, Алексей заново прокрутил в уме «бредовую мыслишку», и в конце концов она стала ему казаться не такой уж и бредовой...

На следующий день он приехал во двор к тому времени, когда дети возвращаются из школы. Владимир Шаболин тоже обещал свою помощь ближе к вечеру, он намеревался вырваться пораньше с работы.

Кис направился напрямик на каток. Шестеро пацанов гоняли там шайбу, в уголке робко и неумело выделяли пируэты две девочки на фигурных коньках.

Вопрос у сыщика был один: когда залили каток?

Дети, сгрудившись вокруг Алексея, принялись вспоминать. Поспорив минут десять, они в конечном итоге согласились между собой в дате: каток появился пятнадцатого декабря.

То есть в тот день, когда Наташа и Женя обнаружили Стасика в снеговике!

Детектив немного походил, осторожно переставляя ноги, по присыпанному снегом катку – чистили его явно редко! – а затем направился к диспетчерской.

В ожидании Шаболина, который позвонил с сообщением, что прибудет через полчаса, детектив попросил разрешения осмотреть подвал. После строгого допроса пришлось ему признаться, с какой целью. К его удивлению, две нервные диспетчерши вызвались его сопровождать. Крепкие, должно быть, нервы у нервных дам, – усмехнулся Кис, спускаясь по лестнице под их конвоем.

Подвал был маленьким и квадратным, как и само здание. Сыщик шел впереди, две дамы за ним. Похоже, что им вдруг стало не по себе в этом замкнутом, тускло освещенном помещении...

Внезапно сыщик присел на корточки, и женщины тихо ойкнули от неожиданности у него за спиной. В куче старого хлама, валявшегося в углу, Алексей приметил край цветной ткани. Развалив горку из старых папок, негодных сидений от стульев, облезлого веника и прочей ерунды, он получил наконец доступ к ткани.

Ею оказалась рваная скатерть. Подвал диспетчерской не таил никаких мрачных сюрпризов...

Наконец появился Владимир Шаболин с двумя добровольцами, и Алексей, пояснив задачу, переложил на них хлопоты по осмотру пяти подвалов дома. Сам же он отыскал дворника, точнее, дворничиху, и попросил у нее большую лопату – какой сгребают снег. После чего направился к катку.

Он представлял собой прямоугольник, огороженный дырявой покосившейся сеткой. Летом здесь играли в волейбол, а зимой его бездарно заваливало снегом. И вдруг, десять дней тому назад, кто-то сделал такой подарок детворе: залил каток! Причем никто не знает, кто этот добрый волшебник! Ну, Дед Мороз, не иначе – да еще под Новый год!..

Это наводило на определенные мысли, вызывавшие у детектива пристальный интерес к катку...

За время, в которое он исследовал подвал диспетчерской, инструктировал Шаболина и искал дворника, народу здесь прибавилось: дети успели пообедать и сделать уроки (или *сделать вид, что ...*). Ему пришлось довольно долго препираться с особо продвинутыми пацанами, которым не хотелось прерывать игру в

хоккей, отчего они не соглашались предоставить в распоряжение Алексея свои ледовые владения, пока он не скажет зачем.

– Почистить его нужно, непонятно разве?

– А вы кто, новый дворник? – спросил один, с сомнением оглядывая дорожную куртку Алексея.

– Детектив это, – произнес другой. – Он убийцу Стасика ищет!

– А чего он каток хочет чистить?

– Гы-ы, – оскалил неровные зубы третий, – он думает, что убийца сюда покататься придет!

Минут через пятнадцать Алексей все же исхитрился выдворить мальчишек с катка (девочки послушно ушли по первой же просьбе) и принялся очищать лед от снега, скопившегося в больших количествах по периметру.

Детвора, изгнанная из ледяного рая, стояла за сеткой и смотрела на странного детектива, расчищавшего лед с большим усердием. Конечно, кабы нашлась еще пара лопат, Кис быстро приспособил бы мальчишек к работе – но лишних лопат у него не имелось, отчего трудиться приходилось в одиночку. И, надо признать, работенка оказалась не из легких. Вроде каток и не велик, но к упражнениям с лопатой детектив не привык: вскоре ощутил ломоту в руках.

К счастью, трое мальчишек вызвались ему помочь. Должно быть, сработал эффект Тома Сойера, который, как известно, ухитрялся красить забор так увлекательно, что всем хотелось поработать вместо него кистью.

Прошло, однако, немало времени, прежде чем каток оказался полностью очищен от снега, который общими усилиями накидали горой недалеко от входа – если таким солидным словом можно было назвать простой проем в сетке.

– Ну-ка, братва, разойдись! – зычно гаркнул детектив.

Пацаны отодвинулись, и Кис принялся выбрасывать снег наружу. Затем снова передал лопату добровольцам.

Наконец дело было сделано.

– Ну и чего теперь? – полюбопытствовали мальчишки.

Не ответив, детектив с осторожностью принялся прохаживаться по льду, глядя себе под ноги. Затем с крайне разочарованным видом махнул рукой, запуская ребятишек обратно, и ушел.

Шабалин с двумя помощниками уже заканчивали осматривать последний подвал. В первых четырех ничего не нашли – да Алексей уже и не ждал. Он все больше укреплялся в своей догадке, даже если пока не нашел ей подтверждения.

Среди заявлений о пропаже людей – детектив уже получил информацию с Петровки – не нашлось ни одного, соответствующего данному кварталу. Откуда следовало, что персона, которая теоретически могла бы подать в розыск на правах близкого родственника, и являлась убийцей. В силу чего интереса заявлять в милицию о пропаже члена семьи не имела. И данная персона не была достаточно хитроумной, чтобы организовать ложные ходы.

Эта информация лежала в русле его догадки, хотя никакой дополнительной подсказки не содержала. Но детектив был упрям и намеревался исследовать свою догадку до самого конца.

Когда с осмотром последнего подвала было покончено – с нулевым результатом, как и ожидал Кис, – он отвел Владимира Шаболина в сторону и что-то с ним обсуждал минут десять, после чего они оба сели в машину и уехали.

Вернулись они через два часа. Дворничиха и участковый, с которыми успел договориться детектив, ждали их.

Алексей посмотрел на расчищенный каток, изрядно опустевший к этому времени: свет на него падал со стороны диспетчерской, освещая левую часть и оставляя в тени правую, ближе ко входу. И детектив велел начинать со стороны входа.

...Около десяти вечера все жильцы дома припали к окнам, а некоторые высыпали во двор, привлеченные странным зрелищем: на катке один за другим загорались костры, расположенные через равные промежутки, а между ними колдовали два человека в резиновых сапогах. Одного из них узнали практически все: это был Владимир Шаболин, председатель стихийно организованного родительского комитета дома. Второго узнали немногие: им был частный детектив Алексей Кисанов. Впрочем, спустя каких-то десять минут об этом уже знали *многие*.

Вход на каток стерег участковый, шугавший резвых подростков, вознамерившихся подойти поближе к огню. Дворничиха тоже стояла на страже, помогая участковому.

– Что тут такое? – восклицали голоса, на что она с важным видом поясняла, что идет «следственный эксперимент».

Костры горели бодро: сухие дрова для каминов и технический алкоголь для разжигания барбекю, за которыми детектив с Шаболиным ездили в магазин, делали свое дело исправно.

Лед таял, превращаясь в мокрую кашу.

– А каток? А потом обратно зальют? – беспокоились пацаны.

– Зальют, зальют, – отвечали участковый и дворничиха.

Толпа вокруг катка росла, а вместе с ней рос нестройный гул голосов. Казалось, что тут собралось какое-то странное племя вокруг ритуальных костров, которыми заправляли два шамана.

И вдруг детектив присел и махнул рукой Шаболину. Тот подошел, наклонился. После чего оба разогнулись и Алексей прокричал:

– Есть! Гасим! Зинаида Матвеевна, давайте!

Толпе пришлось расступиться, потому что дворничиха с крайне важным видом разматывала шланг. Затем передала его конец детективу. Он направил струю воды на огонь. Шипя и испуская дым, костры гасли один за другим.

Но для собравшегося люда зрелища еще не закончились. Вскоре подъехали две машины, одна милицмейская, вторая обычная, без опознавательных знаков, фургончик. Толпу милиционеры отогнали подальше от катка, уговаривая жителей разойтись по домам. Никто, разумеется, расходиться не хотел – но отойти пришлось.

Вооружившись ломом, которые принесла дворничиха Зинаида Матвеевна, два человека направились к катку...

Дальнейшее увидеть можно было только с большого расстояния. Двое, поорудовав ломом недалеко от входа, махнули руками, и из второй машины вышел человек. Направился к ним, наклонился и стал щелкать фотоаппаратом.

Публика уже истомилась в ожидании: что там нашли подо льдом? Вдруг из второй машины вытащили носилки и пошли с ними на каток. И тут все ахнули: из расколотого и оттаявшего льда извлекли тело!

Те, которые отважились, несмотря на строгий запрет, подойти поближе, утверждали потом, что это была женщина средних лет и что одета она была во что-то розовое...

Носилки вскоре исчезли в машине, и она уехала. Милицмейские некоторое время еще переговаривались с детективом и дворничихой, затем разъехались и они. Толпа растеклась по подъездам, и воспоминанием об увиденном кошмаре остался только развороченный каток.

* * *

...Все собрались, как в первый раз, в школе. Народу набилась уйма, Алексей еле протиснулся к учительскому столу.

Класс затих. Алексей посмотрел на лица: все взгляды устремлены на него со вниманием и нетерпением, словно он был учителем, который вот-вот объявит оценки за четверть. Взрослые люди, с трудом уместившиеся за школьными партами, сейчас стали похожи на своих детей.

Все жаждали объяснений вчерашней кошмарной сцены, но сидели тихо и даже как-то почтительно. Видимо, он должен сказать что-то первым...

Кис и впрямь ощутил себя учителем, и ощущение это смущало его и тяготило: он не любил публичности и излишнего внимания к себе.

– Спрашивайте, – просто объявил он.

И класс взорвался вопросами. Нестройные голоса зазвучали, перебывая друг друга.

– Да, – отвечал одному Алексей, – это женщина. Нет, – отвечал он другому, – пока не знаю. Но думаю, что жительница одного из ваших двух домов.

– Почему?

– Она была в халате.

– Но ее могли привезти!

– Нет. Если бы убийца мог куда-нибудь отвезти тело, он бы спрятал его в лесу или на каком-нибудь заброшенном пустыре. Но он этого не сделал. Стало быть, транспортом не располагает. Поэтому спрятал свою жертву во дворе. Видимо, надеялся, что до весны еще далеко, а там как-нибудь пронесет. Трудно сказать, что было у убийцы в голове, но я уверен, что это человек пьющий. Убийство бытовое, ранения нанесены кухонным ножом, как установил предварительный осмотр...

– И кто же ее так?!

– Убийство бытовое, повторяю, стало быть, кто-то из домашних. В крайнем случае, из соседей. Милиция обходит ваши дома с фотографией убитой – возможно, к кому-то из вас уже приходили...

Хор голосов подтвердил, что приходили.

– Как только установят личность погибшей, там и личность преступника наверняка определится. Кроме того, известно, что у убийцы есть доступ к шлангу, – ведь это он залил каток! Зинаида Матвеевна, ваш дворник, уже дала показания. Ключи от дворничьей имеют у нескольких человек – оказывается, она позволяла там хранить кое-какие инструменты, запасные шины и прочие мелочи за небольшое вознаграждение... Так или иначе, но личность убийцы установят в ближайшие часы! В крайнем случае, завтра...

– А как же Стасик? Его-то за что?!

– Как ни прискорбно, мальчика подвели страсть к конькам и бессонница... Теперь остается только гадать, но полагаю, что Стасик нередко смотрел в окно по ночам... Знаете, когда я был маленьким, я, в принципе, на сон не жаловался, но случалось и мне иногда не спать. Тогда я смотрел на улицу... Чужие освещенные окна мне помогали. Я думал: «Вот другие люди тоже не спят... Я не один в этом темном и пугающем ночном мире...».

– Мой ребенок тоже плохо спит... – послышался голос.

– А мой тоже часто в окошко глядит, – вторил ему другой.

Алексей кивнул.

– Учитывая, что родители уехали на курорт и что с бабушкой затруднительно общаться в силу ее глухоты, мальчик, скорее всего, сильно тосковал. В такой ситуации возможность покататься на коньках могла стать для него праздником... И когда он увидел ночью в окошко, как кто-то обустроивает каток – разравнивает снег, подтягивает шланг, – то он, видимо, решил принять участие в процессе: все равно ведь не спится! Он оделся, вышел. Глухая бабушка не слышала ничего. Подобрался к «дяденьке», делавшему такое благое дело – каток!!! Он его не опасался. Может, даже узнал его – ведь это кто-то из ваших соседей...

Детектив умолк, потому что голос его дрогнул, и ему стало неловко.

– И увидел, что «дяденька» закапывает труп? – нетерпеливо спросил кто-то, чрезмерно увлеченный детективным аспектом повествования.

– Без сомнения. Когда убийцу возьмут – а его непременно возьмут! – то он внесет уточнения... Но ясно одно: Стасик увидел тело или его часть, еще не совсем скрытую снегом... И каким-то образом выдал себя. Восклицанием или просто побежал домой – каток ведь как раз перед его подъездом... Убийца понял, что ребенок – нежеланный свидетель. Он его поймал. И задушил.

– Как все просто... А у меня внутри кишки переворачиваются! – сказал кто-то.

– И должны, – ответил детектив. – Здоровая человеческая реакция. Жаль, что не всем дана...

Некоторое время собравшиеся подавленно молчали. Кто-то всхлипывал.

– Какая жуткая мысль – закатать ребенка в снеговик! – произнес женский голос.

– Скорее всего, пьяное воображение алкоголика. Неадекватное.

– Хорошо, что здесь нет родителей Стасика... Слушать все это... – Женщина заплакала.

– Я у них уже был... – произнес Алексей. – Они... Да что говорить, вы все родители, сами понимаете... Он поднялся.

– А как же вы догадались? – спросил кто-то.

– Спросите у Володи Шаболина, он знает, – детектив кивнул в его сторону. – Он мне помогал.

– Нет, а все-таки! Насчет катка, как вы сообразили?

– Ну, как... – приостановился Кис. – С момента, когда я понял, что Стасика убили как свидетеля, стало ясно, что во дворе должен находиться еще один труп... Мы проверили все сугробы – не нашли. Оставались еще, конечно, подвалы – и мы их тоже проверили для очистки совести... Но я уже тогда был практически уверен, что искать тело нужно на катке. Почему? Окна Стасика выходят на него, это раз. И появился каток в ту ночь, когда Стасика убили, это два. Плюс любовь мальчика к конькам, это три. На пересечении этих фактов и нашлась догадка... Вот, собственно, и все.

Народ зашумел, следуя за детективом к выходу.

– Вы нам обязательно сообщите о результатах!.. Так вы только сразу!.. А то от милиции не дожدهмся... – говорили ему наперебой.

Звонок парализовал всех. Когда Кисанов открывал свой мобильник, на него устремились все взгляды.

Но это была Александра.

– Еду, Сашенька, – сказал он в трубку и смущенно улыбнулся остальным. – Жена... Волнуется...

Телефон снова зазвонил – Алексей даже не успел сунуть его в карман. Напряжение возросло в сто крат

– глаза собравшихся тут людей словно молили: ну на этот раз пусть это будут новости о том, что убийцу поймали!!!

– Все, – произнес Алексей, обводя глазами лица. – Все, его взяли!

Он отчего-то думал, что все сейчас шумно выразят радость и облегчение – но люди замерли. Словно мысль о том, что он оказался реальным, а не выдуманным, этот убийца, навела на них еще больший ужас.

– Это действительно сожитель одной из ваших соседок... Бывших соседок, – уточнил он. – Она жила в доме напротив. Ее сожитель был взят в состоянии алкогольного опьянения... В общем, бытовое убийство, как я вам сказал...

Алексей крайне неохотно произнес эту фразу. Смерть Стасика была слишком несоразмерна *бытовому убийству на почве алкогольного опьянения*.

Он смешался, умолк и стремительно вышел из школы.

* * *

Стасика хоронили всей школой и всем домом. К его гробу несли не цветы – несли еловые лапы с елочными игрушками. А некоторые принесли подарки (среди которых оказались даже новенькие коньки) – к Новому году.

До которого маленький любитель фантастики не дожил всего лишь две недели...

В этом дворе еще несколько лет никто не лепил снеговиков.

Дарья Донцова Болтливый розовый мишка

Вы способны назвать самые большие неприятности, которые могут случиться с женщиной в декабре? Ее шуба попала в «гребенку эскалатора», на новогодние каникулы приехали погостить из провинции свекор со свекровью, начальство придержало зарплату до января, лучшая подруга приобрела новенькую иномарку, другой подруге подарили бриллиантовые сережки, третья перебралась в собственный особняк, четвертая – улетела на Карибы...

Я тяжело вздохнула и уставилась на десятилитровую кастрюлю, которая медленно закипала на плите. Много нехорошего может случиться с нами накануне Нового года, но в длинном списке неприятностей никто не ждет одной: отключения горячей воды. Вот летом это естественно. Три недели с чайником и тазиком в ванной даже идут нам на пользу: когда ТЭЦ в конце концов начинает работать в полную мощность, ощущаешь полнейшее счастье, какое многие из нас не испытывали даже в день свадьбы. Мы все смирились с отключением горячей воды летом. Но в декабре!

Сегодня, вернувшись с работы, я нашла на двери лифта объявление. «Уважаемые жильцы, поздравляем всех с Новым годом! Желаем счастья, здоровья и успехов. Оповещаем вас о том, что в доме на трое суток будет отключена горячая вода. Домоуправление». Оставалось лишь развести руками и надеяться, что в качестве следующего подарка от Деда Мороза нам не отрежут электричество. И, как назло, я вечером собралась в гости и не помыла с утра голову. Добрый боженька одарил меня, Лампу Романову, странными волосами, вроде их много, но пышной прическа выглядит только часа два после того, как я уложу их феном. Поэтому я мою голову непосредственно перед мероприятием. Я прибежала домой пораньше. И вот вам сувенир от Деда Мороза!

Тяжело вздыхая, я оценила количество воды в кастрюле и высыпала в нее соль.

– Лампуша, ты собралась варить пельмешки? – поинтересовалась Лиза, вбегая на кухню. – Готовишь ужин для семьи слонов? Ну и кастрюлица!

– Мне надо помыть голову, – мрачно ответила я.

Лиза рассмеялась.

– Ничего веселого не вижу, – заметила я, закрывая кастрюлю крышкой, – очень удобно лить на голову воду из ковшика. Ха-ха!

– Точно, – захохотала Лиза, – в особенности соленую.

Я удивилась.

– Зачем солить воду для мытья волос?

– Ну да, – Лизавета ткнула пальцем в солонку, – за фигом ты в кастрюлю соль сыплешь? Кстати, лаврушку с перчиком ты тоже положила?

Я молча схватила кастрюлю за ручки и помчалась в ванную. Ну вот, сработал автопилот домашней хозяйки: забыла, что варю не суп, и посолила воду. Надеюсь, мои волосы не пострадают от соли и я сумею их красиво уложить.

Кое-как справившись с банной процедурой, намотав на голову тюрбан, я попыталась включить фен, но потерпела неудачу, теплый воздух не дул из раструба. В первую минуту меня охватила паника, неужели в придачу к горячей воде нас лишили и электричества? Но потом я стала мыслить логически. В ванной горят точечные светильники, значит, неприятность меньше, чем кажется, всего лишь сломался фен.

Придерживая рукой полотенце, я выскочила из ванной. Так, сейчас спущусь на первый этаж и возьму фен у Маши Комаровой. Правда, она вместе с дочкой Ниной уехала за город, Комаровы купили дом и перевозят вещи, но у меня есть ключи от их квартиры.

Мы с Маней близкие подруги, и я всегда выручаю ее, поливаю цветы, захожу проверить, не течет ли батарея. Маша работает аудитором, начальство часто посылает ее в командировки, а Нина стюардесса, ее неделями не бывает в Москве.

Накинув поверх халата теплую куртку Кирюши, я вошла в лифт и задержала дыхание. Некоторое время назад собрание жильцов постановило уволить бабушек-лифтерш, люди возмутились:

– Мы платим старухам приличные деньги, а какой от них толк? Неужели божий одуванчик может задержать бандитов. Давайте наймем настоящих секьюрити!

Русский человек любит действовать сгоряча, отрубит сук, и только потом сообразит: ой, мамочка, я же на нем сидел! Бабули, обиженные на соседей, живо пристроились на службу в близстоящие здания, а члены

нашего правления, придя в охранное агентство, были встречены усмешками.

– За те деньги, что вы нам предлагаете, у вас согласятся работать только пенсионерки, – с плохо скрытым презрением заявил главный охранник, – наши парни недешево стоят.

И вот подъезд остался вообще без присмотра, жильцы не пожелали увеличивать расходы, а старушки не хотят возвращаться к неблагодарным людям. Очень скоро всем стало ясно: пожилые женщины не впускали пьяниц и бомжей, желавших использовать подъезд в качестве туалета, в общем, пенсионерки были на своем месте. Теперь у нас грязно, а кодовый замок постоянно ломают вандалы.

Трясаясь от холода, я вышла к почтовым ящикам и повернула налево. В воздухе повеяло знакомым ароматом – «Шанель № 5». Классика парфюмерной промышленности не стареет, всегда найдутся женщины, которые с восторгом купят простой прямоугольный флакон. Кстати, я знаю одного мужчину, который пользовался этим парфюмом. Семен, отец Нины и муж Маши Комаровой, сколько его помню, всегда поливался духами великой Коко. Никакие насмешки и подколы на Семена не действовали.

– Кто сказал, что это женские духи? – возражал он тем, кто удивлялся его выбору. – Разве на коробке написано: мужикам пользоваться запрещено? Мне нравится, и точка.

В конце концов все перестали подшучивать над Сеней, успокоились даже его коллеги-газетчики.

Я открыла дверь Машинной квартиры и пошла в ванную. Где здесь фен? А вот он, лежит в ящичке! Внезапно из коридора послышался скрип, я испугалась.

– Кто там?

В ответ раздался шорох. Мне стало очень страшно, квартира Комаровых расположена на первом этаже, окна выходят во двор, они не зарешечены. Может, влез вор? Отложив фен, я схватила швабру и высунулась из санузла. Глаза различили темную тень у вешалки.

– Стоять! – заорала я. – Стрелять буду!

Но грабитель не повиновался, в мгновение ока распахнул дверь и был таков. Я прислонилась к косяку, ощущая мелкую дрожь в коленях. Однако вовремя у меня сломался фен, если бы я не помешала мерзавцу, он мог вынести ценные вещи. Как грабитель попал в квартиру? Да очень просто, разбил окно! Надо обойти все комнаты – изучить обстановку, позвонить Маше. Вернее, сообщить ей о неприятностях нужно прямо сейчас!

Я вынула мобильный, соединилась с Комаровой и услышала в ответ на мое сообщение:

– Скоро буду, пожалуйста, не уходи из квартиры.

– Не волнуйся, – заверила я соседку, – ни в какие гости я не пойду, останусь тебя ждать.

Сунув телефон в карман халата, я пошла осматривать комнаты и слегка успокоилась. В Машинной спальне царил полнейший порядок, стекла целы, вещи нетронуты. В гостиной сверкала яркими шарами большая искусственная елка, телевизор по-прежнему висел на стене, на столике стоял DVD-проигрыватель, а больше ничего ценного тут не было. Наверяд ли грабителя мог привлечь буфет с обычной посудой или две дешевые репродукции на стенах. Одна из них, правда, изображает Мону Лизу, но, думаю, даже последний уголовник знает, что подлинник портрета дамы с загадочной улыбкой хранится в Лувре.

Кухня сверкала чистотой, в маленькой спальне Нины, наоборот, царил кавардак, но у нее всегда тарарам, главное, все окна целы и закрыты.

Я перевела дух. Наверное, воришка только-только вошел в прихожую, и тут раздался мой крик. Хотя... Я отлично слышала скрип паркета в коридоре.

Год назад Машину квартиру затопили соседи, вода вдруг полилась из люстры, которая висит в коридоре. Слава богу, Комарова оказалась дома и моментально помчалась наверх. Потоп остановили, но около ванной комнаты, куда выплеснулось большое количество воды, вздулся паркет. Комарова очень переживала, она хотела переделывать пол, вызвала мастера, который объяснил:

– Если перекладывать один метр, ничего хорошего не получится, меняйте весь паркет в коридоре. А еще лучше подождите пару недель, авось пол просохнет и все устаканится.

Так и случилось, вот только теперь в коридоре половицы отчаянно скрипят, а в прихожей лежит плитка, там все в порядке. Следовательно, злоумышленник побывал в глубине квартиры.

Я вздохнула, чихнула и внезапно поняла: в спальне Нины так сильно пахнет «Шанель № 5», словно здесь только что побывала дама, облившаяся целым флаконом духов. У меня закружилась голова, пришлось сесть на пуфик у кровати, и я тут же заметила на тумбочке розового плюшевого мишку, в лапах он сжимал бархатную коробочку.

Я схватила игрушку. Точно, резкий аромат исходит от нее. Мне стало не по себе.

Нашей дружбе с Комаровыми не один год. Маша и Семен давно живут в этом доме, сначала они занимали однушку на седьмом, потом перебрались в двушку на четвертом, а затем въехали в трешку. Когда Комаровым предложили перебраться на первый этаж, я активно советовала не совершать обмен, приводила

общеизвестные аргументы:

– Вам будет шумно и небезопасно жить на первом этаже.

Маша соглашалась со мной, но Сеня уперся.

– Две комнаты мало, – сказал он, – три намного лучше, не спорьте!

Комаровы перебрались вниз, а через пару месяцев цены на недвижимость резко взлетели вверх, оставалось лишь удивляться прозорливости Сени, предугадавшего grimасы рынка недвижимости.

Денег на хороший ремонт у Комаровых не было, поэтому они просто переклеили обои, отциклевали полы и зажили счастливо. Но Сеня недолго радовался новым апартаментам. Полтора года назад он погиб в автокатастрофе, поехал на машине по делам, не справился с управлением и врезался в бетонный забор. Семена успели доставить в больницу, где он и скончался. Маша и Нина осиротели. Шесть месяцев моя подруга отказывалась от общения с друзьями, потом потихонечку стала приходить в себя. В конце мая Нина упростила маму пойти с ней на день рождения к нашим общим знакомым, я тоже присутствовала на гулянке, которая проходила в крупном торговом центре. Чтобы попасть в ресторан, следовало пройти через ряды бутиков, миновать фонтан и подняться на эскалаторе на второй этаж. У подножия движущейся лестницы милая девочка в красной курточке вручала всем глянцево-блестящие билеты.

– Что это? – спросила я.

Красавица указала изящной ручкой влево.

– Видите вон ту машину? Она стоит миллион евро и является главным призом лотереи. Купите билет, стоит всего тысячу рублей, вдруг вам повезет.

Я усмехнулась.

– Один классик литературы советовал никогда не играть в азартные игры с государством.

– Лотерею проводит частная фирма, – серьезно сообщила девушка.

– Тем более, – не сдалась я, – лучше куплю себе на эту тысячу подарок. Думаю, выиграть тачку за бешеные деньги никому не удастся.

– А я рискну, – вдруг сказала Маша, – поищите там в куче билетик с номером 1506.

– Сейчас, – вежливо сказала девушка, – знаете, такой есть!

– Давайте, – улыбнулась Маша.

– Почему именно этот номер? – удивилась я.

– Ты забыла? – вздохнула Комарова. – Это день рождения Сени, пятнадцатое июня. Может, мне повезет! Миллион евро огромная сумма.

Я промолчала, не стоит разочаровывать подругу, которая со дня смерти мужа впервые проявила интерес к жизни.

Около одиннадцати вечера послышался звук фанфар и всех позвали на розыгрыш. Я предпочла остаться в ресторане и съесть мороженое, не успела я расправиться с лакомством, как в зал влетела ликующая толпа.

– Всем шампанского! – орал именинник. – Вот это финт! Оркестр! Зажигаем!

По залу заматались официанты с бутылками, со сцены полетели звуки бессмертного хита Верки Сердючки.

– Все будет хорошо! – в едином порыве кричали гости.

– Нет, нет, – возразил именинник, отбирая микрофон у солиста, – надо петь иначе. «У Машки все очень хорошо». Маня, твой танец!

Люди захлопали в ладоши, в центр зала вытолкнули красную от смущения Комарову...

– Что случилось? – спросила я у незнакомой женщины, наливавшей себе воду из бутылки.

– Дуракам везет, – с плохо скрытой злостью ответила она, – эта идиотка машину выиграла.

Вот так Машка стала обладательницей нехилой суммы. Самое интересное, что фирма не обманула, выплатила Комаровой стоимость иномарки, об этом чуде много писали газеты. Маня даже засветилась в одном телешоу, стала на время звездой экрана. А потом она осуществила свою мечту: купила особняк в Подмоскowie и скоро переезжает туда вместе с Ниной. Московскую квартиру они будут сдавать. За трешку, расположенную недалеко от метро, пусть даже и на первом этаже, арендаторы сегодня хорошо платят. Похоже, в жизни Маши начинается светлый период, судьба отобрала у нее мужа, зато подарила ей дом, какое-никакое, но утешение. Вряд ли Маня еще раз выйдет замуж, и дело не в ее возрасте или внешности. Маша выглядит намного моложе своих лет, у нее легкий характер, и хозяйка она отменная. Просто ей будет трудно найти такого внимательного любящего супруга, как Сеня. В семье Комаровых было много традиций. Например, на годовщину свадьбы Сеня всегда возил своих девочек в Питер, именно в этом городе они с Марусей и познакомились. А на каждый Новый год, тридцатого числа, Нина получала от папы розового мишку. В начале девяностых годов прошлого века Сеня поехал по делам во Францию, прямо из голодной темной Москвы в яркий праздничный Париж. Денег у Сени было немного, их хватило лишь на небольшой

подарок для Маши и розового мишку для Нины.

С тех пор и повелось: тридцатого декабря девочка получала очередного плюшевого Топтыгина. Вот они все, разных размеров, но неизменно розового цвета, сидят на полке. Я машинально пересчитала игрушки, с тем косолапым, который расположился на тумбочке, их семнадцать штук. Семнадцать!

Я вскочила с пуфика и еще раз проверила количество плюшевых братьев. Шестнадцать на полке и один у кровати! Но этого не может быть. Я отлично знаю, что Сеня ездил в Париж в 1992 году, он привез тогда Маше акварель: Эйфелева башня на фоне заката, в углу художник оставил подпись.

Я вышла в коридор, вот он, городской пейзаж в тоненькой рамочке, в самом низу размашисто написаны имя, фамилия неизвестного француза и дата «28.12.1992 г.». А теперь произведем простые арифметические действия. Сеня скончался в конце мая 2007 года. И сколько же должно быть мишек? От двух тысяч семи отнимем тысячу девятьсот девяносто два и получим... пятнадцать. Все правильно, в канун года Крысы Сеня уже лежал на кладбище, вернее, его прах покоился в колумбарии. Но сейчас я вижу шестнадцать игрушек на полке и еще одну на тумбе! Получается, что мертвец исправно делает подарки дочери! Я вышла в подъезд. Запах духов «Шанель № 5»! Особенно сильно пахло около почтовых ящиков и в комнате Нины. А теперь подведем итог: розовый мишка, запах «Шанель», черная тень в прихожей...

У меня затряслись руки. Нет, успокойся Лампа, мертвые не пользуются парфюмерией и не поздравляют с Новым годом даже горячо любимых дочек!

Я вернулась в квартиру Маши.

– Лампа, – раздалось из коридора минут через двадцать. – Ты где?

– Тут, – хриплым голосом ответила я и вышла из комнаты.

– Испугалась? – кинулась ко мне Маша.

– Слава богу, – подхватила Нина, скидывая обувь, – что тут случилось?

Я стала излагать историю про фен, потом не выдержала и спросила:

– Вы не чувствуете никакого запаха?

Нина принялась.

– Нет!

– Перед отъездом я выбросила мусор, вонять тут нечему – сказала Маша, – ладно, пошли чаю попьем, похоже, мы отделались легким испугом.

– Наверное, вор вошел в прихожую, а тут ты закричала: «Стоять!» Очень глупое поведение, – укорила меня Нина, – вдруг бы у него оказалось оружие. Нельзя нападать на уголовника.

– Швабра тебе не помогла бы, – вторила дочери Маша.

– Вы не ощущаете аромат «Шанель»? – перебила я женщин.

Они переглянулись.

– Нет.

– Совсем?

Маша пожала плечами.

– В квартире очень душно, надо открыть все окна!

Когда она пошла в гостиную, я поманила Нину в ее спальню и спросила:

– Скажи, тебя тут ничего не удивляет?

Девушка заморгала.

– А должно?

– Внимательно посмотри вокруг! – приказала я.

Нина послушно завертела головой.

– Ну? – в нетерпении поинтересовалась я.

– Если хочешь упрекнуть меня за беспорядок, то лучше не начинай, – сердито заявила Нина, – это моя комната!

– Кто сидит на тумбочке? – я ткнула пальцем в игрушку.

– Мишка, – ответила младшая Комарова.

– Вот именно! – зашептала я. – А в квартире пахло «Шанель № 5»! И от плюшевой игрушки исходит тот же аромат. Как ты объяснишь эти факты!

Нина села на заваленную вещами кровать.

– Лампа, – устало сказала она, – любая работа оставляет на человеке неизгладимый отпечаток. Учитель постоянно всех воспитывает, врач залечивает домашних, а ты служишь в детективном агентстве, поэтому везде видишь преступления. Что за чушь пришла тебе в голову? Ты решила, что папа жив?

– Ага, – кивнула я.

– Вот уж глупость, – покраснев, возмутилась Нина, – надеюсь, ты скроешь от мамы свои выводы, она

только-только оправилась от горя.

– Но мишки! – настаивала я. – На полке!

– Они там всегда сидят.

– Верно, но ты пересчитай их.

– Шестнадцать, – без всякого удивления сообщила Нина.

– Должно быть пятнадцать! – упорствовала я. – Сеня умер в мае две тысячи седьмого.

На глазах Нины заблестели слезы.

– Прекрати, – умоляюще попросила она, – шестнадцатого мишку я купила себе сама. Утром тридцатого декабря проснулась и обнаружила, что на тумбочке пусто. Вот тогда я и осознала: отец умер, навсегда! Не передать словами мои ощущения, мой ужас... Я побежала в магазин и приобрела игрушку.

– А эта откуда? – не успокаивалась я. – Семнадцатого мишку кто принес?

Нина промокнула глаза рукавом кофты.

– Маме не расскажешь?

– Могила, – пообещала я, – сейф без ключа!

– У меня появился парень, – снова покраснела Нина, – наш пилот. Я ему рассказала про мишек и папу, вот Лёня и решил мне приятное сделать, вчера подарил Топтыжку. С одной стороны, милый поступок, с другой... На меня снова нахлынули мысли о смерти папы. Очень тебя прошу, не расстраивай маму, ей ничего говорить не надо.

Я кивнула и ни к селу ни к городу добавила:

– Мишка пропах духами «Шанель».

– Я пользуюсь ими постоянно, – заверила Нина, – флакон в ванной стоит, на полке у зеркала.

– А что в коробочке? – проявила я неуместное любопытство.

– Сувенирчик, – усмехнулась Нина.

– Можно посмотреть?

Девушка схватила игрушку и посадила на полку.

– Извини, Лампуша, это очень личное!

Из гостиной послышался грохот и крик Маши:

– Нина, помоги.

Дочь бросилась на зов, я подошла к новому члену семьи розовых мишек, взяла его, еще раз внимательно изучила не оторванный ценник, увидела на нем дату продажи – 30.12.2008 и подняла бархатную крышечку коробочки. На маленькой подушечке сверкало кольцо с большим бриллиантом. Презент никак нельзя было назвать «милым сувенирчиком». Молодой пилот отстегнул за украшение не одну тысячу, причем не рублей.

Я аккуратно подняла колечко вместе с подушечкой: так и есть, внутри лежит маленький ярлычок, свидетельствующий о том, что покупка была совершена сегодня днем в дорогом магазине. Так, каратность камня, чистота, вес оправы, а вот и название лавки: «Серджо».^[2] Да и кольцо, кстати, имеет имя, в самом верху ярлычка написано: «Изделие „Сирена“».

Из коридора донесся знакомый скрип, я живо посадила медведя на место и отпрыгнула от полок. В спальню вошла Маша.

– Везде полный порядок, – объявила она, – думаю, нет никакой нужды звать милицию.

– Верно, – подхватила Нина, возникнув на пороге, – какой от этого толк? Лампа вора спугнула. Даже от сломанного фена бывает польза.

– Пойду, пожалуй, – опомнилась я, – только фен прихвачу, если, конечно, можно.

– Бери, бери, – закивала Маша, – мы сейчас кое-какие вещи сложим, и в поселок! Там такая красота! Лес! Елки! Снег сверкает! Вот бы Сене посмотреть на природу! Сенечка мой, любимый! Так без него плохо, невыносимо. Я бы отдала все, чтобы на него хоть одним глазком посмотреть! Ну зачем он меня покинул. Это так несправедливо! Мне без него очень, очень плохо.

В глазах Маши заблестели слезы, я обняла подругу. Кто принес в дом розового мишку? Вор приходит, чтобы украсть, а не подsunуть подарок: игрушку с бриллиантовым кольцом. Если я съезжу в ювелирный магазин, может, сумею напасть на след странного грабителя? Мне очень жаль Машу, которая второй год убивается по умершему мужу. Вот только умер ли он?

– Встретим Новый год на природе, – преувеличенно весело воскликнула Нина. Она явно хотела отвлечь маму от грустных мыслей. – Повесим гирлянды!

– Здорово, – согласилась я, – мы тоже скоро окончательно в Мопсино переселимся, летом уже там жили, а осенью временно в город вернулись, нам в январе мебель привезут, расставим ее, и прощай, Москва.

– А что будет с квартирой? – заинтересовалась Маша.

– Пока не решили, – улыбнулась я, – может, сдадим!

Нина выразительно покашляла, я пошла за феном, постояла минуту у раковины, изучая шеренгу баночек и пузырьков на полке у зеркала, потом услышала голос Нины:

– Лампуша, извини, отдай наши ключи, ну те, что мы тебе оставляли.

Я протянула ей связку.

– Да, конечно, держи.

– Сегодня приедут съемщики, – затараторила Нина, – надеюсь, мы договоримся, тогда и вручу им ключи.

– Желаю удачи, – кивнула я.

У лифта больше не пахло французскими духами, теперь тут изрядно воняло селедкой и жареной картошкой, очевидно, в квартире номер два, расположенной напротив, готовили ужин.

Я вернулась домой и обнаружила на столе записку, нацарапанную Кирюшей: «Мы ушли в кино. Собаки гуляли, колбОсы нет, ее украли Капа».

Наши псы, в принципе, хорошо воспитаны, особых проблем с ними не бывает, ну разве что Капитолина предпримет попытку спереть что-нибудь со стола, и, судя по сообщению мальчика, сегодня охота ей удалась. Я подчеркнула в слове «колбОса» орфографическую ошибку и приписала сверху: «Позор Митрофанам. КолбАса! Проверочное слово – колбАсы», отнесла бумажку в спальню Кирика, кое-как привела в порядок голову, узнала по телефону адрес магазина «Серджо» и спустилась во двор к машине.

Лавка, торгующая бриллиантами, сияла огнями. В витрине, естественно, стояла елка, вокруг нее «водили хоровод» зайцы, волк, лиса и совершенно неожиданные для российской действительности жираф со слонем. Ювелиры потратили немало денег на украшения. Зеленое деревце переливалось разноцветными лампочками, зайцы шевелили ушами, волк задирает и опускает голову, лиса приседала на задние лапы, жираф вертел головой, а слон вздымал хобот. Около витрины толпились зеваки, но охранник в темном пальто весьма благодушно взирал на людей, похоже, его самого забавлял «зоопарк».

Внутри магазина было полно покупателей, в преддверии главного праздника года народ запасался подарками, я тихо удивилась. Раньше перед Новым годом москвичи и гости столицы давились за майонезом, а теперь хватают бриллианты! Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.

Решив не привлекать к себе внимания, я встала у той витрины, где были выставлены не пользующиеся спросом серебряные подстаканники и столовые приборы.

– Вам что-то подсказать? – Из подсобного помещения тут же вынырнула дама лет пятидесяти. – Хотите приобрести кому-то подарок или себя решили порадовать?

Я внимательно осмотрела продавщицу. Волосы выкрашены под блондинку, лоб явно обколот ботоксом, в губы вкачали силикон, бюст, на котором висит бейджик «Вероника», тоже выглядит ненатурально, на шее слишком много тонального крема, на пальцах полно перстней, но самого дорогого для женщины, обручального кольца, нет.

– Планируете подарок? – томно улыбалась Вероника.

Я опустила глаза.

– Не совсем. Право, не знаю, с чего начать. Вы очень молодая женщина, думаю, не поймете меня.

Вероника кокетливо прищурилась.

– Юность прошла, мне уже тридцать восемь, – бойко соврала она, – я приобрела некоторый опыт.

– Думала, вы еще двадцатипятилетие не справили, – нагло польстила я юной пенсионерке.

Вероника приглушенно засмеялась.

– Увы! Мне тридцать четыре.

Да уж, похоже, у матроны начались проблемы с памятью, верный признак старческого склероза. Пару секунд назад она озвучила цифру «тридцать восемь», а сейчас сбавила еще четыре года. Впрочем, от плохой памяти есть польза, никогда не будешь мучиться бессонницей. Что нужно для безмятежного сна? Чистая совесть. А если ваша совесть молчит, следовательно, вы намертво забыли о некоторых своих проделках.

– Понимаете, у меня есть муж, – заговорщицки прошептала я.

Вероника попыталась вздернуть брови.

– Есть красивые мужские браслеты, перстни со знаками Зодиака.

– Нет, нет.

– Портсигары?

– Дело не в покупке, вернее в ней, но... ой, прямо и не знаю, как объяснить! – я старательно изображала смущение. – Совершенно случайно я узнала: мой муж был сегодня в вашем салоне, в первой половине дня. Он купил кольцо, называется оно «Сирена», золото с бриллиантом. Камень не очень крупный, но вполне достойный... вот только...

- Что? – потеряла терпение Вероника.
- Мне он уже дарил подобное украшение, – прошептала я, – месяц назад, на годовщину свадьбы.
- Понимаю, – сочувственно закивала дама.
- Очень хочется узнать, с кем он приходил! У меня есть подозрения, – ныла я, – может, продавщица

вспомнит?

Вероника поджала губы.

– У нас не приветствуются сплетни о посетителях. Но я вам сочувствую. Все мужики сволочи!

– Верно, – с жаром подхватила я.

– Исключений нет!

– Совершенно справедливо!

– Козлы!

– Уроды!

– Похотливые павианы!

– Гоблины, – припечатала я, – орки вонючие.

– Кто это? – изумилась Вероника, явно не читавшая книг Толкиена.

– Неважно, – отмахнулась я, – плохие люди! Впрочем, это не люди, но бог с ними!

Продавщица наклонилась над прилавком.

– Стойте тут, я сейчас вернусь!

Я покорно застыла у витрины и сделала вид, что поглощена изучением ужасных стопок, выполненных в виде диких животных. Больше всего меня впечатлила мартышка: стеклянная рюмка торчала у нее из спины, чтобы из нее выпить, следовало взять обезьяну за голову и поднести ко рту ее задницу. Очень оригинальное решение, интересно, нашелся ли уже человек, которому понравилось хлебать водку из попы примата?

– Пст, – раздалось сбоку, – пст!

Я повернула голову: у двери служебного входа стояла Вероника, она манила меня рукой.

– Идите во двор, – тихо сказала дама, – там, на детской площадке, Аллочка курит, она все вам расскажет.

– Спасибо, – обрадовалась я.

– Не за что, – подавила вздох Вероника, – женщины должны помогать друг другу, тогда эти сволочи-мужики притихнут. Вон Аллочка, красавица, а жених переметнулся к старой, но богатой. Она в наш магазин ходила, кольца скупала, а потом испарилась вместе с замом управляющего.

Вероника не обманула, на лавочке около песочницы сидела худенькая темноволосая девушка в яркосиней пуховой куртке.

– Великолепно помню этого мужика, – без всякого вступления заявила она, – странный такой.

Я сделала стойку.

– Что же необычного в нем вы заметили?

– Он долго не выбирал, – пояснила Аллочка, – обычно мужики хуже баб. Уж на что женщины придирчивые, да только парни совсем зануды. На мыло изойдут, пока не выяснят, что почем. Вот сейчас клиент был! Сорок минут цепочку выбирал! Весь мозг высосал: откуда золото, где его добыли, есть ли сертификат качества, а потом еще столько же времени коробочку щупал. Ну за фигом ему упаковку под лупой глядеть? Ваще! Заплатил четыре тысячи рублей, тут же домой позвонил и сообщил: «Дорогая, несмотря на твое не очень хорошее поведение, я приобрел тебе роскошный подарок! Цени мое отношение!» – Видели? Цепку за четыре тысячи он считает шикарным подношением! Ваш муж другой!

– Правда? – изобразила я изумление.

Аллочка чихнула, вытерла нос шерстяной варежкой и продолжила:

– Пришел около трех, во время затишья, подошел ко мне, ткнул пальцем в витрину и буркнул: «Это!»

Продавщица оценивающе оглядела покупателя и спросила:

– Размер знаете?

– Семнадцать, – последовал короткий ответ.

– Могу еще предложить изумруды, – стала обхаживать его Алла.

– Это! – перебил ее мужик. – Беру.

– Давайте расскажу о камне, – предложила Алла.

– Не надо! Сколько?

– Двести тысяч, – озвучила она цену.

– Выписывай.

Слегка удивленная краткостью беседы, Аллочка нацарапала чек, протянула неразговорчивому клиенту и попросила:

- Пройдите на кассу.
- Нет. Плачу здесь.
- Я не имею права брать деньги!
- Здесь.

Аллочка растерялась, потом приняла решение.

- Хорошо, сейчас позову кассира.
- Сама отнеси!
- Касса затребует ПИН-код к кредитке, – объяснила девушка.

Мужчина вытащил конверт.

- Плачу наличкой.

– Ладно, – сдалась Алла, – мы сделаем вам небольшую скидку, продадим кольцо за сто восемьдесят тысяч.

Дядька безропотно протянул пачку купюр, Алла внимательно пересчитала деньги и воскликнула:

- Тут пять тысяч лишних.
- Это на чай!
- Спасибо, – обрадовалась девушка, – сейчас принесу чек.

Когда покупатель, цедивший сквозь зубы отдельные слова, ушел с кольцом, Аллочку неожиданно охватило беспокойство. Она побежала к кассе и сказала своей коллеге:

- Ларка! Проверь купюры, которые я тебе принесла!
- Завсегда пяти тысячные свечу, – без всякого волнения ответила Лариса, – все в порядке.
- Но только один он был, – сказала мне Алла, – никаких баб рядом не было, если покупал любовнице

подарок, то рассчитывал сюрприз ей сделать.

- А как выглядел мужчина? – спросил я.
- Вы забыли внешность собственного мужа? – захихикала болтушка.
- Может, это вовсе не мой муж!
- Кольцо «Сирена» было в единственном экземпляре, не сомневайтесь! Ваш муженек прибежал!
- И все же попробуйте описать покупателя.

Алла встала со скамейки.

- Ростом выше меня...

Ценное замечание, если учесть, что симпатичная шатенка недотягивает до метра шестидесяти.

– Примерно сантиметров на двадцать, – продолжала Алла, – худой, волосы черные, до плеч, на макушке шапка вязаная. Еще борода!

- Борода? – в недоумении спросила я.
- И очки, для дали, – закончила описание Алла.
- Отчего вы решили, что стекла для близорукого человека?
- А он их снял и кольцо прямо к глазам поднес!
- Интересно, – прошептала я, – может, еще чего вспомните?

Аллочка поежилась.

- Похоже, он не ваш муж!

– Верно, но мне крайне важно узнать, что за человек приобрел «Сирену». Кстати, таких украшений много?

Аллочка нахмурилась.

- А почему я должна с вами трепаться?
- Вероника просила вас мне помочь!
- Вы ее обманули, – слабо возмутилась Аллочка. – Нику недавно жених бросил, теперь она жалеет всех, кого мужики бортанули.

Я вынула из сумки удостоверение и протянула продавщице.

- Ой! – подпрыгнула Алла. – Милиция! Ваще тогда ухажу!
- Посмотрите внимательно, там написано: частный детектив.
- Но вы баба! – растерянно заявила девушка.

– И что? Разве есть закон, запрещающий женщине делать карьеру сыщика? Кстати, в органах МВД полно представительниц нашего пола. Значит, если я не ношу форму, то нельзя вести расследование?

– Не обижайтесь, – улыбнулась Алла, – я попробую вам помочь. Но уже все сообщила, про волосы, бороду и очки.

- Иногда клиенты оставляют свой телефон.

– Верно, мы их о новой коллекции информируем, но это не тот случай.

- Родимые пятна, шрамы?
- Не заметила.
- Цвет глаз?
- Голубой. Или нет! Карий! Зеленый. Черт, не помню, – расстроилась Алла.
- Одежда? – продолжила я допрос.
- Черное пальто, похоже, кашемировое, шапочка, шарф, – перечислила продавщица, – все как у людей.
- А руки? Вы видели его пальцы!
- Нормальные! Маникюр он не делает, но ногти чистые.
- Может, машину заметили? – цеплялась я за последнюю надежду.

Аллочка вытащила из пачки новую сигарету.

– Он к метро пошел!

– Вы уверены?

Девушка кивнула.

– У нас окна огромные, отлично улицу видно, вход в подземку рядом. Я машинально вслед дядьке посмотрела, подумала, какой же должна быть баба у такого кента. А он сделал пару шагов, купил мороженое и скрылся в переходе.

– Мороженое? – оживилась я. – Какое?

– Без понятия, – ответила Алла, – там киоск стоит! Мужик брикет купил, потом чего-то они с лоточницей заспорили, он ее ларек ногой пнул, она выскочила, разоралась... Слов, конечно, не слышно, но по мимике было понятно: бабка бородатого совсем даже не хвалит!

Аллочка не обманула, у подземного перехода, над которым вздымался шест с буквой «М», притулился круглый вагончик. Я постучала пальцем в стекло, приоткрылось окошко.

– Чего? – гаркнули изнутри.

– Скажите, пожалуйста, – вежливо начала я.

– Справок не даю! – заорала лоточница. – Наприезжали тут, москвичам на хорошую работу не устроиться! Позанимали теплые места, а мы на улице мерзнем.

Чавк! Окошечко захлопнулось.

Человека, который все детство провел в музыкальной школе, нащипывая ненавистную арфу, отличает редкая терпеливость, я снова поскребла ногтем стекло, отделявшее меня от вредной бабки.

– Чего?

– Дайте мороженое.

– Какое?

– На ваш вкус.

– На мой вкус чаю горячего попить и спать лечь. Говори название, для тупых на ценнике написано!

– Вон то синенькое, с палочкой.

– Синенькое с палочкой, – передразнила вредная бабка, – тут все синенькие с палочками, читать умеешь, тундра?

– Я закончила консерваторию!

– Так разуи глаза!

Чавк! Окошечко закрылось. Я собрала остатки самообладания в кулак. Небось противная старуха придет домой и начнет жаловаться родным на крохотную выручку, с которой хозяин ей отстегивает процент. Неужели бабке не приходит в голову, что клиента надо обласкать? Если бы мне не требовалось узнать хоть какие-нибудь подробности о бородаче, я бы мигом ушла!

Ладно, почитаю названия и попытаюсь наладить контакт с гарпией. Ну-ка, ну-ка, как обозвали синенькое с палочкой. «Ежкины кашки»!

Я икнула! Однако смело для продукта питания. Хотя мороженое в основном потребляют молодые, вероятно, им понравится такая шутка. Лиза и Кирюша смотрят, например, по телевизору какой-то мультфильм со зверушками. Несчастные белочки и зайчики погибают в каждой серии мучительной смертью: одному отрывают голову, другого переезжает автобус, но никаких отрицательных эмоций ребята не испытывают. Они смеются до слез, а я, один раз поглядев мультяшку до конца, чуть не зарыдала от жалости к поросенку, которого съели в его собственный день рождения. И я бы ни за что не стала покупать лакомство «Ежкины кашки», но не исключаю бурного интереса к нему со стороны юного поколения.

Итак, дубль три. Мои пальцы побарабанили по окошку.

– Чего?

– Дайте «Ежкины кашки»! – потребовала я.

– Чего?

– «Ежкины кашки», – повторила я, – в вафлях!

– Чего?

– Мороженое! «Ежкины кашки».

– Обалдела? Мы г...м не торгуем! Ща милицию вызову! Ах ты, блин...!...!...! – заорала старуха.

И тут мое терпение со звоном лопнуло, я сунула бабуле в окошко удостоверение.

– Милиция уже тут!

– Чего хулиганишь? – сбавила тон старуха. – Делать нечего?

– Выйдите и прочитайте ценник, – потребовала я.

Скрипнула дверь, на улицу выползла огромная куча в валенках, платках и необъятной куртке.

– Ежкины кашки, – растерянно произнесла бабушка, – кто ж его так обозвал? Это новинка, только что произвели. Эй, ты слепая! Не «Ежкины кашки», а «Ерошкины букашки»! Надо аккуратно читать ценник. Ну и день сегодня! Два покупателя всего, но один псих, а вторая из ментовки!

– Вас кто-то обидел? – с сочувствием спросила я.

Старуха поправила платок.

– Привязался, идиот! Подай ему «Ленинградское» без варенья. Отпустила товар, взяла деньги, а этот долдон прямо на улице, в мороз жрать начал, кусанул, и ну в стекло долбиться:

– Поменяйте на нормальное!

Я ему прилично ответила: «Этот комбинат делает „Ленинградское“ только с наполнителем». Но разве дураку докажешь? Пнул ларек, швырнул мне мороженое назад, псих чертов, и ушел в метро. Надеюсь, он к Верке двинул.

– К Верке? – переспросила я, меня рассказ лоточницы поверг в ступор. – Это кто такая?

– Морда противная, – скривилась бабка, – внизу сидит, в переходе! Интриганка! Раньше я в том месте работала, народ из подземки прет и мороженое берет, даже зимой лакомятся, сожрут около газет и валят дальше. Там тепло – и людям, и мне не дуло. А здесь? На улице? Мало дураков найдется в декабре лед жрать! Вот и кукую целый день в тоске, вечера жду, в восемь не закрываюсь, потому что кое-кто после работы домой мороженое покупает. А все Верка, сплетни развела, начальству про меня наврала, вот и перевели сюда. А кого на сладкое местечко бросили? Верку! Вот дрянь!

Забыв сказать ворчливой старухе «спасибо», я устремилась к переходу. Слишком много совпадений для того, чтобы считать их случайностью. Духи «Шанель», розовый мишка, тень в коридоре, а теперь еще и «Ленинградское» мороженое без наполнителя! Сеня обожал его, он принадлежал к редкой породе мужчин, которая отвернется от бутерброда с бужениной, зато с охотой съест эскимо. Очень хорошо помню, как один раз мы семьями отправились погулять в парк. Сначала покатались на аттракционах, потом захотели есть и пошли к кафе. И дети, и мы с Машей устремились к шашлыку, а Семен купил себе два брикетика в шоколаде и стал учить нас правильному питанию.

– Экие вы небрезгливые, – бубнил Сеня, разворачивая бумажку, – откуда знаете, какой породы была собачка, из которой ваш обед приготовили?

– Прекрати, – возмутилась Маша, – не говори глупостей! Никто собачатину тут не готовит.

– Значит, кошатину, – не успокоился Сеня, – на мой взгляд, лучше мороженое съесть: вкусно и полезно, молоко и шоколад. Тьфу, черт бы их побрал! Новаторы!

Сеня вскочил и пошел назад к тетке, у которой только что приобрел свой обед.

– Папа совсем не Винни-Пух, – засмеялась Нина.

– Чем он недоволен? – удивилась я. – Вон как на торговку наезжает!

Маша закатила глаза:

– Умереть не встать! Теперь во все мороженое наполнители кладут: варенье, орешки, мед, карамель, а Сеняка джем ненавидит, ему нужен пломбир, в, так сказать, чистом виде, только шоколадная глазурь, и все. Покупает по привычке свое обожаемое «Ленинградское», кусанет и злится: опять повидла туда напихали, и ну ругаться, требует без добавок, но нынче это редкость.

Понимаете, отчего я разволновалась, все складывается в единую картину, похоже, кольцо и мишку принес «умерший» Сеня!

Добежав до крохотного магазинчика в переходе, я окликнула продавщицу:

– Вера!

– Ась? – обернулась круглощекая женщина лет сорока. – Здравсти. Вам какое?

– К вам не подходил мужчина в шапке и черном пальто? – запыхавшись, спросила я.

– Нет, только две девчонки, – охотно пояснила продавщица, – вон они, у газет стаканчики грызут.

Нашим детям никакой мороз не помеха!

– Покупатель был днем, около трех! – уточнила я время.

Вера прищурилась.

– А зачем он вам?

– За мужем слежу, – быстро ответила я, – наврал про командировку, а сам по Москве шастает!

– В шапке и черном пальто? – уточнила торговка.

– Да, да, да, – закивала я.

– Вокруг оглянись, все такие, – хмыкнула Вера.

Я присмотрелась к толпе, женщина права, из десяти парней четверо в темном, и подавляющее большинство в вязаных шапочках.

– Мой муж с бородой и длинными волосами, – я решила не сдаваться, – еще он мог капризничать, требовать «Ленинградское» без варенья.

– Слушай, – заулыбалась Вера, – был такой! Припер в середине дня, я на секунду в туалет отлучилась, записку оставила «технический перерыв», возвращаюсь – стоит чудо и злится. Не успел меня увидеть, зашипел:

– Рабочий день в разгаре, куда вы ушли?

Ну и так далее. Я свариться не стала, вежливо спрашиваю:

– Вам какое?

А этот, ёклмн, отвечает:

– «Ленинградское», но чтоб без обману! Давай нормальное, с джемом не суй и с арахисом не надо. Если обманешь, я тебе его верну.

Что такому ответить? Протянула ему пломбир, он его хват, и разворачивать, а деньги-то?

Я, затаив дыхание, слушала Веру.

Увидав, что скандальный дядька намеревается откусить от брикета, Вера возмутилась:

– Сначала заплатите!

– Нет уж, – отрезал он, – я только что одно купил и выбросил. Вот пойму, что варенья в нем нет, и отдам деньги.

– Убедился? – скривилась Вера, глядя на ополовиненный брикетик. – Или до конца сожрать решил? Ща мента кликну!

Покупатель швырнул на прилавок пятитысячную купюру.

– Вот!

– Охренел! – подпрыгнула Вера. – У меня столько в кассе нет.

– Разменяй!

– И где?

– Твоя печаль, – усмехнулся мужчина, – да поторопись, мне недосуг тут торчать, я спешу.

Пришлось Вере закрывать точку и бежать к цветам.

– Если это твой муж, – завершила она рассказ, – то сочувствую! Противный очень. И какими-то бабкиными духами облился.

– Бабкиными духами, – тихо повторила я.

– Да, – кивнула Вера, – у мамы моего отца похожие были, забыла, как назывались, она мне флаконы пустые поиграть отдавала, в виде кремлевской башни.

– «Красная Москва», – сказала я.

– Точно, – кивнула продавщица.

Не хочу обидеть тех, кто создал эти духи, но их аромат точь-в-точь повторяет запах «Шанель № 5». Очень хорошо помню, как моя мама, певица, покупала эти флаконы и дарила своим коллегам из разных стран, приезжавшим в СССР на гастроли. Дамы, получив презент, были приятно изумлены:

– Это «Шанель», – восклицали некоторые.

– Нет, «Красная Москва», – улыбалась мама.

В советские годы иностранцы увозили в качестве сувениров из страны победившего социализма баночки черной икры, конфеты «Трюфели», крем для лица «Люкс» и эти самые, многократно упомянутые мною духи.

– А куда потом пошел мужчина? – поинтересовалась я.

– В метро, – пожал плечами Вера.

Я притихла. Можно, конечно, порасспрашивать дежурную около турникетов, но каков шанс, что она вспомнит мужчину в черном пальто, который прошел мимо нее несколько часов назад? Но даже если она обладает цепкой памятью, что с того? Миновав автоматы, «дух Сени» сел в поезд и исчез в тоннеле. Лучший способ затеряться – это воспользоваться столичной подземкой. И что теперь делать?

Громко вздыхая, я поднялась на улицу, села в машину и поехала домой. Почему Нина мне соврала? По

какой причине сказала, что мишку ей подарил поклонник? Хотя... Может, я ошибаюсь? Вполне возможно, что девушка нашла себе кавалера с бородой и длинными темными волосами. Он купил ей розового мишку и кольцо. Ничего особенного. А запах «Шанель»? Вероятно, жених Нины тоже обожает этот парфюм. А пломбир без варенья? И здесь привычки незнакомца совпали с привычками покойного Сени. Наверное, Нина права, у меня развилась маниакальная подозрительность, профессиональная болезнь детектива! Надо прекратить бесплодные поиски и ехать домой. Завтра Новый год, у меня полно дел: холодец не сварен, овощи на салат не приготовлены, а в отсутствие горячей воды...

Внезапно перед моими глазами возникло побледневшее лицо Маши, а в ушах зазвучал ее прерывающийся голос:

– Ой, Лампуша, я бы полжизни отдала, чтобы хоть одним глазком снова увидеть Сеню!

Я потрясла головой. Маша уверена в смерти супруга, а вот Нина явно что-то скрывает! Я вытащила из сумки мобильный: лучший способ получить ответ – это задать вопрос. Сейчас договорюсь с дочерью Сени о встрече, пусть познакомит меня со своим бородатым длинноволосым женихом, любителем мороженого без варенья, вот тогда я успокоюсь! Вдохну исходящий от мужика запах «Шанель № 5» и пойму: самые сложные загадки, как правило, имеют простые отгадки. Это просто цепь совпадений.

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – ответил приветливый женский голос.

Я повторила попытку и снова услышала мелодичное сопрано. Нина и Маша собирались уезжать в новый дом, скорей всего, там плохо работает мобильная связь. У нас в Мопсине на участке есть такие «дыры» – если хочешь воспользоваться сотовым, нельзя стоять на веранде. И вот интересно! Мой телефон не «ловит» в саду, а Лизин расчудесно там работает, зато он глючит в гостиной.

Я набрала номер Маши и тут же услышала:

– Алло!

– Это Лампа, – весело сказала я, – сделай одолжение, позови Нину.

– Ее срочно на работу вызвали, – грустно ответила Маша, – кто-то заболел.

– Вот не повезло, – пробормотала я.

– И не говори, – отозвалась Маша, – еду к Лесниковым, буду справлять Новый год с ними. Дома одной тоска!

– Я думала, ты уже за городом, – протянула я.

– Не успела уехать, – пояснила Маша, – только ты ушла, Нинке и звякнули.

– Ты сейчас где?

– На Кутузовском, сказала же, еду к Лесниковым, они в Одинцове живут. Таксисты совсем озверели, тройной тариф берут, – возмущалась Маша.

– А как же съемщики? – тихо спросила я.

– Кто? – удивилась Маша.

– Нина сказала, что вы сегодня ждете людей, которым намерены сдать квартиру.

– Нет, – засмеялась Маня, – ты что-то напутала. Мы только вчера обратились в агентство, и нам обещали подобрать первые кандидатуры в начале января. Понимаешь, хотим поселить семейную пару москвичей, без животных, с ребенком лет пяти-семи. На мой взгляд, это самый лучший вариант. Собака всю мебель изгадит, и вонять от нее будет!

– Псы не пахнут, – встала я на защиту домашних любимцев.

– Ты просто принохалась, – захихикала Маша, – твои мопсы натуральные скунсы. А уж Рамик! Тот вообще помойка!

Мне стало обидно. Маша говорит неправду! Муля, Феня, Капа и Ада чистенькие, как младенцы, я ежедневно два раза мою им лапы, на ночь собаки обязательно идут в ванную, уши и носы им чистят еженедельно. Рамик и Рейчел тоже крайне аккуратные, у них есть шампуни, кондиционеры для шерсти. А еще, не считите, конечно, меня сумасшедшей, но пару раз в неделю я чищу собакам зубы. Сейчас в магазинах продаются специальные щетки для разных собак и паста со вкусом говядины. Один раз Вовка Костин перепутал тюбики и воспользовался средством для мопсов.

– Ничего, – сказал майор, – такое ощущение, что съел котлету!..

– Понимаю, тебе тяжело, – вздыхала Маша, – Катька взвалила на тебя все хозяйство, повесила детей, и еще собаки придурочные. Мопсы такие страшные! Морды как у старых обезьян! И они редкостные дуры! Ну согласись, от собак одна докука! Давно пора запретить держать их в Москве! Гадят на улицах, людей кусают!

Я онемела и в первую минуту хотела швырнуть трубку и забыть навсегда про Комарову. Похоже, нашей дружбе пришел конец. Я спокойно отношусь к критике, направленной в мой адрес. Маша без всяких

негативных последствий для наших отношений могла шутить на тему размера моего бюста и слишком большой ноги. Меня не смутят намеки на отсутствие красивых локонов, даже нелестная оценка моих умственных способностей не заденет за живое. Можете обзывать меня горе-хозяйкой, плохой воспитательницей и неудавшейся дочерью Шерлока Холмса, обидеть меня вам не удастся. Я великолепно знаю о своих недостатках и реально оцениваю достоинства. Но мопсы! Человек, посмеявшийся сказать о собаках гадость, навсегда заносится в список моих кровных врагов! Муля потрясающе умна! Капа умеет танцевать под музыку! Феня решает интегральные уравнения! Ада легко споет арию Аиды! Рамик сочиняет поэмы! Рейчел играет на арфе! И вовсе они не вонючие! И не грязные! И не тупые!

Волна негодования охватила меня, сейчас скажу Комаровой все, что про нее думаю, и отправлюсь домой. Лампа, ты дура! Решила помочь соседке, вбила себе в голову, что Сеня жив, надумала его отыскать! Вот уж глупость! Тело Семена давно кремировано, его прах в колумбарии и...

– Эй, Лампа, – окликнула меня Маша, – чего замолчала?

Злость внезапно ушла. Подругам нужно прощать их ошибки. Никогда ранее Комарова не говорила глупостей про собак, наоборот, она нахваливала мопсов, а заглядывая к нам, всегда приносила псам ржаные сухарики. Наверное, у Маши сдали нервы, в Новый год всегда остро ощущаешь отсутствие любимого человека, а вдове предстоит пить шампанское с Лесниковыми. Спору нет, и Петя и Аня очень приятные люди, но они Машке не близкие родственники. Кстати, из родных у нее осталась одна Нина, и та сейчас летит в какой-нибудь Пекин.

– Все в порядке, – стараясь успокоиться, ответила я, – удачно тебе встретить Новый год.

– И тебе того же, – неожиданно сердито ответила Маня, – и вымой собак! Хоть раз в двенадцать месяцев это нужно делать!

Трубка запищала, а меня неожиданно охватила жалость. Бедная Маша, видно, ей очень несладко, раз она кидается на близкую приятельницу. Создается впечатление, что она решила непременно меня обидеть. Но я-то понимаю, Комарова страдает без любимого мужа, и мой долг разобраться в странном происшествии.

Я нажала на педаль газа. За сегодняшний день Нина соврала мне несколько раз. Сначала назвала содержимое бархатной коробочки «пустяком». Она не знала, что лежит внутри? Или хотела скрыть от меня бриллиантовое кольцо? Скорее первое, потому что на чеке, приложенном к «Сирене», было указано время покупки. В магазине бородатый мужчина был в 12.30, а, по словам Маши, они с дочерью уехали в новый дом вчера.

Я повернула руль и поехала по узкой улочке, о которой известно только местным жителям. Отчего Нина солгала про жильцов, которые вот-вот явятся смотреть квартиру? Ответ прост: она хотела отобрать у меня ключи. Почему? Нина боялась, что излишне внимательная и любопытная госпожа Романова вновь войдет в отсутствие хозяев в квартиру и найдет там... Что? Нина явно испугалась. Чего?

Припарковав автомобиль у супермаркета, я пошла домой пешком, прошмыгнула в подъезд и приблизилась к двери Комаровых.

Все плохое в конце концов кончается хорошо. Мне не нравится грязный лифт и сломанный кодовый замок, но отсутствие любопытной консьержки позволит сейчас беспрепятственно попасть в чужие владения. Сиди за столом Марья Андреевна, этот трюк мне бы не удался! Старушка обожала следить за людьми, задавала слишком много вопросов и вообще была любопытна без меры. Ее сменщица, Софья Петровна, тоже не отличалась излишней скромностью, а у третьей консьержки, Ксении Львовны, похоже, была дополнительная пара ушей и лишний глаз на затылке.

Как отпереть дверь без ключа? Я открыла сумку, порылась в маленьком кармашке, вытащила оттуда изогнутую железку и осторожно вставила ее в замочную скважину. Увы, частному детективу приходится нарушать закон. Кстати, замок у Комаровых проще простого, его легко отворить при помощи скрепки. Люди порой ведут себя странно, ставят железные двери и оснащают их весьма примитивными запорами.

Дверь открылась, я проскользнула внутрь. Так, мой совет человеку, который зимой надумал тайком влезть в чужую квартиру: не снимать ни верхней одежды, ни обуви. Если хозяин внезапно вернется, будет крохотный шанс остаться незамеченным. Можно выскользнуть на балкон и не замерзнуть. А чужая куртка на вешалке сразу насторожит владельца квартиры.

Тщательно вытерев сапожки о коврик, я пошла в спальню к Нине. Почему туда? Если девушка что-то прячет, оно лежит у нее в комнате! Но какой же тут бардак!

На кровати, которую прикрывало свисающее до пола покрывало, валялась куча тряпья. Я поворошила вещи, вроде ничего особенного, кроме одного: не очень обеспеченная Нина носила весьма дорогое белье и не ограничивала себя в покупке шмоток. Одних скомканных водолазок тут было штук десять. Джинсы, кашемировые пуловеры, свитера из ангоры, шелковые блузки. Гардероб стюардессы стоил целое состояние. Хотя Комарова служит на зарубежных авиалиниях, она, вероятно, привозит вещи из других, более дешевых,

чем Москва, городов. И косметика у нее элитная, и сумок штук десять. Я не могу позволить себе купить пафосные ридикюли, но великолепно знаю, что вон тот мешок из кожи стоит около трех тысяч долларов. В нашей семье есть Лизавета, страстная любительница гламурных изданий. Примерно раз в два дня она вбегает в мою спальню и шепчет:

– Лампа! Посмотри! Какая прелесть! Сумка! Мечта!

Я молча киваю, а Лиза начинает шмыгать носом.

– Офигенных денег стоит! Если каждый день по сто рублей откладывать, то за год не собрать!

Поплакав о своей тяжелой доле, девочка уходит, а я остаюсь в глубочайшем недоумении: ну почему кожгалантерейное изделие продают за нереальные деньги? А вот Нина приобрела себе разрекламированные ридикюли. Она читает те же издания, что и Лиза, вон на подоконнике гора из журналов «Вог», «Офисель» и «Базар». Ну почему я раньше не обращала внимания на роскошную одежду Нины?

Я села на пуфик у тумбочки и уставилась на мелочи, в беспорядке лежащие на прикроватном столике. Прежде, года два назад, Нина ходила как все, шикарные шмотки у нее появились недавно! А как обстоит дело с драгоценностями?

Мои руки потянулись к небольшому секретеру, и тут из коридора раздался стук двери. Я обмерла, вскочила и поняла: балкона в спальне Нины нет. Человек, вошедший в квартиру, начал шуршать в прихожей, послышался скрип, вздох. Мне оставался лишь один выход...

Вы пробовали когда-нибудь залезть под не очень высокую кровать, имея на плечах теплую куртку, а на ногах уютные сапожки? Поверьте, это крайне неудобно! Сначала я попыталась протиснуться под ложе в одежде, потом догадалась стянуть с себя пуховик, швырнуть его в темное пространство и проскользнула следом. Прodelать это мне удалось вовремя, не успела я спрятать ноги за покрывалом, как в спальню кто-то вошел.

Я прижалась к полу и постаралась дышать через раз. Любопытство раздирало меня, кто на сей раз влез в квартиру? Явно не хозяева! Маша едет к Лесниковым, а Нину вызвали на работу. Сейчас осторожноенько приподниму край покрывала и попытаюсь рассмотреть, кто это!

Резкий телефонный звонок заставил меня вздрогнуть, я похолодела. Кто-то решил поболтать со мной, ныряя под кровать, я совсем забыла про сотовый.

– Да, – звонко сказал знакомый голос.

Невидимые пальцы, сжимавшие мое горло, ослабили хватку, изловчившись, я выудила из кармана валявшейся рядом куртки мобильник и живо отрубил его от сети.

– Я пока дома, – воскликнуло soprano, и я сообразила: в спальне находится Нина.

Девушка оказалась профессиональной вруней, она солгала матери про вызов на работу, а сама вернулась домой.

– Ладно, – говорила тем временем Нина, – но больше не делай глупостей. Подарки мне ни к чему! Сама решу, что себе купить!

Повисла тишина, я лежала тише мыши, которая знает, что с той стороны норки сидит тощая, голодная, опасная кошка.

– Понимаю, – продолжала Нина, – идет. В семь. На «Пушкинской»! У первого вагона от «Сокола». Йес. Надеюсь, Федора не будет? Твой Рябикин еще тот жук! А получится? Да нет, она поверила! Стопудово! Не волнуйся! Ой, папа, прекрати! Я дома совершенно одна! Этот мобильный только для тебя! А твоя любовь делать сюрпризы чуть не навлекла на нас беду! Расскажу сегодня! Пожалуйста, успокойся! Мама думает – меня вызвали на работу, она поехала на Новый год к приятелям. Нет, погоди, вторая мобила трещит. Сейчас!

Я покрылась липким потом. Папа! Таким образом Нина может обращаться лишь к одному человеку! Следовательно, Сеня жив?! Он не погиб в автокатастрофе?!

– Алло, – бодрым голосом произнесла Нина, – мамуся! Это ты? Приветик! Я? В Шереметьево! Скоро вылетаем! Вот не повезло! Встречу Новый год не с тобой. Ну-ну, не расстраивайся. Передай привет друзьям, ага, спасибо. Что тебе привезти из Японии? Ха-ха! Непременно! Живую? Шучу-шучу, статуэтку денежной кошки. Фарфоровую киску с поднятой лапой! Поняла! Не сомневайся. Да, мама, нам лететь не один час, сотовый отрубится, как сядем, эсэмэсну. Чмок-чмок, ты лучшая мама на свете.

На долю секунды стало тихо, потом Нина произнесла:

– Это мать, она доехала до места. Они с Лесниковыми идут елку во дворе наряжать. О Господи! Хорошо, принесу с собой! Не волнуйся. Да помню я! Папа! Мне не пять лет, и я записала адрес! Пожалуйста, не кричи, я не дура, координаты на самом виду! Говорю же, не идиотка, если что-то не прятать, оно внимания не привлечет. Я записала адрес в календаре, который висит на кухне, там полно записей, я его зашифровала. Но мы же встретимся в семь на «Пушкинской». О'кей. Меня ждет сюрприз? Супер. Чао!

Вновь воцарилось молчание, затем послышалось фальшивое пение. Нина явно куда-то собиралась, скрипели дверцы шкафа, потом на матрас над моей головой грохнули нечто тяжелое, деревянная решетка прогнулась, а я испугалась и постаралась сильнее вжаться в пол. Господи, сделай так, чтобы Нина не заглянула под кровать! Хотя зачем ей это делать? Здесь ничего, кроме клубов пыли, нет!

Время ползло черепашим шагом, у меня заболело все тело, в горле першило. Это только кажется, что на полу удобно, совсем даже нет! Паркет жесткий, воздух под кроватью отсутствует!

Наконец я услышала стук входной двери, высунулась из-под покрывала, сделала несколько судорожных вдохов и поняла, что ощущает любовник, когда законный муж, не найдя его в шкафу, уходит прочь.

Еле живая от пережитого, я, сопя, выбралась наружу и посмотрела на часы: шесть. Времени, чтобы добраться до станции «Пушкинская», вполне хватит. Естественно, я поеду на метро, вот только нужно слегка изменить внешность. А еще Нина говорила об адресе, который записан на календаре!

Страхнув оцепенение, я ринулась на кухню. Большинство хозяек, прикрепив на стене плакат с изображением умильных котят или щенят, используют его в качестве блокнота для записей. У нас, например, календарь покрыт телефонными номерами, и у Комаровых та же картина. Вот только у меня нет лишнего часа, чтобы досконально изучить все заметки, поэтому воспользуемся плодами научно-технического прогресса. Я вынула мобильный, сделала несколько снимков, потом почему-то на цыпочках пробежала по коридору, выскользнула на лестницу и, тщательно закрыв при помощи отмычки квартиру, вошла в лифт – надо забежать домой.

...Без десяти семь я заняла наблюдательную позицию на платформе. Если хотите остаться незамеченной, лучшего места, чем шумная станция метро, и не сыскать. Толпы пассажиров, несущихся в сторону двух пересадок, нескончаемый поток людей, который спускается из центра Москвы в подземку, орда торговцев и бомжей. Последним запрещено находиться в метро, но разве дежурные могут остановить пусть даже и плохо одетого, однако трезвого человека, который честно оплатил билет? А еще неизвестными путями на станцию проникают бродячие собаки и прилетают птицы. Зная про ад, который наступает на «Пушкинской» около шести вечера и продолжается вплоть до начала программы «Время», я все же решила закамуфлироваться. Сейчас на мне серая куртка и мешковатые брюки Кирюши. Светлые волосы я спрятала под простую черную бейсболку и, естественно, не взяла сумочку. Мобильный, кошелек и другие мелочи поместились в карманах.

А вот Нина не стала маскироваться, правда, она накинула на голову серый шарф, и в своем черном пальто могла легко раствориться в толпе. Младшая Комарова сидела на скамейке напротив места, где тормозил первый вагон. Экспрессы сменяли друг друга с бешеной скоростью, людское море колыхалось на платформе, я чихнула, на секунду потеряла Нину из виду, вытащила носовой платок, снова чихнула, глянула на скамейку и остолбенела: Нина ушла. Проклиная хорошие манеры – нет бы вытереть нос кулаком, тогда бы не упустила девушку, – я сделала пару шагов вперед, увидела, как из тоннеля выскакивает очередной поезд, ощутила на лице дуновение ветра от пролетающего состава и услышала пронзительный вопль:

– Убили!

Толпа колыхнулась, я невольно стала двигаться вместе с ней. Над платформой загремели крики:

– Помогите!

– Сюда!

– Вызовите милицию!

– «Скорую помощь» быстрее!

– Отойдите от края платформы, – загремело радио, – по техническим причинам поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны.

– Что случилось? – спросила я у высокого мужчины в синем.

– Бомж под колеса угодил, – сердито ответил тот, – нажрут и лезут в тепло. Из-за дурака теперь домой не попасть.

Я растерянно оглядывала толпу, ища Нину. Куда там! Большая половина женщин вырядилась в черное, а серый – самый модный цвет нынешнего сезона, поэтому прекрасная часть человечества накупила шарфов и шалей цвета упитанной мыши, куда ни посмотри, увидишь одно и то же: фигуры в одежде депрессивных тонов.

– Посторонитесь, – заорали слева, и меня толкнули в спину.

Я шарахнулась к стене, мимо с каменным выражением на хмурых лицах прошли два мента и три мужика в синих куртках с надписью «Скорая помощь». Мне стало жарко.

– Вытащили! – завизжал детский голосок. – Ой, мама, какой бородач!

Энергично орудуя локтями, я растолкала сограждан и протиснулась к месту, где столпились милиционеры.

– Туда нельзя, гражданочка, – сурово сказал один.

Я сделала умоляющие глаза и вдруг увидела на скамейке одиноко стоящую сумку из последней коллекции Ив Сен Лорана. Нина сбежала из подземки, забыв ее.

– Там моя торбочка, – залепетала я.

– Где? – насупился мент.

– На лавочке оставила, – заблеяла я, – испугалась, убежала, а вещь забыла.

– Коля! – крикнул сержант.

Милиционер, стоявший чуть впереди, повернулся.

– Что?

– Эта говорит: там ее поклажа.

– Пусть подойдет, – милостиво разрешил парень.

Сержант посторонился, я сделала пару шагов.

– Блин, – произнес мужик в синей куртке, – ребята, гляньте, борода накладная и парик! Хитрый бомж! Еще не старь, а под инвалида косил.

– И воняет от него духами, – подхватил другой санитар, – нашел чем облиться!

Я подошла к медикам, в нос ударил запах «Шанель», на платформе лежало тело, странным образом оно почти не пострадало, во всяком случае, узнать лицо мне не составило труда. Передо мной был... умерший полтора года назад Сеян.

– Семен! – ахнула я.

– Вы его знаете? – заинтересовался милиционер.

Я кивнула.

– Это Семен Комаров, мой сосед по дому, но он...

Язык прилип к небу. Интересно, как отреагирует молоденький лейтенант, если я закончу фразу: «Он давно погиб в автокатастрофе». Меня сразу отправят в психушку или сначала обвинят в неуважении к сотруднику МВД?

– У него документы с собой, – объявил санитар, – вот, паспорт. Мужик не бомж, чистый, просто одет плохо. Никитин Сергей Михайлович, проживает по Лесной улице, дом 10, корпус двенадцать.

– Вы ошиблись, гражданочка, – вздохнул лейтенант, – ступайте домой, ваш сосед небось чай с зефиром пьет.

– Ага, – кивнула я, – да, верно! Обозналась! Можно сумочку забрать?

– Клеенчатую? – уточнил милиционер, указывая на аксессуар из лаковой кожи от Ив Сен Лорана. – Конечно, и утопывайте по-быстрому. Во народ! Везде им нос сунуть надо! Повсюду им приятели мерещатся.

Я вылезла из толпы, поднялась наверх, вышла на улицу и села в троллейбус.

Дверь в квартиру на Лесной улице оказалась заперта, но меня это не остановило. Я опять пустила в ход скрепку. Сжимая дорожную сумку, я очень тихо вошла в комнату, чиркнула выключателем, увидела стройную фигурку у гардероба и сказала:

– Ну привет!

– Лампа! – отшатнулась Нина. – Ты? Что? Как? Зачем?

– Я принесла сумку, которую ты оставила на станции «Пушкинская», – ответила я.

– Меня там не было! – солгала Нина.

– Ага! Сейчас ты летишь в Японию, разносишь соки пассажирам, – скривилась я. – За что ты убила Семена?

– С ума сошла! – подпрыгнула Нина. – Он сам упал.

– Интересно, – процедила я, – а ну, отойди от шкафа!

– Да пошла ты, – схватила девушка, но я уже успела дернуть дверцу, увидела на полке коробку из-под обуви, схватила ее и подняла крышку. Внутри лежали толстые пачки денег.

– Вот и причина, – удовлетворенно сказала я. – Сколько тут миллионов? Купюры по пятьсот, в каждой бандерольке их сто штук, значит, пятьдесят тысяч в пачке. Мда, неплохо!

– Все не так, как ты думаешь, – глухо проговорила Нина и села на софу, – я папу не трогала.

– Готова выслушать любые сказки, – кивнула я, – начинай!

Полтора года назад Семена хоронили в закрытом гробу. Всеми ритуальными процедурами занимался лучший приятель Комарова, реаниматолог Федор Рябкин. Когда Маша захотела открыть гроб, Федя

остановил вдову.

– Не делай этого, – сказал он, – и тебе, и дочери лучше не видеть останки.

Женщины послушались доброго приятеля, они долго оплакивали Сеню и стали жить без него. Было очень трудно. Маша зарабатывает мало, Нина получает чуть больше. Спустя четыре месяца после похорон Федор позвонил Нине и попросил:

– Приезжай в кафе «Лучик».

Девушка прибыла на свидание, и Рябикин сообщил ей потрясающую новость: ее отец жив.

– Сеня по своей журналистской настырности влез в одно дело, – пояснил Федор, – речь идет об ограблении банка. Преступники выкрали банкноты, которые перевозили для сжигания, у криминальных элементов оказалась огромная сумма.

– А при чем тут папа? – прошептала ошарашенная Нина.

– Он следил за бандитами, прикинулся одним из них, собирался написать очерк-бомбу, – пояснил Рябикин. – Мало того, что стал свидетелем ограбления, так еще и сам отхватил немало лавэ. А потом прокололся, его раскусили, но Сене удалось сбежать. Ясный перец, главному авторитету не хочется видеть живым какого-то журналюгу, легко обставившего его, вот Семен и «умер». Я ему помог, оформил под его именем труп бродяги, его вы и кремировали.

– Мама с ума сойдет! – вздрогнула Нина.

– Ей ничего знать не следует, – вздохнул Федя.

– Где папа? Почему он тебя прислал? – занервничала Нина, а потом разозлилась. – Я рада, что отец имеет много денег, но мы почти голодаем!

– Спокойствие! – ответил Рябикин. – Если у вас появятся большие суммы, это может вызвать подозрение у бандитов.

– И что теперь?

– Ждать!

– Долго?

– Ну... года два, три.

– Супер, – вздохнула Нина, – спасибо папе.

– Не нервничай, – остановил девушку врач, – у меня идея. Есть фирма, задумавшая себе шикарную рекламу. Она будет проводить лотерею, Маша купит билет и выиграет машину стоимостью в миллион евро, вот тогда не возникнет никаких вопросов, откуда у вас бабки.

– И кто матери миллиончик отсыплет? – засмеялась Нина. – Твоя фирма? Она и в самом деле расстанется с авто? Местные начальники очень добры!

– Нет, они дают десять тысяч актрисе, которая будет изображать победительницу. Я на эту роль предложил Машу, только твоя мать и в самом деле будет считать, что она отхватила приз. Маша не очень умна, я скажу, что сам займусь оформлением бумаг на выигрыш, она, наивная, поверит, – изложил свой план Федя.

– И спектакль удался! – хмыкнула я. – Все, включая и меня, были убеждены в улыбке Фортуны! Маша купила дом. А откуда у тебя шикарные шмотки?

– Папа давал на расходы, – кисло призналась Нина, – мы с ним встречались каждый раз в новом месте, прямо как шпионы! Он жил по чужому паспорту, я здесь, правда, ни разу не была, но адрес у меня записан.

– На календаре в кухне, – перебила я, – химчистка, прачечная, фитнес-клуб! Ну кто обратит внимание на название улицы и номер дома среди прочей информации. Однако ты рисковала.

– Я зашифровала адрес!

– Замечательно.

– Я умная!

– Согласна.

– А папа дурак! Он очень скучал, велел мне купить второй мобильный, все время по нему звонил! По маме тосковал!

– Почему же он Маше не открылся? Можно было бы вместе уехать!

– Мама дура! – зашипела Нина. – У нее ничего на языке не держится! Мигом бы и тебе растрепала, и другим подружкам. Бандиты могли на папу выйти! У нас был другой план!

– И какой же? – спросила я.

– Ждем до весны, потом мы с мамой уезжаем в деревню, там тонем на лодке в реке и...

– Можешь не продолжать, – кивнула я, – честно говоря, я думала, что отца с платформы столкнула ты.

– Нет, – заплакала Нина, – я же его любила! А он! Ой, вот идиот, пришел домой тайком тридцатого декабря, принес мишку с кольцом! В прошлом году то же самое проделал, и ему с рук сошло, а в этом...

Наверное, за ним бандиты следили! Вычислили! С платформы спихнули! Убили!

– Версия про киллера кажется мне неубедительной, – скривилась я.

– Почему? – вскинула голову Нина.

– Если на след Семена вышли преступники, то они, зная, где и под чьим именем живет журналист, должны были забрать деньги, а купюры мирно лежат в коробке и...

Тихий скрип заставил меня замолчать.

– Кто это? – прошептала Нина, серея от ужаса.

– Тот, кто убил Сеню, – тихо ответила я, быстро гася свет, – наверное, приятель твоего папы Федор, больше просто некому! Или все же бандиты! Скорей, прячемся!

Я сунула коробку в шкаф, мы шмыгнули за занавеску, я чуть-чуть раздвинула щель и одним глазом стала смотреть. Господи, сделай так, чтобы это был реаниматолог Рябикин, а не парочка хладнокровных киллеров!

Вспыхнул свет, на секунду я зажмурилась.

– Мама! – заорала Нина, вылетая из-за шторы.

Маша, успевшая открыть шкаф, уронила коробку, пачки евро разлетелись по грязному полу.

– Доченька! Ты же летишь в Японию, – промямлила она.

– А ты наряжаешь елку вместе с приятелями, – не осталась в долгу Нина.

Я вышла из укрытия, Маша сдвинула брови, но ничего не сказала.

– Ты все знала, – медленно приходила в себя Нина, – но как?

– Догадалась, – пожала плечами Маша, – нетрудно было! Ты все время секретничала по телефону, купила второй мобильный, прятала его от меня! Сначала я решила, что ты завела любовника, нельзя же было пустить дело на самотек, я проследила за тобой и поняла: Сеня жив.

– Ты замечательная актриса, – вздохнула я, – так трогательно просила меня о помощи!

Маша улыbnулась.

– Я слегка перестаралась, не ожидала, что ты кинешься в бой, хотела тебя остановить, наговорила гадостей про собак и решила, что уж теперь Лампа обидится и прекратит совать везде свой длинный нос. Да уж, не вовремя тебе фен понадобился, надо же было припереться, когда Сенька этого мишку приволок! Идиот! Он нас подставить мог! Всех бы убили! Но теперь деньги наши! Можно не бояться бандитов, они хотели только Семена пристукнуть. Я с Ниной ни при чем!

– Мама, ты толкнула папу, – шептала Нина.

– Вот еще! Он сам упал, – заявила Маша, – и вообще, о чем речь? Что с Семеном? Он давно умер! Я ничего не знаю!

Нина закрыла лицо руками.

Я вынула свой мобильный и открыла фото календаря.

– Понятно. Вот запись – Степная улица, дом тысяча. Хорош шифр. Степная – Лесная, и такого количества домов на ней нет. Понятно, что нужен десятый.

Маша заулыбалась.

– Конечно, я не такая уж дура! Ниночек! Мы богаты! А папа... он же умер полтора года назад. Есть ниша в колумбарии. Прах Семена там!

– Мама, он же так тебя любил, – стенала Нина, – оберегал, охранял...

– А я обожаю собственного ребенка, – заявила Маша, – и, когда Лампа увидела этого треклятого мишку, я сразу поняла: Семен – кретин с романтическими порывами, он нас под монастырь подведет. Попыталась умерить подозрения Лампы, спела про свою тоску и одиночество, а потом, когда Нинка пошла в туалет, я полезла в ее сумку, взяла второй мобильный, выяснила номер Сени и через некоторое время с ним соединилась, мы договорились встретиться в семь на «Пушкинской»!

– То-то папа сказал, что меня ждет сюрприз, – ахнула Нина.

Маша коротко засмеялась.

– А мне он ни словом не обмолвился, что и ты придешь! Видишь, с ним нельзя было иметь дело! Кто из нас дурак? Раз спрятался, то сиди, не высовывайся, домой игрушки не носи, дочери на глаза не показывайся! Кретин! Услышал мой голос и заплакал: «Машенька, я тебя люблю, весь тут извелся!» Тьфу.

– Мама! – Нина стала раскачиваться из стороны в сторону. – Мама!

– Я его и пальцем не трогала! – заморгала Маша. – Даже приблизиться не успела, как Семен упал! Толпа его смяла. И пусть докажут обратное, кстати, кто из нас понесет заявление в милицию? И о чем? О смерти Сени? Ха!

Не в силах больше терпеть этот кошмар, я бочком выбралась из квартиры, вышла из дома и побрела к метро. Не знаю, как поступит Нина, она очень любит мать, а еще она любила папу, а Семен любил жену и

дочь, они все любили друг друга, но Маша более всего на свете любит деньги. Вся история случилась из-за любви.

У меня закружилась голова. Надо поспешить домой, обнять мопсов, погладить Рейчел и Рамика, общение с собаками успокаивает.

С Ниной и Машей я больше не встречалась, они уехали за город, а городскую квартиру сдали семейной паре с маленькой девочкой. Мы расставили в Мопсине мебель и теперь тоже обитаем на лоне природы. Я никому не рассказала о том, что случилось в конце декабря на станции метро «Пушкинская». Почему? Нет ответа на сей вопрос. Семена уже не вернуть, милиция не возбуждала дела, гибель мужчины в метро признали несчастным случаем. И потом, у меня все же теплится надежда на то, что Маша не соврала, вдруг Сеня и впрямь сам свалился с платформы? Я ведь не видела момент убийства и не могу со стопроцентной гарантией сказать: да, это Мария толкнула мужа, она хотела жить богато и счастливо, не боясь, что бандиты постучат в ее дом.

Некоторые люди считают, что слова «богатство» и «счастье» синонимы, но, простите за банальность, счастье за деньги не купишь, а жизнь и настоящая любовь даются нам даром.

Дарья Калинина

Парад наследников

Сегодняшний день выдался на редкость студеным и морозным. Но все равно на сердцах у людей было радостно и светло. Ведь это был не обычный день, а Рождество Христово – один из главных христианских праздников. Рождение Христа праздновалось по всей России с большим отрывом от всего остального христианского мира.

Но кому какое дело на Руси до иностранщины? Когда хотим, тогда и празднуем. И уж если взялись, то мы отпразднуем его, как ни чопорные англичане, ни сентиментальные немцы, ни высокомерные испанцы или шведы не умеют и никогда не сумеют. Никогда им не угнаться за шумной радостью, которая царит в этот день и на улицах, и в церквях, и в домах.

Примерно так думали раздумяившиеся от морозного воздуха люди, стоящие перед многочисленными открытыми в этот день храмами.

Однако у большой компании, которая подъехала к одному из родильных домов города на трех иномарках и длинном пронзительно синем лимузине, была сегодня еще лишняя причина для ликования. Это были друзья и родственники одной из рожениц. И сегодня, в Рождество, они не стояли на церковной службе, они приехали встречать мамочку и ее новорожденного сынишку.

К тому времени, когда кортеж остановился перед зданием родильного дома, погода улучшилась. Выглянуло солнышко – редкий гость зимой в наших широтах. И все сочли это добрым предзнаменованием.

– Видишь, даже природа нашему празднику радуется, – сказала Татьяна Владленовна – свекровь новоявленной мамочки, толкнув своего спутника в бок.

Ее спутником был отнюдь не муж. Тот пошел вместе с сыном, чтобы выяснить, скоро ли им отдадут долгожданного наследника. Место мужа в данный момент занимал молодой человек слоноподобного телосложения, однако с очень приятным и открытым лицом.

– И очень хорошо, – пробасил он уверенным голосом. – До дома добираться будет проще.

– Вечно ты, Еремущка, во всем рациональное видишь. Весь в своего дядю – моего мужа. Нет бы просто порадоваться.

– Я и радуюсь.

И молодой человек улыбнулся. Улыбка у него вышла чуточку застенчивая, но она только добавила ему очарования.

Тем временем все родственники и друзья вывалились из машин и столпились у лимузина. Он притягивал их, и было от чего. Лимузин был хорош. С красивой надписью на боку, приветствующей новорожденного младенца, он нестерпимо сверкал в лучах солнца. Все его металлические детали были начищены так, что глазам становилось больно. Не сфотографироваться на фоне этой роскошной машины было бы просто непростительно глупо.

Остальные машины тоже были недешевыми. К тому же отец новорожденного распорядился украсить их шариками, лентами и букетами живых цветов.

– Орхидеи уже подмерзли, – заметила одна гостья, поеживаясь в своей коротенькой шубке. – Надо было брать розы. А то и искусственные цветы.

Ее слова услышала Татьяна Владленовна. Породистые тонкие ноздри ее тут же гневно раздулись. И, несмотря на дородность фигуры, она так резко повернулась к говорившей, что полы ее роскошной норковой, с теплым золотистым подшерстком, шубы взметнулись и задели ближайший сугроб. Тут же поднялось облачко снежной пыли, которая осела на других гостях, но Татьяна Владленовна не обратила на это ни малейшего внимания.

– Что вы такое говорите, милочка?! – сердито обратилась она к девушке. – Мой внук будет иметь все самое лучшее. Какие еще искусственные цветы? Зачем нам традиционные розы? Мы же не нищие какие-нибудь, слава богу!

И она была права. Ни у одного человека в мире не повернулся бы язык назвать мужа Татьяны Владленовны – Виктора Семеновича – нищим. Разве что эмир Дубая мог бы слегка скривиться, когда при нем озвучили бы сумму, в которую оценивалось состояние Виктора Семеновича. Но для нашей страны, да и для всего остального мира, Виктор Семенович был очень и очень богатым человеком.

Ему принадлежал контрольный пакет акций нескольких весьма преуспевающих банков. Парочка сталелитейных заводиков на Урале. Также ему принадлежали рудники и копи, в которых добывалось сырье

для этих самых заводиков. Ну, и еще всякая мелочь вроде нескольких горнодобывающих комплексов, которые он поднял буквально с нуля, из разрухи. Он дал работу людям, построил школы, детские сады, магазины, поликлиники. Фактически Виктору Семеновичу принадлежал целый кусок Урала, который он опекал и использовал как рачительный и справедливый хозяин.

– Ну, скоро они там? – нетерпеливо спросила Татьяна Владленовна у мужа, который вышел в этот момент из ворот родильного дома.

– Да, дорогая. Идем. Пора встречать нашего внука – нашего Павлика!

И, не удержавшись, Виктор Семенович прижал к себе жену.

– Дождались, мать! – громогласно провозгласил он. – Дождались, старушка!

– Какая я тебе старушка? – смеясь, высвобождалась из его объятий жена. – Нашел старушку! Да я младше тебя на целых пять лет!

– Ну, не старушка, так бабушка, – согласился Виктор Семенович. – На бабушку ты ведь, моя кошечка, согласна?

– Это дело другое! О внуке мы с тобой мечтаем вот уже почти пять лет. А где Сережа?

– Жену ждет.

– А Павлушка? Внучек?

– Его вынесут, когда все соберутся.

– Так чего же мы ждем! – воскликнула Татьяна Владленовна. – Не могу дождаться, когда увижу нашего крошку! Идемте! Все за мной!

И гости шумною толпою устремились за ней и ее мужем. Когда они вошли, в холле родильного дома мигом стало тесновато.

– Сколько же вас тут? – недовольно пробурчал охранник, но мигом заткнулся, увидев Виктора Семеновича и его жену.

От этих двоих за версту несло огромными деньгами. Появлению их в этом родильном доме предшествовала целая история. Разумеется, Виктор Семенович мог оплатить услуги любой самой лучшей европейской клиники. Но сын настоял на этом родильном доме.

– Тут отличные врачи, – твердил он. – И Аннушка будет рядом.

– Что за чушь! Врачи не волшебники. Нужно еще оборудование, медикаменты, квалифицированный обслуживающий персонал!

– Персонал тут получше, чем в клиниках Европы. И оборудование на уровне. А все медикаменты, которые могут понадобиться, мы купим.

Сергея поддержала его жена. И старшему поколению семьи Земляковых оставалось только уступить.

– Ну, дело ваше, – пробормотал Виктор Семенович. – Но если вы мне не родите здорового внука или с ним что-то случится в этом вашем роддоме, то...

Он не договорил, но глаза его яростно сверкнули. Сергей потупился. А его жена и вовсе съежилась. Они оба знали, что нрав у Виктора Семеновича крут. С теми, кто не выполнял его распоряжений, расправа у него была короткой. Вон, и без разговоров! Сумка, улица! Это касалось работников на его предприятиях, это касалось прислуги в доме, и это же правило распространялось также и на сына с невесткой.

Сергей отлично знал, что отец буквально зациклен на внуке. Только во внуке он видел продолжение своего рода. А лучше, чтобы внуков было несколько. И все мальчики.

– Девки мне не нужны! – много раз повторял он, сидя в кругу семьи. – Хватит с меня девок. От девок никакой пользы. Вырастут, выскочат замуж, сменят фамилию, и – прости-прощай родная семья. Если и вспомнят, так только если жареный петух в жопу клонет или деньги понадобятся.

Татьяна Владленовна обычно в таких случаях кивала, а Сергей скромно помалкивал. Ему-то что? Он ведь родился мальчиком и являлся единственным наследником всего состояния Виктора Семеновича. Три его родных старших сестры были не в счет. Виктор Семенович выдал их всех замуж, обеспечив каждой солидное приданое. Но не скрыл от своих дочерей, что это и все, на что они и их мужья могут надеяться.

– Никакого наследства девки от меня не получают! Замужняя дочь что отрезанный ломоть. Была, и нету. Мужей я вам дал, приданое им за вас дал, пусть теперь ваши мужики о вас позаботятся. На то они и мужики, а вы лишь бабы. Мозгов у вас кот наплакал. Так что вам дома сидеть, хозяйство вести, детей воспитывать. Вот ваша бабская доля. Другой вам нет, и быть не должно!

И, провожая дочерей замуж, отец говорил им:

– Идите к мужьям, там ваша судьба. А в мой дом милости просим, но только в гости!

Одним словом, в огромном, построенном Виктором Семеновичем доме проживали лишь он сам, его жена, сын с невесткой и многочисленный штат прислуги, призванный обслуживать и угождать барам. На первом месте в табели о рангах стоял сам хозяин, потом его жена, сын, и на последнем месте была невестка

– Аннушка. И ей не забывали об этом напоминать.

Впрочем, девушка была настолько невозмутимой, что ее это, казалось, совершенно не волновало. Даже сегодня, когда все гости приехали встречать Аню и ее новорожденного сынишку, свекровь и свекор быстро указали невестке ее место.

– Родила – молодец! – кивнул Ане свекор. – Мальчишка здоров, за это тоже тебя хвалю! Справилась!

– Хоть какая-то от тебя польза появилась, – добавила свекровь. – Сколько ты нам нервов истрепала, вспомнить страшно! Пять лет! Целых пять лет не могла родить!

– Я старалась.

– Молчи! – тут же прикрикнул на нее муж. – Маме лучше знать!

– Я старалась, – повторила несчастная женщина.

– Помолчи! Пусть мать скажет!

– Да что там говорить! – махнула рукой Татьяна Владленовна. – Все тут знают, сколько нам внука ждать пришлось. Другие бы уж давно бесплодную прочь прогнали. Только ради тебя, Сереженька, терпели неумеху!

Аннушку передернуло. Но она, верная своей обычной привычке молчать, промолчала и на этот раз. Она взглянула на мужа с откровенной ненавистью. И со скрытой издевкой – на роскошно одетых и буквально лопающихся от торжества свекра и свекровь. Но ни Сергей, ни Виктор Семенович с женой ничего не заметили.

– Где наследник? Где наш мальчик? – волновались они.

– Сейчас вынесут!

– Сергей, деньги приготовил? – послышалось из толпы. – За наследника выкуп полагается давать!

В этот момент в дверях появилась принарядившаяся по этому случаю акушерка и торжественно провозгласила:

– Земляков Павлик! Кто отец? Получите!

Сергей шагнул вперед. Вытянул дрожащие руки и взял голубое одеяльце с зайчиками, перевязанное такой же голубой лентой.

– Мальчик!

– Павлушка!

– Наследник!

Сергей сграбастал сына одной рукой. А второй неуклюже сунул акушерке пухлый конверт с деньгами, который ему еще дома передал отец. И когда акушерка, не удержавшись, взглянула внутрь, то чуть не упала от изумления прямо на ступенях. И было от чего пошатнуться бедной женщине. Такой суммы ей не отваливали за всю ее карьеру. Да что там ей! Никому в этом родильном доме и не снилось, чтобы за ребенка заплатили столько, что можно было купить вполне неплохую новую отечественную машину.

Когда она пришла в себя и огляделась по сторонам, то ни счастливого отца, ни новорожденного, ни гостей уже не было. Все они отправились отмечать знаменательное событие в дом Виктора Семеновича.

– Заедем в церковь! – кричал счастливый дед. – Всех озолочу!

Виктор Семенович в самом деле скупил чуть ли не весь запас самых толстых свечей и начал расставлять их перед всеми иконами без разбора. Он словно опьянел от ликования. Но никто не смел его остановить или как-то иначе помешать. Миллионер желал чудить.

– Когда я родился, папа тоже так себя вел? – шепотом спросил у матери Сергей.

– Он был счастлив.

– Но...

– Он был счастлив!

И Сергей замолчал. Он с детства привык, что его родители никогда и ничего никому из детей не объясняют. Родительское слово было законом в семье Земляковых. А ведь Сергей уже вырос из коротких штанишек, и отец мог бы поговорить с ним как со взрослым, но пока что этого не случилось ни разу.

– А теперь домой! Нет, сначала на Неву! Будем делать салют!

Гости изумленно переглянулись. Был белый день. Ярко светило солнце. О каком фейерверке может идти речь?

Но оказалось, что у Виктора Семеновича все предусмотрено. Дымовые шашки с яркими хвостами разноцветного дыма взлетели высоко в небо, выделявая там немыслимые пируэты.

Вж-ж-ж! Вж-ж-ж! Взлетали ракеты одна за другой. Гости таращились вверх, изумленно перешептываясь. Вот дракон с золотым хвостом, рассыпающимся на чешуйки. Вот сказочная огромная рыба. Вот запряженная вороными конями колесница с каким-то рогатым божеством на месте возницы. Картин было много. И у упитанного Еремея, несмотря на солнечный день, от их дыма стало на душе как-то

тревожно.

– Должно быть, я просто проголодался.

Но на всякий случай Еремей огляделся по сторонам. Может быть, еще кому-то из гостей передалось его тревожное состояние? Нет, все они смотрели в небо с детским восторгом. Однако кое-что странное Еремей все же увидел. А именно, ему показалось, что невдалеке, возле ярко-красной «Ауди» с тонированными стеклами, мелькнула короткая беличья шубка, которая была на виновнице торжества – Аннушке.

– Что за... – начал изумленный Еремей, но в этот момент представление закончилось. И Виктор Семенович первым рванул к машине, таща любимого племянника под руку.

– Пойдем, племяш! Отпразднуем! По-нашему! По-русски! Двойной у нас сегодня с тобой праздник, светлое Христово Рождество и появление моего внука!

Еремей хотел напомнить, что внук у его дяди появился не сегодня, а пять дней назад. Но быстро прикусил себе язык. Дядя был не из тех, кто стал бы терпеть придирки даже от родного и любимого племянника.

В машине было шумно. Молодежь – друзья и коллеги Сергея – начала праздновать прямо в машине, где было припасено шампанское, водка, мартини и коньяк. Так что к дому все подъехали уже в изрядно веселом настроении. Быстро выгрузились. И быстро прошли за стол, потому что проголодались.

Вышколенная прислуга со всех ног бросилась обслуживать гостей.

– Горячее нам! – громогласно распорядился Виктор Семенович. – Водки! Икры! Закусок!

На столе и так не было свободного места. А слуги тащили и тащили горячие закуски. А как же иначе? Хозяин изволил пожелать горячее!

Гости набросились на поросенка, на жареного гуся с яблоками, на мясо с трюфелями и прочие деликатесы русской и европейской кухни. Не остались в стороне и холодные закуски. Они отлично пошли под разлитую по хрустальным графинам водочку. Ветчина, семужка, белые маринованные грибочки, многоги под кисло-сладким соусом, свежая зелень и многое-многое другое было на этом богатом столе.

– Тост! Отец, скажи тост за нашего внука! – воскликнула наконец разурмянившаяся от выпитой водки Татьяна Владленовна.

Виктор Семенович кивнул и обвел глазами стол и гостей. Вот его сын. Вот три его старшие дочери. Вот любимый племянник Еремушка. Нет, кого-то все же не хватало среди них.

– А где же Анька? – с набитым ртом произнес Виктор Семенович, обращаясь к сыну.

– Что?

– Жена твоя где?

– А?

И Сергей с таким изумлением огляделся по сторонам, что сразу же стало понятно: до сих пор он про жену и думать не думал.

– Наверное, с Павликом, – произнес он.

– Вовсе нет! – вмешалась мать. – Павлика я лично с рук на руки передала Маргарите.

Маргаритой звали старшую экономку в доме. Когда-то она была взята в семью, чтобы нянчить маленького Сережу и его сестер. С тех пор она тут и осталась. Маргарита жила в семье Земляковых так долго, что вполне могла сойти за родню. Собственно говоря, она и была им родней. Правда, очень и очень дальней. И помнила об этом только она сама. Земляковы помнили лишь то, что платят Маргарите деньги и, следовательно, она обязана выполнять все их капризы и прихоти.

– Маргарита! – зычно кликнула Татьяна Владленовна. – Неси Павлушку! И Анну зови!

Уже через мгновение в дверях появилась высокая, дородная женщина в чистом белом переднике, с младенцем на руках.

– Вот ваш наследничек! – со странным выражением на лице произнесла она.

– Неси его сюда! – распорядился Виктор Семенович. – Хочу посмотреть на внука!

Он отогнул вышитый уголок с одеяльца и с гордостью посмотрел на смешное сморщенное личико внука. Татьяна Владленовна наклонилась над ним.

– А нос-то! – восхищенно произнесла она. – Большой какой. Сразу видно, что парень.

– Наш нос! Земляковых!

Все тоже захотели взглянуть на ребенка. Ведь в роддоме никто его толком не рассмотрел. Еремей тоже наклонился к ребенку. Лично ему тот не показался каким-то особенно выдающимся. И никаких характерных черт, присущих исключительно Земляковым, он тоже не заметил. Ребенок был не похож ни на маму, ни на папу. Но его дед был совершенно уверен, что мальчишка – вылитая копия он сам.

– Мой внук! – с гордостью повторял он. – Моя кровь! Ну, сынок! Ну, уважил! Угодил старику! Теперь я тебя награждать буду!

Сергей подался вперед с такой готовностью, словно только и ждал этой фразы отца. Но тот внезапно замер. Отдав ребенка верной Маргарите, он оглядывался по сторонам. Наконец его взгляд остановился на сыне.

– Э-э-э! – протянул Виктор Семенович. – А где же твоя жена? Куда делась? Почему до сих пор не явилась?

– Анька? Говорю же, не знаю!

В голосе Сергея слышалось плохо скрытое раздражение.

– Где твоя жена? Зови ее сюда!

– Ну, зачем нам Анька? – взбрыкнул Сергей и тут же втянул голову в плечи, ожидая бури.

Но отец его сегодня был в благодушном настроении и поэтому только рассмеялся.

– Зови Аньку, дуралей! Как же без жены! Она с этого дня мать этого крохи!

И он ткнул пальцем себе за спину, где все еще маячила величественная фигура Маргариты.

– Марго, – обратился Сергей к своей няньке, – где моя жена?

– А я знаю?

– Но... – растерялся Сергей. – Как же? Разве она была не с Павлушей?

– Мальчика мне отдала Татьяна Владленовна. А где Анна, я понятия не имею.

Сергей поднялся со своего места.

– Пойду поищу ее, – сказал он. – Может быть, Анька прилегла.

– Пойди, сынок, – кивнула Татьяна Владленовна. – Пойди, миленький. И если Анька снова свои фокусы начнет выкидывать, мол, устала или плохо себя чувствует, ты меня зови. У меня найдется что ей сказать.

Муж одобрительно кивнул. Ни любящему свекру, ни свекрови и в голову не пришло, что женщина всего на пятый день после родов вполне имеет право почувствовать себя усталой и прилечь ненадолго в кровать, вместо того чтобы сидеть с ними за праздничным столом.

Сергей ушел. Но вскоре вернулся с вытянутым лицом.

– Ее нигде нет.

Татьяна Владленовна перестала жевать.

– Как это – нет?

– Так. Нет. В доме ее нет.

– Ты, наверное, плохо искал, – предположила мать.

– Хорошо я искал. В нашу спальню заглянул. И в ванную. Всю прислугу опросил. Аньки нигде нет.

– Что за чушь? Ничего не понимаю!

– Сам не понимаю!

– Куда же она могла деться?

К этому времени все гости стали прислушиваться к разговору за столом. Тема показалась им захватывающей. И все шумно принялись обсуждать, когда и кто видел Аньку в последний раз. Оказалось, что когда они приехали домой, то Аньки никто уже не видел. Павлушу вынесла из машины его бабушка. А матери рядом не было.

– Но в роддоме она была?

– Была! Точно была!

– А в церкви?

– Вроде бы была. Да, была!

– А на Неве?

Там Аньку тоже кто-то видел. Но вот как она садилась в машину после отгремевшего фейерверка, не мог сказать никто. И тут Еремей снова вспомнил мелькнувший рядом с «Ауди» с тонированными стеклами краешек шубки из белочки. Вроде бы Анна садилась в «Ауди».

– Что же это такое? – изумленно произнес Виктор Семенович, выслушав племянника. – Мы потеряли Аньку? Кто мог ее увезти?

– Что за чушь? – вмешалась его жена. – Анна не невеста, чтобы ее похищать.

– Серега, звони жене на трубку!

Сергей позвонил. Но трубка молчала.

– Отключено.

– Что за бред? У Аньки труба всегда в порядке!

– Значит, она ее отключила специально!

– Или... Или ее заставили это сделать! – произнес Еремей, и все изумленно уставились на него.

– Заставили? Кто заставил?

– Тот человек или те люди, которые похитили Аннушку.

– Похитили?! Похитили нашу Аню?

Теперь за праздничным столом стало необычайно тихо. И вдруг в наступившей тишине заплакал маленький Павлуша.

– О-о-ой! – заголосила Маргарита. – Бедный мальчишка! Бедный сиротка! Мамка тебя бросила!

– Заткнись! – рявкнул на нее Виктор Семенович, и Марго послушно заткнулась.

– Еще ничего не известно, – заявил Виктор Семенович. – Мы будем искать Аньку и найдем ее!

Но оптимистичный прогноз Виктора Семеновича не оправдался. Пропавшая невестка упорно не находилась. Телефон ее был отключен в течение целого часа. А затем по нему неожиданно ответил какой-то мужик.

– Алло, – пьяным голосом произнес он в трубку. – Какая, на хрен, тебе Анька? Не знаю я такой! Труба в снегу валялась. Да, именно валялась. И я ее нашел. Так что теперь она моя! А вашу симку я выкидываю, на хрен!

– Где вы находитесь? – только и успел спросить Сергей.

– На Ваське! – произнес мужик и выключил связь.

Итак, все сходилась. Похитители увезли Анну со стрелки Васильевского острова, отняли у нее телефон и выбросили его в снег.

– Увезли на той самой красной «Ауди» с тонированными стеклами, – пробормотал Виктор Семенович. – Ерема! Вспомни номера тачки!

Но Еремей номеров не помнил. Он даже не был до конца уверен, что Анна уехала именно на той самой «Ауди». Но тут вмешалась Маргарита.

– Видела я эту тачку! – пренебрежительно заявила она.

– Когда?

– Сегодня и видела.

– Где?

– Возле нашего дома.

– Что же ты молчала? – возмутилась Татьяна Владленовна.

– А че такого? Откуда я знала, что они нашу Анну поджидают! Мало ли машин по городу ездит!

– Ладно, ладно. Затараторила. Номера запомнила?

– Нет.

– Ну и иди отсюда! Чего застыла? Ребенка кормить пора!

– А чем я его покормлю? Молока у меня нету. Я вашему младенцу не мать!

– Пошли девок за сухой молочной смесью!

– Буду я еще младенца порошком пичкать!

– А у нас другой выход есть?

– Кормилицу внуку своему найдите! С вашими-то деньгами, небось, все возможно!

Виктор Семенович буквально онемел от такой наглости. Какая-то прислуга смеет указывать ЕМУ, ЕМУ! – что делать! Он уже открыл рот, чтобы призвать нахалку к порядку, но тут в дверь зазвонили.

– Кто там еще? Может быть, Анечка вернулась?

– Нет, не Анечка, – доложила Татьяна Владленовна, выглянув в окно. – Какая-то другая молодая женщина стоит.

– И что ей нужно? Татьяна, выясни.

Выяснять была отправлена одна из служанок. Она вернулась очень быстро и доложила:

– Та баба говорит, что у нас в доме ее ребенок.

– Что? – побагровел Виктор Семенович.

– Говорит, что мы украли у нее ребенка. И милицией грозитя.

Виктор Семенович взревел:

– Гоните в шею сумасшедшую!

– Она говорит, что в больнице ейного мальчишка подменили на вашу девочку. Вот она и пришла за своим дитем.

За столом повисла гнетущая тишина. Только тяжело дышал Виктор Семенович. Сергей с тревогой глянул на своего отца и поднялся с места:

– Ты слышала, что велел тебе хозяин? – рявкнул он на прислугу. – Вызови охрану и гони дуру в шею!

– Нет! – неожиданно воспротивился Виктор Семенович. – Света, приведи эту женщину сюда.

– Папа!

– Я сказал, приведите ее сюда!

Ослушаться его никто не посмел. И незваную гостью привели в столовую. На вид она была совсем

девочкой. Под глазами у нее были огромные синяки. И выглядела она так, словно в любой момент могла упасть в обморок. Но, увидев на руках у Маргариты сверток с младенцем, она кинулась к ней и сделала попытку отнять ребенка.

– Сыночек! Ромочка! – кричала она при этом. – Отдай его! Это мой ребенок! Отдай!

– Стоп! Вы кто такая?

– Наташа я! Наташа Малькова! Я из роддома к вам приехала. Мы там вместе с вашей невесткой лежали.

И это мой сын!

И женщина ткнула пальцем в сверток на руках у Маргариты.

– Отдайте! – зарыдала она. – Отдайте, я передумала! Забирайте свою девчонку, а мне верните моего мальчика. И деньги свои заберите!

– Какие деньги?

– А вот такие!

И с этими словами полоумная выхватила из-за пазухи целую пригоршню смятых долларов и кинула их прямо на пол.

– Не нужны мне ваши деньги! Ребенка верните! Ромочку!

Все гости в полном изумлении смотрели на странную женщину. Виктор Семенович был уже не багрового, а просто фиолетового цвета, словно спелый баклажан.

– Что... Что происходит? – сдавленным голосом произнес он и рванул воротник рубашки.

Пуговицы с треском полетели в разные стороны, а Татьяна Владленовна кинулась к мужу.

– Не волнуйся, дорогой! Разве ты не видишь, эта женщина безумна! Только сумасшедшей могло прийти в голову, что наш с тобой внук – это ее ребенок!

Виктор Семенович повернул голову в сторону сына:

– Сергей! Что происходит?

Сергей был бледен. И косился куда-то в сторону.

– Чей это ребенок? – требовательно спросил у него отец.

– Я не знаю. Мой.

– Ты уверен?

– Да.

Но голос Сергея прозвучал так неуверенно, что даже родная мать ему не поверила.

– Сергей! – уже строже произнес отец.

– Ну что? Что – Сергей? Откуда я знаю, кто эта баба? Конечно, она сумасшедшая!

– А вот и нет! – закричала в ответ Наташа. – Я понормальней многих буду! Это не мне идея в голову пришла. Это вам! Вам и вашей жене!

– Какая идея?

– А такая! Подменить младенцев! У вас ведь девчонка родилась. А у меня парень. Здоровенький и красивенький. Врачи ему сразу же десятку поставили. Высший балл! А ваша девчонка едва на семерочку натянула!

Это было уже слишком. Виктор Семенович вскочил со своего места и заорал:

– Что происходит?! Черт подери, Сергей! Объясни нам, кто эта баба?

– Я не знаю! Первый раз в жизни ее вижу!

– Врешь! У меня и доказательства есть! – закричала на него Наташа. – Твоя жена мне не только долларов отсыпала. Но и еще кое-что дала.

– Что?

– Медальон! Вот!

И Наташа с торжеством вытащила из-за ворота тяжелую золотую цепь с подвеской в виде медальона, чья крышечка была густо усыпана рубинами.

– Это наш медальон! – ахнула Татьяна Владленовна. – Там частица святых мощей из Иерусалима. Только... Ничего не понимаю, как он попал к этой женщине? Я подарила его Анне, когда она забеременела! Специально привезла.

– А она отдала его мне!

– Зачем?

– Вместо платы. Небось, дорогая вещица! Уникальная! Вот она и отдала его мне вместе с деньгами, чтобы я согласилась своего Ромочку обменять на вашу девчонку.

В столовой наступила тишина. Все гости осмысливали услышанное. А Наташа продолжала говорить. Тараторила она быстро-быстро, явно опасаясь, что ее в любой момент могут остановить, а то и вовсе вышвырнуть из этого богатого и чванливого дома, куда она явилась незваной-непрошеной.

– Не знаю, что на меня нашло, когда я согласилась на этот обмен. Наверное, после родов у меня в голове что-то помутилось. Опять же, отец моего Ромочки нас бросил, когда я была в середине беременности. Привезли меня в родильный дом, а я лежу и думаю: вот рожу, а куда нам с сыном потом идти? Дома ни кровати не приготовлено, ни коляски. Ни вещей детских. Ничего. Ни денег у меня, ни еды для младенца. Ведь умрем же!

– И что же?

– А тут жена его подошла ко мне! У вас, говорит, я знаю, мальчик родился. А у меня девочка. Мне девочка не нужна. УЗИ показало, что пацан будет. Родители мужа меня теперь со света сживут. Да еще и ребенок слабенький родился. Снова недовольны будут.

– И что? – хрипло спросил Виктор Семенович.

– И обменяться предложила.

– А ты?

– Ну, я два дня думала, а на третий согласилась. Уж я и не знаю, как ваш сын обмен совершил. Только все ему удалось. Небось, за деньги все купить можно. И справку, и молчание. Мне дали бумагу, что у меня девочка родилась. А вашей невестке, Анне, что у нее парень. Мой Ромочка! Вот! А теперь отдайте его мне!

И женщина снова потянулась к младенцу. Но Маргарита была начеку. И ребенка ей не отдала. Наташа залилась слезами и принялась истошно кричать:

– Отдайте! Отдайте! Отдайте!!

– Да у нее истерика, – брезгливо сморщилась Татьяна Владленовна. – Сделайте же что-нибудь!

Но Наташу удалось увести из столовой только после того, как оттуда ушла Маргарита с ребенком. Несчастная женщина пошла за ней, словно коза на веревочке, протягивая руки к свертку с ребенком. А оставшиеся принялись обсуждать сложившееся положение.

– Лично мне совершенно ясно, что эта женщина безумна.

– Да. Но откуда у нее в таком случае наш медальон?

– Украла! Украла у Анны, пока та лежала в роддоме.

– А ребенок?

– Павлуша – наш внук! Мало ли что там говорит эта ненормальная! Сами же слышали, она сказала, что у нее родилась девочка. Слабенькая и хиленькая. Небось, эта авантюристка тоже мечтала о сыне. Позавидовала, какой у нас классный парень. Вот у нее в мозгу и произошел сдвиг.

– Да, после родов у некоторых женщин крышу совсем сносит, – подтвердил кто-то из гостей. – Я об этом читал. Так и называется: послеродовой невроз или психоз.

Нашлись и другие, кто подтвердил, что такое у рожениц бывает. Не слишком часто, но все же случается. После родов обостряются психические заболевания. И некоторые женщины буквально сходят с ума. Виктор Семенович, послушав всех, слегка успокоился, отошел. Во всяком случае, цветом лица он уже не напоминал баклажан, а всего лишь походил на недозревший помидор. Вполне приемлемый цвет, говорящий о том, что он тоже постепенно успокаивается.

– И за что нам такое несчастье?! – воскликнула Татьяна Владленовна. – Что нам теперь делать с этой ненормальной? Подумать только, ведь сегодня Рождество. А она испортила нам весь праздник!

– И Аня пропала, – задумчиво произнес Еремей. – А ведь она одна могла бы объяснить, что происходит.

– А ничего не происходит! Сумасшедшую вон! А мы продолжаем праздновать.

Но едва Виктор Семенович произнес эти слова и, присев за стол, налил себе рюмку водки, как в дверь снова позвонили.

– А это еще кто?

Посланная разузнать служанка вернулась быстро.

– Мужик там какой-то, – сказала она. – С младенцем на руках. Говорит, чтобы мы забрали ребенка и заплатили бы ему за проезд. А то он целый день ждать не может. Он всего лишь таксист, а не гибридный детский сад и молочной кухни.

– Молочной кухни? – растерянно переспросила Татьяна Владленовна. – Что он имеет в виду?

– Ребенок есть хочет. Орет.

– Какой ребенок?

– Я так понимаю, которого эта сумасшедшая баба с собой привезла.

– Она оставила младенца на улице?

– Не на улице. В машине. С шофером.

– Все равно! Она ушла в дом, а ребенка оставила с незнакомым человеком?

– Да.

– Тогда она точно сумасшедшая! – решительно подвела итог Татьяна Владленовна.

Служанка нерешительно переминалась у входа.

– А что с ребенком-то делать?

– Тащи его сюда.

– А с шофером? Он денег требует! Говорит, что пассажирка обещала ему заплатить, когда вернется. И ребенка в залог оставила. Он ждал ее, ждал у себя в машине. Потом ему это надоело. И он к нам пришел.

– Господи! – вздохнула Татьяна Владленовна. – Вот еще не было печали! Ну, заплатите ему! Вон из этих денег и заплатите!

И она кивнула на доллары, по-прежнему рассыпанные по полу. Служанка подняла пару бумажек. Ушла. И вскоре вернулась с младенцем на руках. На этот раз одеяльце было совсем невзрачное, стираное-перестираное. А вместо розовой ленточки его украшал обычный медицинский бинт.

– И что мне делать с этим ребенком?

– Отнеси младенца Маргарите. Нет! Постой! Покажи мне сначала.

Татьяна Владленовна отогнула край одеяльца, взглянула на новорожденную, вздрогнула и вроде бы даже отшатнулась.

– Что, мама? – встрепелась одна из ее дочерей.

– Ничего.

Голос Татьяны Владленовны звучал странно, словно из глухого погреба. Но затем она взяла себя в руки и, обращаясь к служанке, произнесла хотя и сдавленным голосом, но все же спокойно:

– Отнеси. Отнеси ее к Маргарите. Пусть, пока мы тут думаем, она позаботится об обоих младенцах. Покормит. Перепеленает. Ну, и всякое такое. Сама понимаешь.

Та кивнула. И унесла девочку.

– Продолжаем праздновать рождение моего внука! – твердо произнес Виктор Семенович, едва служанка со свертком скрылась за дверями. – Ровным счетом ничего не произошло! Сегодня Рождество. У меня родился внук. Всем ясно? Если понадобится, я позабочусь об этой несчастной женщине и ее младенце. С голоду они не умрут. Ясно?

Все дружно закивали. И склонились к своим тарелкам. Но прежнего веселья за столом уже не наблюдалось. Всех тяготила эта ситуация.

– Не понимаю, – произнес Еремей, – если эта женщина жаловалась на бедность, то откуда у нее доллары?

И он кивнул на рассыпанные по полу деньги.

– Тут не меньше пяти тысяч долларов.

– Ну и что? Она же сумасшедшая!

– А деньги откуда?

– Возможно, что она из богатой семьи. И просто придурируется.

– По ее виду этого не скажешь. Сама она одета очень плохо. А младенец вообще в казенных вещах, что ему в больнице выдали.

– Обувь, одежда, сумка и даже стрижка – все у этой женщины очень дешевое, – задумчиво добавила Татьяна Владленовна.

Виктор Семенович открыл уже рот, чтобы призвать племянника и жену к послушанию, но не успел. В дверь снова позвонили.

– Да что же это такое! – не выдержал мужчина. – Кто там?

Оказалось, что это еще одна гостья. Но на этот раз приятная.

– Там Анастасия пришла. Ваш секретарь. Поздравить хочет.

– Настя! – обрадовался Виктор Семенович, но тут же спохватился: – Она же уезжала?

– А теперь вернулась.

– Ну так, зовите ее сюда!

– Папа, – попытался остановить отца Сергей, – зачем ты зовешь ее? И потом... Ты же сам уволил Настю!

– Много ты понимаешь! Настя отличный работник! И я ее очень ценил. Ей пришлось уехать по семейным обстоятельствам, а иначе я бы ее никогда не отпустил. Зови-зови ее!

Настя вошла стремительно. Выглядела она довольно бледной. Но умело наложенный макияж и дорогая импортная одежда сделали свое дело.

– Поздравляю вас! – хорошо поставленным голосом произнесла Настя. – Поздравляю вас, Виктор Семенович. И вас, Татьяна Владленовна. И вас, Сергей Викторович, тоже поздравляю.

Сергей лишь сухо кивнул в ответ. А вот Виктор Семенович расплылся в радушной улыбке.

– Спасибо, Настенька. Присаживайся к столу. Отпразднуй с нами рождение внука.

- Внука?
- Ну да!
- Я, наверное, что-то не так поняла. Вы хотели сказать, внучки.
- Нет, дорогая, – счастливым голосом поправила девушку Татьяна Владленовна. – Ты не ослышалась.

Именно внука!

- Внук у нас родился! Парень!
- Но...

Анастасия хотела что-то возразить, но замолчала. И лишь изумленно посмотрела на Сергея.

- Внук. Мальчик, – прошептала она. – Так вот в чем дело! Господи! А я-то думала...
- Что-то не в порядке, дорогая?
- Нет-нет! Поздравляю вас! Просто я почему-то думала...
- Что ты думала?

– Нет, это неважно! – словно отряхнулась от своих сомнений Анастасия и уже совсем другим, бодрым голосом закончила: – Поздравляю вас!

После прихода Анастасии гости недолго просидели за столом. Появились артисты, которых пригласил Виктор Семенович. Одни спели, другие исполнили несколько комедийных сценок, потом заиграла танцевальная музыка, и гости пустились в пляс. О пропавшей Ане никто и не вспоминал.

- Вот и славно, – кивал головой очень довольный Виктор Семенович. – Вот и славно! Ты не находишь? Но жена, к которой он обращался, выглядела необычайно мрачной и задумчивой.

- Что с тобой?
- Все в порядке.
- Я же вижу, что ты недовольна.
- Просто меня тревожит, куда могла деться Анна.

Виктор Семенович хлопнул себя по лбу:

- Верно! Анька! А я совсем про нее забыл! Надо ее найти!
- Заявим в милицию?

– И испортим себе весь праздник? Ты хотя бы представляешь, что тут начнется? Допустим, у меня достаточно влияния и связей, чтобы они прислали к нам хоть генерала. Но что здесь начнется? Допросы. Выяснения. Праздник будет испорчен.

- Но, возможно, девочка сейчас в руках у бандитов.
- Если бы они хотели за нее выкуп, они бы нам уже давно позвонили. Звонка ведь не было?
- Нет.
- Тогда продолжаем веселиться.

Но на этот раз Виктору Семеновичу не удалось добиться от жены послушания.

- Пойду я, – сердито произнесла она, – прилягу. Что-то у меня голова разболелась.
- Приляг-приляг. А я пока тут с молодежью погутарю.
- Пусть меня Сережа проводит.

Но, оглядев комнату в поисках сына, Татьяна Владленовна убедилась, что того и след простыл. Не было также и Анастасии. Но этот факт Татьяну Владленовну ничуть не взволновал. Девушка ей была не нужна. Ей был нужен только ее сын. У нее был к нему серьезный разговор, который она хотела бы провести без свидетелей.

- Ты не видел Сережу? – обратилась она к своей старшей дочери.
- Только что был тут.
- Если увидишь, скажи, чтобы зашел ко мне.

И Татьяна Владленовна медленно покинула празднично украшенную комнату. Но теперь ее ничто не радовало. За грудиной колело. В голове словно гудели церковные колокола.

– Господи, хоть бы не сердечный приступ! – простонала женщина, медленно бредя по коридору в направлении своей спальни. – И за что мне посылаешь такие испытания?

Проходя мимо одной из комнат, она услышала голос сына. И замерла на месте. Первым ее побуждением было войти и заговорить с ним. Но уже следующая произнесенная им фраза заставила ее передумать. Татьяна Владленовна стала чутко прислушиваться к доносящимся до нее словам.

- Настя, пойми, у меня не было другого выхода!
- Нет, я этого не понимаю. Просто не могу понять. Как ты мог так поступить?
- Да я же тебе говорю! Это у нас... У нас всех не было другого выхода. Ни у меня, ни у тебя, ни у

Анны!

- Родной ребенок! – Анастасия заплакала. – Родной ребенок! Как ты мог? Изверг!

– Прекрати истерику!
– Я согласилась на это только при одном условии, что я буду видеть, как растет и развивается ребенок. Чтобы быть с ним! А ты что устроил?
– Я все прекрасно устроил. Кто же знал, что родится девчонка? Родителям позарез понадобился пацан. Ты же знаешь, у бати на этом деле пунктик. Девчонка ему не нужна ни под каким видом!
– Какая разница?! – горячо воскликнула Анастасия. – Мальчик! Девочка! Ребенок есть ребенок!
– Разница огромная. И знаешь... Пожалуй, ты сама во всем виновата!
– Я?! – задохнулась Анастасия. – Я – виновата?
– Конечно. Если бы родился парень, то все прошло бы как по маслу. А ты родила деву!
Услышав это, Татьяна Владленовна сдавленно ахнула. И почувствовала, как ледяная рука, которая уже почти целый час сжимала ее сердце, сдавила его еще сильнее. Но двое за дверью не услышали ее тихого стоны и продолжали увлеченно спорить:
– Я ни в чем не виновата! УЗИ показывало мальчика. Я была уверена, что родится мальчик!
– Мы с Анной тоже были в этом уверены! Но у тебя родилась девчонка! Вот мне и пришлось спешно искать бабу, которая согласилась бы на обмен.
– Как ты мог?!
– Лучше спроси, сколько мне это стоило!
– Мерзавец!
– Больше пяти тысяч баксов ей отдал. Да еще Аньке пришлось медальон с шеи снять. Та баба и его захотела. Цепочка, видишь ли, там толстая. Хапуга!
– Господи! Ты продал родную дочку за пять тысяч долларов!
– Не продал, а обменял. Между прочим, на отличного пацана.
– Ты просто урод!
– Эй! Выбирай слова! Когда-то ты была совсем другого мнения о моих данных. Или ты уже забыла, как стонала в моих объятиях? Тогда ты говорила совсем другое. Тогда я был и хорош, и могуч.
– При чем тут твои физические качества? Ты моральный урод!
– Ну, дорогуша, мораль нынче дешево стоит. А если бы я бате продемонстрировал вместо здорового пацана хилую деву, то никаких денег он бы мне не дал. Чуешь?
– Так ты все это затеял из-за денег? – презрительно произнесла Анастасия.
– Конечно! А из-за чего же еще?
– Я думала...
– Что?
– Я думала, что ты меня любишь! Поэтому и разрешил оставить ребенка, когда я забеременела от тебя.
– Я тебя люблю. И поверь, мне было нелегко решиться на эту подмену. Но у нас с тобой будут и другие дети. А денег батя обещал мне только за первенца и чтобы обязательно сын!
– Твой отец – самодур! А ты... Ты просто ничтожество! Где моя девочка? Где моя дочка?
– Тише ты! Не ори! Тут твоя девчонка. В доме.
– В доме? Но как...
– Очень просто. Ее мамаша притащила.
– Ее мать – я!
– Ну, оговорился. Прости. Не настоящая мать, а та баба, с которой мы обменялись.
– О! И ты ее спрятал?
– Как бы я ее спрятал?! Та чокнутая прямо при всех приперлась! Устроила тут разбор полетов. Чувствую, у меня с родителями еще будет серьезный разговор. Вроде бы они поверили, что та баба чокнутая. Но как знать, как знать... Да, ты еще всего не знаешь!
– И что еще?
– Анька пропала!
– Как – пропала?
– А я знаю? Пропала, и все. Вроде бы видели, как ее увозили на роскошной красной «аудиохе». Ты не знаешь, кто бы это мог быть?
– Твоя жена, тебе лучше знать.
– Прямо! Жена! Она мне давно не жена. А вы с ней такие подруги! Прямо неразлейвода! Признавайся, у моей жены кто-то есть?
Анастасия презрительно фыркнула.
– А ты как думал? Конечно, есть! Или ты хотел со мной роман крутить, ребенка завести, а чтобы твоя жена сидела дома и локти бы себе кусала?

– Могла бы и посидеть. Речь о миллионах идет! Да не паршивых рублей, а долларов!

– А Аньке столько и не надо! Она мне много раз говорила, что ее вполне бы устроил маленький домик где-нибудь у моря. Счет в банке, чтобы вести безбедный образ жизни. А миллионы или даже миллиарды твоего отца ей на фиг не нужны. Не создана она для такой жизни. Тяжко ей с вами.

– Скажите, тяжело! – хмыкнул Сергей. – Дура она, вот что! Но если она все это затеяла, чтобы меня подставить, то я...

Татьяна Владленовна решила дальше не слушать. Она и так наслушалась достаточно. Ее сын затеял скверную историю. И она считала своим долгом вмешаться в нее. Толкнув дверь, она вошла в комнату. Но ни Сергей, ни Анастасия ее даже не заметили. Сергей как раз в этот момент вцепился в свою любовницу и тряс ее за плечи.

– Говори! Говори, с кем Анька удрала?

– Не скажу! Не знаю! Не было у нее никого на «Ауди». Не ее это формат!

Сергей любовнице явно не верил. И тряс ее теперь уже с такой силой, что у бедной Анастасии голова моталась.

– Говори! Все говори, что знаешь!

– Сергей!!

Голос матери заставил Сергея встрепенуться и отпустить девушку.

– Мама? Что ты тут делаешь?

Сергея явно интересовал другой вопрос. Долго ли находится в комнате его мать. И много ли ей удалось услышать. А Татьяна Владленовна гневно воскликнула:

– Нет, это ты мне скажи, что ты делаешь? Ты что натворил? Если отец узнает правду, он тебя просто убьет! Уничтожит финансово! Выкинет на улицу без всякого содержания и довольствия. Не посмотрит, что ты его единственный сын.

Сергей побледнел.

– Мама! Умоляю! Не говори отцу ничего!

– Как это – не говори? В нашем доме подкидьш! Ты пытался выдать его за своего сына. И кого?! Мальчишку с непонятной генетикой! Про его отца мы вообще ничего не знаем. А мать явно неуравновешенная особа! Сумасшедшая!

– Ты веришь, что она сумасшедшая? – обрадовался Сергей.

– Конечно! Только сумасшедшая особа может торговать своим новорожденным дитем.

– Мама! Я тебе все объясню!

– Достаточно! Теперь вопросы буду задавать я. Говори, Павлушка не твой сын?

– Нет.

– А новорожденная девочка, которая сейчас находится у нас в доме?

– Она моя, – признался Сергей. – Ее родила от меня Анастасия уже неделю назад. Ты мне веришь?

– Верю.

– В самом деле?

– У девочки очень приметная родинка у правого виска. У всех моих дочек были точно такие же. У тебя ее нет. Но у твоей дочки и моей внучки она проявилась снова.

– Мы с Аней были уверены, что у Насти родится мальчик, – быстро заговорил Сергей. – Мой сын. Мы просто хотели, чтобы вы приняли внука как родного, рожденного в законном браке наследника. От меня и от моей законной супруги.

– Ну? А что вышло вместо этого?

– Мама! Я ни в чем не виноват! УЗИ показывало, что у Насти будет мальчик. Мы вам так и сказали, что у меня будет сын. Наследник. А родилась девчонка! Хилая да слабая!

– И ты решил сбегать родную дочку, обменять ее на какого-то приبلудыша?

– А что мне было делать? Мама, ты же знаешь отца! Его принципы! Он бы не дал денег за девочку.

– Не дал бы, – подтвердила мать. – Никогда бы не дал.

– Вот! А мне позарез нужны деньги! Надоело мне плясать под папенькину дудку! Я уже вырос! Я хочу самостоятельности! А этот старый идиот...

Сергей недоговорил. Сильная пощечина, вlepенная ему материнской рукой, заткнула парню рот. Наказав сына, Татьяна Владленовна без сил прислонилась к стене.

– Молчи! Молчи, дурак! – прошептала она. – Что же ты наделал? Ты хоть понимаешь, что ты наделал?

Сергей подавленно молчал. А Татьяна Владленовна, не обращая уже внимания на все нарастающую боль за грудиной, спросила:

– А куда делась Анна?

– Понятия не имею. Честно!

– Как я могу верить твоему честному слову после всего того, что ты натворил? – грустно усмехнулась Татьяна Владленовна.

– Ну и не верь! А насчет Анны... Вот она знает! – Сергей мотнул головой в сторону Анастасии. – Знает, но не говорит! Они с Анной подруги – неразлейвода! Если кто и знает, куда делась Анька, то только Настя!

– Твоя жена и твоя любовница – подруги?

Татьяна Владленовна чувствовала, что у нее буквально подкашиваются ноги. Сколько нового она узнала за сегодняшний день о своей семье! Это просто в голове не укладывалось. Татьяна Владленовна призадумалась, как бы ей разговорить строптивую девчонку. Но Настя неожиданно заговорила сама.

– Ваш сын не знает всей правды, – глухо произнесла она. – Мы с Анной не только подруги. Мы с ней родные сестры.

– Сестры?

– Да. Могу показать свое свидетельство о рождении. И Анькино тоже. В графе «родители» у нас значатся одни и те же люди. Наши с ней мама и папа.

– Но Анна сирота! Она нам так сказала.

– Верно. Мама и папа уже давно оставили нас с сестрой и переселились в иной мир. Но это же не изменило того, что мы с Аней сестры? Верно?

Татьяна Владленовна не знала, что и сказать.

– Выходит, у меня – не внук, а внучка? И родилась она не от жены моего сына, а от ее сестры?

– Да. Все верно!

Эта коротенькая фраза почему-то показалась Татьяне Владленовне просто нестерпимо ужасной. Сердце болело так, что сил сдерживаться уже не было. Женщина схватилась за грудь и, застонав, упала на пол.

– Маме плохо! Вызывай врача!

Это были последние слова, которые слышала Татьяна Владленовна. Потом сильная боль заслонила от нее все происходящее вокруг. И она потеряла сознание.

Когда начался переполох возле захворавшей хозяйки, племянник хозяев Еремей тихо выскользнул из дома. За здоровье своей тети он не слишком беспокоился. В конце концов, он знал, что небольшой приступ вряд ли сведет Татьяну Владленовну в могилу. Приехавший семейный врач уже вколол женщине лекарство. Сделал ЭКГ и твердо поручился, что инфаркта у нее нет.

– Переволновалась, голубушка, – ласково приговаривал он, сидя рядом с больной в машине «Скорой помощи». – Но ничего. Полежите у нас в стационаре день или два. А ваше волнение, оно и понятно. Не каждый день в семье дети рождаются. Особенно мальчики, наследники. Поздравляю вас!

Татьяна Владленовна в ответ лишь молчала, что ничуть не смущало эскулапа, продолжавшего рассыпаться перед ней в любезностях.

Убедившись, что всем в доме не до него, Еремей тихо выскользнул за ворота. Холодный морозный воздух мигом отрезвил его. Он вдохнул полной грудью и быстрым шагом направился вперед. Он вышел из элитной зоны и очутился среди обычных панельных новостроек. На перекрестке возле него остановилась ярко-красная «Ауди» с тонированными стеклами. Дверь открылась. И изнутри выглянуло улыбающееся женское личико.

– Садись! – велела Еремею девушка.

Он послушно сел. И девушка порывисто кинулась к нему в объятия.

– Еремушка! Любимый мой! Наконец-то мы можем быть вместе! Ну, как все прошло? Рассказывай!

– Аня, Аня, – покачал головой Еремей. – Честное слово, ты поступила с ними очень жестоко!

– Жестоко! А они со мной как? Ты же помнишь, как они со мной обращались!

– Помню! Конечно, помню.

– Чем я больше старалась, тем было хуже! Они буквально вгоняли меня в могилу. Я похудела на двадцать килограммов. Врачи ставили мне уже дистрофию! Я едва ноги таскала. И просто чувствовала, как умираю. А им всем было на меня глубоко плевать. Если бы не ты, не твоя любовь, не твоя забота, я бы умерла!

– Сергей тебя очень любил.

– Всего два месяца. Потом увлекся какой-то танцовщицей, затем певичкой, после актриской, потом втюрился в Анастасию.

– В твою сестру?

– Вот именно. Но я уже его к тому времени не ревновала. И Настю с самого начала предупредила, что Сережа за фрукт. Только она меня не послушалась. Сказала, что если у меня не получилось удержать мужа,

то у нее получится. Ну, я и освободила ей поле деятельности. Теперь все в ее руках. А я больше так жить не хочу. Вся эта бесконечная суета Сергея, погоня за миллионами его отца... Не надо мне их миллионов! Я хочу просто жить и радоваться жизни!

– Ты же специально убежала? Да?

– Конечно. И ту бабу, с которой Сергей договорился в больнице и которой отдал свою дочку, тоже я к ним подслала. Она в самом деле чуточку не в себе. Мне было достаточно лишь немного ее подтолкнуть. И она тут же изменила свое решение и помчалась требовать своего ребенка назад.

– Так вот откуда она узнала адрес. От тебя! А я все голову ломал, кто ей сказал.

– Я! – кивнула головой Аня. – И с Анастасией очень удачно получилось. Бедная, она мне еще не верила, что Сергей подменил ее дочку на чужого мальчишку! Но я ее уговорила пойти к Виктору Семеновичу и все там своими глазами увидеть.

– Твоя месть тебе удалась. Но Анастасия в самом деле была поражена, – покачал головой Еремей. – Хотя держалась до последнего! Лишь потом уединилась с Сергеем. А затем ушла и Татьяна Владленовна. И через полчаса ее увезли с сердечным приступом.

– Так им всем и надо! – сердито произнесла Анна. – Изображали из себя царей всемогущих. Сергей у них был наследным принцем. Идеальным мальчиком. А меня его родители постоянно гнобили. Но теперь это все в прошлом. Я утерла им нос. Показала, чего стоит их драгоценный сыночек.

Еремей вспомнил, что сейчас творится в доме Земляковых по вине его драгоценной невесты, и усмехнулся. Да уж, Ане удалось сделать невероятное. Еремею и самому много раз хотелось утереть нос самодуру дяде и высокомерной тетке, которые не признавали ничьих мнений и желаний, кроме своих собственных.

Что же, справедливость наконец-то восторжествовала. И он ничуть не жалеет, что Аня ткнула заносчивых свекра и свекровь носом в ту грязь, которую они сами же и развели. Пусть теперь живут дальше, как знают. А они с Аней будут очень счастливы без семьи Земляковых и их денег.

Еремей зарабатывал достаточно, чтобы обеспечить жене и своим будущим детям вполне безбедное существование. И даже домик у моря у него имелся. Правда, не в Испании или Франции, а всего лишь на Черноморском побережье Кавказа, неподалеку от центра Сочи. Достался ему в наследство от бабушки. Но Аня уже там бывала. И маленький домик почти у самого моря одобрила.

– Мне с тобой будет хорошо и в избушке! – радостно смеясь, заверила она тогда Еремея. – А тут и вода имеется. И газ! И электричество. Да это же просто настоящий дворец! Для меня, для тебя, для нас и для наших с тобой детей. С тобой я не буду принимать контрацептивы!..

Вот в тот раз Еремей и поверил, что Анне действительно не нужны миллионы. А нужен только он сам, простой, чуточку полноватый и неуклюжий, но обожающий ее Еремей. И сердце его затопила горячая волна любви и жалости к своей невесте.

И вот спустя полгода Анина мечта сбылась. Она восстановила справедливость так, как она это понимала. И теперь была свободна. И от мужа, и от его семьи, и от своего прошлого. Они с Еремеем могли начать новую жизнь. И выбрали для этого самый подходящий день. Рождество. Праздник любви, обновления и света. В такой день хорошо начинать любое дело. А уж совместную жизнь и подавно.

Гатьяна Полякова

Человек, подаривший ей собаку

Все дело было в розе. Ярко-красный цветок на заснеженной скамейке привлек мое внимание, когда я шла через парк. Я невольно остановилась, рассматривая его, потом начала оглядываться. В общем-то ничего особенно необычного в появлении розы не было. Допустим, кто-то ждал любимую девушку, да так и не дождался. Ушел, а одинокий цветок остался лежать, точно символ чьих-то несбывшихся надежд.

Я подумала взять его, отнести в тепло, поставить в вазу, хотя, конечно, это было глупо. Цветок успел замерзнуть, а мне самой не до сентиментальных поступков и чьих-то надежд, но, несмотря на вполне здравые мысли, роза волновала и будоражила фантазию. Я сердито покачала головой и заставила себя пройти мимо. И тут заметила молодую женщину. За последнюю неделю я видела ее уже несколько раз, она неизменно привлекала мое внимание, хотя я и не могла объяснить, почему, хотя... хотя было в ней что-то, не позволявшее равнодушно пройти мимо. На вид лет двадцати семи, одета в белую норковую шубку с капюшоном, которая не могла скрыть округлившийся животик – женщина была на последнем месяце беременности. Но не это обстоятельство приковывало к ней взгляд, беременных в городе предостаточно. И не ее красота, хоть и была она удивительно красива. Наверное, все дело в ее взгляде, странном взгляде, насмешливо-спокойном, мудром, точно было ей не двадцать семь, а втрое больше, и еще печальном. Так что облик женщины как нельзя лучше подтверждал известную истину: во многой мудрости много печали.

Увидев ее впервые, я подумала: должно быть, нелегко ей пришлось в этом мире. И сама удивилась своей мысли – несчастной женщина не выглядела. Она улыбалась, а взгляд ее был устремлен куда-то вдаль, так далеко, что отсюда не увидишь. Она чего-то ждала, впрочем, это как раз ясно: ждала рождения своего ребенка. И все равно не поддавалось объяснению, почему она так заинтриговала меня, почему будоражила воображение. Женщина шла по аллее, приблизилась к скамье с одинокой розой, села на краешек, огляделась и замерла, точно ожидая кого-то. Рука в коричневой перчатке коснулась цветка, погладила замерзшие лепестки, женщина вздохнула и закрыла глаза. А я поняла: роза предназначалась ей.

Точно загнипнотизированная этой картиной, я устроилась на скамейке метрах в ста от нее, продолжая наблюдать. Минут пятнадцать женщина сидела не двигаясь, рука в перчатке закрывала бутон, теперь незнакомка смотрела себе под ноги, погруженная в свои мысли. Потом она тяжело поднялась и пошла по аллее. Лицо ее было грустным и нежным. И таким удивительно прекрасным показалось мне это лицо, что в груди вдруг защемило и захотелось плакать без всякой причины.

Женщина дошла до конца парка и вновь опустилась на скамью, взглянула на часы и сунула руки в карманы шубки. А минут через пять на аллее появился мужчина в темном полупальто с поднятым воротом – высокий, с хищным лицом и тяжелым взглядом. Он прошел мимо, мельком посмотрел на меня, а я невольно поежилась. Сердце вновь защемило, потому что стало ясно, куда он направляется. Женщина, увидев его, поднялась и пошла ему навстречу. Он обнял ее, и теперь они удалялись от меня, и я видела только их спины. В жесте, которым он обнимал ее, было что-то неприятное, что-то до того собственническое, что меня возмутило, и женщина рядом с ним показалась нереально маленькой и трогательной до слез. Они обогнули парк по кругу и вышли к стоянке, мужчина открыл дверцу «Хаммера» и помог женщине сесть в машину, захлопнул дверь, а потом сел на водительское кресло. Машина тронулась, и они уехали.

Но их исчезновение вовсе не избавило меня от мыслей о женщине и ее спутнике. Конечно, странно, что все это так занимало меня, как будто своих забот мало. Я гнала ненужные мысли прочь, но они упорно возвращались. Кто она такая, та женщина? И кто ее спутник? Муж? Любовник?

Ясно, что он богат, если раскатывает на «Хаммере», но я не могла поверить, что женщина с такими глазами способна быть с кем-то из-за денег. Тогда почему? Почему типа с суровой физиономией и жестким взглядом она предпочла тому, другому? В том, что другой существует, я не сомневалась. Он и оставил ей розу. Она любит его, а он ее, но они почему-то не могут быть вместе. «Все дело в мужчине, – подумала я с досадой. – Не зря он так по-хозяйски ее обнимал. Наверное, это ее муж, она вышла за него, а потом встретила того, другого. Мужа она просто боится, что неудивительно».

Мне стало так горько, точно не она, а я сама страдала в заточении, как птица в клетке, без надежды, без радости...

«Глупости, – буркнула я, злясь на свое разыгравшееся воображение, поднялась со скамьи и направилась в другой конец парка, взглянула на часы. – Через десять минут они должны появиться», – пробормотала я себе под нос. Дурацкая привычка, приобретенная после смерти бабушки. Около трех месяцев я почти ни с

кем не разговаривала, зато научилась беседовать с собой. Может, я чокнутая? Наверное.

Я ускорила шаги, боясь пропустить их. Но в тот день они опоздали.

Неторопливо прогуливаясь по аллее, я увидела, как открылась калитка дома напротив, трехэтажного, за высоким забором. Дом больше походил на дворец, впрочем, отсюда его особо не разглядишь, только окна третьего этажа, круглый балкон да крышу. Калитка была кованая, тяжелая. Первой появилась девушка в куртке с капюшоном, вслед за ней вышел мальчик лет трех. Впрочем, я точно знала его возраст: три года и два месяца. Знала и имя ребенка: Максим. Няню он называл Ирой. Они перешли дорогу и оказались в парке, мальчика Ирина взяла за руку, я держалась в стороне, чтобы не привлекать к себе внимания. Быстрым шагом они направились по аллее, я на значительном расстоянии шла за ними. Предосторожность совершенно излишняя, девица ни разу не обернулась.

Обобщая двухнедельные наблюдения, я могла констатировать: к своим обязанностям девушка относилась без особой серьезности. Вот и сейчас – начала болтать по телефону, как только поняла, что из окна дома ее не увидят, малыш плелся рядом, тщетно взывая к ней с каким-то вопросом. На том конце парка была детская площадка, туда они и направлялись. Площадка большая, с качелями, песочницей, засыпанной снегом, и горкой, возле которой резвилась малышня. Днем здесь всегда многолюдно, мамы из ближайших домов приводили сюда детишек. Максим сразу же устремился к горке, забрался по обледеневшим ступенькам наверх и лихо скатился вниз. Ирина устроилась на скамейке довольно далеко от горки, на мальчишку внимания обращала мало. К ней подседа какая-то дамочка, судя по всему, ее знакомая, потому что они увлеченно что-то обсуждали, теперь Ирина сидела к горке спиной. Скатившись раз десять, Максим подбежал к няне, о чем-то спросил, она кивнула, и он удалился на другой конец площадки, где ребята постарше лепили крепость из снега. Прошел час, все это время Ирина болтала с дамочкой, ни разу не взглянув в сторону мальчика. Я удовлетворенно кивнула. Все как обычно. Няня из нее никудашная. На месте родителей я бы давно ее уволила. Впрочем, те вряд ли догадываются о том, как няня с Максимом проводят время.

Кто-то из старших толкнул Максима, он упал, поднялся и приготовился реветь, а я, взглянув на скамейку, где сидела Ирина, быстро приблизилась к нему. Отряхнула комбинезон, улыбнулась и сказала:

– Не обращай внимания.

– Он нарочно толкается, – надув губы, произнес малыш. – Вот вырасту, я ему задам.

– Конечно, – кивнула я. – А пока просто держись от него подальше. Ты с кем пришел?

– С няней.

– Беги к ней.

– Нет, я лучше здесь.

– Хочешь, помогу слепить снежную бабу?

– А ты умеешь?

– Конечно. Смотри, как это делается...

Ребяточки помладше присоединились к нам, через полчаса снежная баба была готова.

– В следующий раз принесу морковку, сделаем ей нос и глаза, – пообещала я.

– Здорово, – кивнул Максим. – Ты каждый день сюда приходишь?

– Нет. Иногда. Гуляю здесь с собакой.

– С собакой? А где она? – заинтересовался он.

– Вон там, – ткнула я рукой в сторону аллеи. – Жаль, что тебе нельзя уходить с площадки, я бы вас познакомила.

– Мы быстро, – начал канючить мальчишка.

– Давай как-нибудь потом.

Я помахала ему рукой и направилась к аллее.

– А как тебя зовут? – спросил вдогонку малыш. Я улыбнулась, сделав вид, что не расслышала.

Ирина все еще болтала с подругой. Я прикинула расстояние до вереницы такси, что замерли у торгового центра. Всего-то сотня метров, за кустами дорожку почти не видно. Если повезет, я смогу сделать это завтра... Нет, торопиться ни к чему, не стоит рисковать.

Выйдя на аллею, я обернулась. Максим успел забыть про меня и теперь катал на санках какого-то карапуза. Я поравнялась со скамейкой, где недавно сидела женщина. Роза все еще была там. Оглянувшись, я расстегнула куртку и спрятала цветок на груди, сама толком не зная, зачем это делаю.

На следующий день я пришла в парк раньше обычного и сразу увидела женщину. Она обошла парк по кругу и опустилась на ту же скамью, что и вчера. На сей раз розы не было. Мне показалось, отсутствие цветка ее огорчило. Впрочем, может, я ошибаюсь. Она посидела немного, наблюдая за птицами, затем

продолжила свою неспешную прогулку, а минут через пятнадцать появился мужчина и увез ее. Как видно, это ее обычный маршрут. А вчера она ждала своего мужа в другом конце аллеи, потому что не хотела, чтобы он увидел оставленный ей цветок. И тот, другой, знал ее обычный маршрут, вот и оставил розу. Интересно, он был сегодня? Или он появляется время от времени, а вовсе не каждый день?

Видятся они хоть иногда или цветок – единственное, что он рискует себе позволить? Рискует? Наверное, так. У ее спутника очень решительная физиономия, вряд ли он потерпит соперника.

Кто он, тот другой? И почему его любимая живет с тем типом? Он боится его или есть еще что-то? И она, почему она согласилась с этим? Мужчина с женщиной уже давно уехали, а я все продолжала думать о них.

Хотя было неразумно болтаться здесь, рискуя привлечь ненужное внимание, на следующий день я опять пришла пораньше, чтобы увидеть женщину. Только я оказалась в парке, как она появилась. Сейчас с ней была собака – рыжая такса семенила с важным видом, то и дело оглядываясь на хозяйку. Прислонившись к стволу огромной липы, я наблюдала, как женщина приближается к скамейке, и тут поняла: не я одна слежу за ней. Напротив, метрах в двухстах от меня, мелькнул силуэт мужчины. Мелькнул и исчез, точно растворился в воздухе. Сердце вдруг скакнуло вниз, а я принялась осторожно оглядываться. Куда он делся? Не мог же он, в самом деле, просто исчезнуть... Он где-то здесь, за кустами, или вон за тем деревом. Взгляд мой вернулся к женщине. Она как раз подошла к скамейке. Такса бросилась вперед, достигла кустов и замерла настороженно.

– Иди сюда, – позвала женщина, и собака нехотя вернулась, то и дело оглядываясь.

Женщина достала из кармана мячик и бросила собаке. Такса неодобрительно твякнула, но за мячом все-таки побежала.

– Тебе надо худеть, – смеясь, заметила женщина.

Я осторожно обогнула скамейку по кругу и теперь оказалась за стеной кустов. И не особо удивилась, никого там не обнаружив. А потом почувствовала взгляд – кто-то из-за деревьев наблюдал за мной. «Он там, – с сильно бьющимся сердцем решила я. – Можно пройти по тропинке и увидеть его».

Я не шла, а почти бежала, но, поравнявшись с деревьями, никого не увидела, однако ощущение, что некто смотрит мне в затылок, не оставляло. «Где же он?» – в досаде думала я, возвращаясь к аллее.

Рыжая такса бросилась мне под ноги, отчаянно твякая.

– Привет, – сказала я, наклонилась, собираясь погладить собаку. Пес ловко увернулся.

– Он вредный тип, – с улыбкой заметила женщина, когда я приблизилась.

– А с виду симпатичный, – ответила я.

– Видимость обманчива, – пожалала она плечами.

– Сегодня морозно, – желая продолжить разговор, произнесла я. – Наверное, не стоит вам долго сидеть на скамейке.

– Я тепло одета, – вновь пожалала плечами женщина.

Мне очень хотелось спросить ее о розе, но я понимала: вопрос прозвучит глупо. То есть я совсем не знала, как нужно его сформулировать. Да и захочет ли она на него отвечать? И я просто сказала:

– Меня зовут Марина. А вас?

– Ольга. А этот рыжий тип – Сашка.

– Сашка? – удивилась я. – По-моему, не самое подходящее имя для собаки.

– Ага, – кивнула Ольга, как будто сама удивляясь столь необычному имени.

– Вы уже знаете, кто у вас родится? – спросила я, присаживаясь рядом.

Женщина машинально погладила рукой в перчатке свой живот и ответила:

– Девочка.

– А имя придумали?

– Анна.

Женщина улыбнулась. Теперь улыбка была насмешливой, а мне вновь очень захотелось спросить ее о розе, и вновь я не решилась.

– Красивое имя, – кивнула я.

– Да, красивое.

– Когда ваша дочка родится?

– Через несколько дней, ближе к Рождеству. Я вас здесь уже видела. Живете по соседству?

– Да. В тринадцатом доме, – соврала я.

– Учитесь, работаете?

– Учусь. Люблю приходить сюда после занятий.

Собака твякнула, привлекая наше внимание, и пропустила по аллее. Посмотрев в том направлении, я

увидела мужчину в полупальто. Он приближался к нам, а я пожалела, что не ушла раньше, испытывая странное беспокойство. Он наклонился, погладил собаку и не спеша подошел к нам.

– Это мой муж, – сказала Ольга, и я вдруг поняла, что все мои вчерашние домыслы гроша ломаного не стоят.

Мужчина кивнул мне, повернулся к жене, и выражение его лица мгновенно изменилось, теперь в нем не было и намека на суровость. Он смотрел на нее с такой любовью, с такой нежностью, что мне стало досадно за свои недавние фантазии. И в ее взгляде, обращенном к нему, была любовь. Любовь, а вовсе не беспокойство и уж тем более не страх.

– Ты не озябла? – спросил он заботливо.

– Нет, – засмеялась она.

– Лучше, если мы немного пройдемся, – мягко добавил он и помог ей встать.

– До свидания, – сказала мне Ольга, взяла мужа под руку, и они направились по аллее. Вдруг она обернулась и заметила, обращаясь ко мне: – В тринадцатом доме бизнес-центр.

Я покраснела в досаде, но не потому, что так глупо попалась. Просто Ольга была из тех людей, чьим мнением почему-то дорожишь, а сейчас она вряд ли думала обо мне хорошо.

– Тринадцатый по улице Мира, – громко сказала я. И это было правдой. Вот только болтать об этом не следовало.

Я наблюдала за тем, как они удаляются. Такса метнулась к огромной липе возле фонтана, но супруги, занятые только друг другом, не обратили на собаку внимания, а я напряженно вглядывалась, не особо надеясь увидеть того, другого, но увидела. Мужчина в серой куртке быстрым шагом направился в сторону супермаркета.

Забыв обо всем на свете, я бросилась за ним, на мгновение увидев его в полный рост: куртка с капюшоном, руки в карманах, уверенная походка. Он шагнул на проезжую часть и, ловко лавируя среди машин, перебрался на другую сторону улицы. Я хотела его догнать, но машины пошли сильным потоком, мне пришлось ждать зеленого сигнала светофора, а когда движение замерло, переходить дорогу не было уже никакой необходимости – мужчина исчез. Я досадливо чертыхнулась и все-таки побежала к торговому центру, бестолково снуг в толпе и высматривая серую куртку, потратив на это минут пятнадцать. Потом взглянула на часы и вернулась в парк.

Они опаздывали. Прошло полчаса, а Ирина с мальчиком так и не появились. Я успела замерзнуть, подумала, не заглянуть ли в кафе выпить чаю, но так и не решилась. Еще минут через двадцать я собралась уходить, поняв, что привычный распорядок дня почему-то изменился, и очень беспокоясь из-за этого. И тут калитка дома напротив открылась, на тротуар вышла женщина с коляской, потом появился Максим. Значит, сегодня Максим отправился на прогулку со своей матерью. Они перешли дорогу и оказались в парке, не торопясь двигались в сторону детской площадки. В отличие от няни, мать не оставляла мальчика без внимания. Гуляли они минут сорок, и я все это время, наблюдая за Максимом и его матерью, думала не о них, а об Ольге, хоть и злилась на себя за это.

Точнее, я думала о парне в серой куртке. Кто он? Бедный студент, безнадежно влюбленный в чужую жену? Мне очень понравилась моя догадка. Да, бедный студент, который случайно встретил ее в парке, а теперь каждый день приходит туда, прячется за деревьями, не решаясь приблизиться. Но однажды не выдержал и оставил ей розу, чтобы она знала о его любви. Мне стало очень жаль его, он представлялся мне глубоко несчастным и совершенно одиноким, таким, как я. Может, завтра мне повезет больше, и я увижу его... Повезет? Что за глупость лезет в голову? У меня есть дело, о нем я должна думать, о нем, а не о чьей-то неразделенной любви.

Максим с матерью покинули парк, и я побрела домой. Выпила чаю, потом долго сидела возле окна, не включая свет. Когда темнота сгустилась, стало ясно: я больше не могу здесь находиться. И, схватив куртку, бросилась из квартиры.

К вечеру мороз усилился, болтаться по улицам было холодно, и я пошла в кино. Оказавшись почти в пустом зале, пялилась на экран, мало что понимая из увиденного. Когда сеанс закончился, заглянула в кафетерий неподалеку, с тоской понимая, что возвращаться домой все равно придется.

Я открыла дверь, вошла в прихожую, бросила сумку на тумбочку и немного постояла, прислушиваясь к тишине. Сняла куртку, сапоги и прошлепала на кухню, не включая свет. Хотела поставить на плиту чайник – и ошарашенно замерла. За столом сидел мужчина. Свет фонаря во дворе едва доходил сюда, виден был только его силуэт, и в первое мгновение я решила: у меня глюки. Но тут он сказал:

– Привет.

Я охнула и прижала руку к груди, пытаюсь понять, что происходит.

– Вы кто? – все-таки смогла произнести я.

– Сам иногда задаюсь тем же вопросом, – усмехнулся он.
– Как вы вошли? – Я немного осмелела, хотя следовало, наоборот, испугаться еще больше.
– Это нетрудно, замок у тебя хлипкий.
– Вы грабитель? – догадалась я. И тут же зло чертыхнулась: – Нет, грабители так себя не ведут.
– Беседовать с тобой одно удовольствие, – вновь усмехнулся он. – Задаешь вопросы и сама на них отвечаешь. Если хочешь, включи свет. Удовлетворишь свое любопытство.

Я потянулась к выключателю, свет вспыхнул, а я зажмурилась и на мгновение подумала: вот сейчас открою глаза и никого не увижу. Но почему-то такой вариант очень меня расстроил. Глаза я открыла и увидела его. Мужчина сидел за столом, небрежно откинувшись на спинку стула, и смотрел на меня с ухмылкой. На грабителя он был не похож – ничего злодейского в физиономии. Симпатичный блондин с насмешливым взглядом светлых глаз. Вот только что он делает в моей квартире? Внезапно я подумала испуганно: «Что, если мои ежедневные прогулки в парке не остались незамеченными, и Сикорский прислал этого типа?» Я нахмурилась, пытаюсь решить, как мне тогда следует себя вести, и тут он сказал:

– Ну, как я тебе?
– Выглядите вполне прилично.
– Слава богу, а то я боялся тебе не понравиться.

Ясно, он попросту издевается. Но в голосе издевки не было, и улыбался он весело. Улыбка у него необыкновенная, и я, как последняя идиотка, в ответ растянула рот до ушей.

– Тебя как звать-то? – со вздохом спросил блондин.
– Марина. А вы...
– А я такой добрый, что потакаю твоим маленьким слабостям.
– Каким слабостям? – не поняла я.
– Ты же хотела меня увидеть. Ну так смотри на здоровье.

Признаться, челюсть у меня отвисла, потому что я начала понимать, кто передо мной. Только на бедного студента он был вовсе не похож. Если честно, я затруднялась представить, кем он вообще может быть.

– Вы... – промямлила я. – Там, в парке...
– Точно. Там в парке ты припустила за мной, а я был не в настроении с тобой знакомиться. Потом настроение изменилось, и я подумал: почему бы и нет?

– И пришли сюда?
– По-моему, с моей стороны это очень любезно. Или нет?
– Не знаю, – окончательно смешавшись, ответила я.
– Ты можешь сесть, – кивнул он на стул напротив. – Я не кусаюсь.
– Хотите чай? – неожиданно для самой себя предложила я. Нет, с головой у меня точно проблемы. Какой-то чокнутый вломился в мою квартиру, а я ему чай предлагаю.

– Можно, – пожал он плечами.

Я наконец-то поставила на плиту чайник, сервировала стол. Привычные движения успокаивали. Впрочем, если честно, не особенно я и боялась, просто чувство было странное – абсолютной нереальности происходящего.

Минут пять мы провели в молчании, потом я не выдержала и спросила:

– Это вы оставили розу там, в парке?

Он нахмурился, как будто мой вопрос вызвал досаду. Не отвечая на него, сказал:

– Сегодня ты с ней разговаривала.

Он не спрашивал, он просто констатировал факт.

– Да, – кивнула я.

– О чем?

– Так... – пожалала я плечами. – У нее смешной пес. Его Сашка зовут. Странно, правда?

– Чего же странного? Меня тоже так зовут.

– Вас зовут Саша?

– Ага.

– Я не слышала раньше, чтобы собаку называли таким именем.

– Уверен, ты много чего еще не слышала. Значит, ты спросила, как зовут собаку, а она ответила. Что дальше? Кстати, ты всегда пристаешь к незнакомым людям с вопросами или это был особый случай?

Я попыталась найти достойный ответ, но не преуспела.

– Просто она... я давно обратила на нее внимание, она очень красивая... очень.

– Красивая, – кивнул Саша.

– А ее муж, – продолжила я. – Он мне сначала не понравился.
– Ничего удивительного. Мне тоже. Кстати, почему «сначала»?
– Я думала, она его не любит, она с ним, потому что его боится... да, я так подумала... а любит того, кто оставил ей розу.
Саша засмеялся.
– У тебя получился целый роман.
– Да, – согласилась я. – Поэтому мне так захотелось увидеть вас.
– Мечта осуществилась. Надеюсь, ты счастлива. Вернемся к вашему разговору.
– Я спросила ее о ребенке. Девочка, у нее будет девочка. Она родится через несколько дней. Имя ей уже выбрали.
– Да? Какое?
– Анна.
Саша опять усмехнулся и кивнул.
– Потом пришел ее муж. И... и я поняла, что навывдумывала глупостей. Она его любит. Я видела, как она на него смотрит. И как он на нее.
Я вдруг испугалась, произнесенных слов, глядя в лицо Саше. Но он снова спокойно кивнул.
– Точно. Он любит ее, а она его.
– А вы?
– Что я? – удивился мой странный гость.
– Вы тоже ее любите?
– Она бы рассмеялась, услышав твой вопрос. Еще что-нибудь она говорила?
– Нет.
– Что ж, спасибо за содержательную беседу.
Саша поднялся, и я сообразила, что он сейчас уйдет. Конечно, уйдет. Его интересовал мой разговор с Ольгой, только потому он и пришел.
– Вы уходите? – пробормотала я. – Мы могли бы выпить еще чаю...
Нет, я точно сошла с ума. И вдруг поняла: если он сейчас уйдет, если уйдет...
– Ты забавная, – улынулся Саша, стоя на пороге кухни и глядя на меня через плечо.
– Просто у меня никого нет. Вообще никого. А у вас?
– Я, знаешь ли, не особо нуждаюсь в обществе. Характер скверный. Но ты принесла добрую весть, так что в знак большой признательности я готов сидеть здесь, пока тебе не надоест.
– Хотите, я вас ужином накормлю? Я хорошо готовлю.
– В следующий раз. Пока обойдемся чаем. Что ж, рассказывай... – Он вернулся к столу.
– Об Ольге?
– Ты что-то упустила?
– Нет. Но ведь вас она интересуется. Мы могли бы... поговорить о ней.
– Это вряд ли.
– Почему?
– Потому что я не часто поощряю чужое любопытство, и на сегодня лимит уже исчерпан. Лучше расскажи о себе.
– Я не знаю, что, – пожала я плечами.
– Уверен, тебе есть что рассказать, – засмеялся Саша. – Почему, к примеру, тебя так заинтересовал мальчишка?
– Кто? – похолодев, спросила я.
– Но ведь не его нянька, верно? Значит, мальчишка.
– Откуда вы... – начала я.
– Любопытство – черта распространенная, – перебил Саша. – Так чем он тебя заинтересовал? Твоим ребенком он быть не может, разве что родила ты его лет в четырнадцать. Кстати, родители твои где?
– Умерли, – буркнула я.
– Вот так взяли и разом умерли? – усмехнулся Саша.
Я хотела разозлиться, но не получилось.
– Не хочешь, не рассказывай. – Он пожал плечами.
– Папа умер пять лет назад. Не умер, его убили.
Мой гость присвистнул:
– Дела... Нарвался на шпану тихим вечером?
– Нет. У отца была строительная фирма, а еще был компаньон...

– Дальше можешь не рассказывать. Компаньон решил, что твой отец лишний, и отделался от него. Обычная история.

– Обычная? – едва сдерживаясь, спросила я.

– Не оригинальная. Такое определение устроит? Что было дальше?

– Когда отца убили, тот тип, компаньон хотел, чтобы мама подписала какие-то бумаги. Тогда бы фирма перешла к нему. Но мама отказалась. Он стал угрожать. Мама пошла в милицию.

– И что?

Я вздохнула.

– Ясно, – вновь пожал плечами Саша. – Выходит, и ее он убил?

– Она умерла от сердечного приступа.

– И теперь дядя цепляется к тебе? Ты ведь наследница?

– Нет, – покачала я головой. – Мама подписала все бумаги. Мне ничего не принадлежит, так что цепляться ко мне незачем.

– А причина? Почему мать так сделала?

Я молчала, разглядывая чашку.

– Я ведь сказал, не хочешь, не говори, – хмыкнул Саша. – Без проблем.

– Я тогда училась в школе, в восьмом классе, – неожиданно для самой себя продолжила я. – Возвращалась домой, подъехала машина, из нее вышел дядька, спросил, как проехать к вокзалу. Я ответила. Он схватил меня за шиворот и затолкал в машину. Там было еще двое. Они держали меня в погребе, связанной. Целую неделю в темноте, только пить иногда давали. Мама не верила, что меня вернут, но все равно подписала бумаги. Я тоже не верила, что отпустят. Но отпустили. У мамы еще после смерти отца начались проблемы со здоровьем. Серьезные. И то, что случилось со мной... Она хотела, она верила, что его заставят отвечать. Все знали, что это он... все же было понятно. А он сказал, что мама продала ему свою долю еще до моего похищения, а деньги отдала тем, кто держал меня в подвале. Поверили ему, а не ей. Мама не хотела смириться с этим. Поехала к нему, а он просто рассмеялся и выгнал ее. Вечером ее увезли в больницу, а через неделю похоронили. Я осталась с бабушкой. Это ее квартира. Ту, где я жила с родителями, давно продали. Бабушка умерла три месяца назад. Теперь я живу одна.

– А мальчишка случайно не сынок того самого компаньона?

– Я просто гуляю в парке, вот и все.

– Тебе сколько лет? – помолчав, спросил Саша.

– Восемнадцать.

– Учишься, работаешь?

– Училась в институте, пока была жива бабушка.

– А когда она умерла, тебя посетили мысли о справедливости, которая должна восторжествовать. В восемнадцать лет это простительно. Только киднепинг – дерьмовая штука, в чем ты сама могла убедиться. И жизнь с нее начинать точно не стоит. Возвращайся в институт и оставь мысли о мести.

– Нет у меня никаких мыслей, – разозлилась я, кляня себя за болтливость.

– В восемнадцать лет и это простительно. Эй, не злись! Мне все равно, украдешь ты мальчишку или нет, так что к ментам я не побегу. К Сикорскому тем более...

– Откуда вы знаете? – растерялась я.

– Его фамилию? Мальчишка живет в доме рядом с парком, установить фамилию хозяина дело пяти минут. Давай отвлечемся от мыслей о справедливости и поговорим о деле. О предполагаемом похищении. Если ты просто тешишь себя фантазиями, то куда ни шло. Но если всерьез задумала...

– Я же сказала!

– Посиди спокойно и послушай, – отмахнулся Саша. – Первое. Что ты намерена сделать с мальчишкой? Свяжешь и запихнешь в погреб, как когда-то тебя?

Я отпрянула, отчаянно покачав головой.

– Правильно. Тогда что?

– Не ваше дело, – отрезала я.

– Не мое, – согласился он. – И все-таки затея идиотская. Сядешь в тюрьму на несколько лет, вот и вся твоя месть. Такие игры не для дилетантов. Я даже не спрашиваю, как ты собираешься его украсть, уверен, план такой же дурацкий, как и сама затея.

– А как же справедливость? – отводя взгляд, спросила я. – По-вашему, надо прощать? Пусть живет себе, а мои родители...

– На твоём месте я бы стёрл у него деньги.

– Мне не нужны деньги.

– Зато ему нужны. Уверен, их потеря его бы очень огорчила. Или еще проще: взять и шлепнуть урода. А что? Он ведь это заслужил. Ездит он без охраны, возвращается поздно. Возле ворот непременно притормозит, там газетный киоск, спрячешься за ним, подойдешь, когда машина остановится, и выстрелишь. Дело двух минут. Потренироваться в стрельбе можно за городом. – Саша распахнул пиджак и достал пистолет из наплечной кобуры, положил на стол. – Ну так что?

Я заворожено смотрела на оружие. С трудом сглотнула и спросила:

– Вы с ума сошли?

– Похоже на то, – кивнул Саша, убрал пистолет, поднялся, подхватил куртку, которая лежала на полу, и пошел к двери. Бросил через плечо: – Удачи...

Я продолжала сидеть за столом, когда захлопнулась входная дверь.

...Она опять была с собакой. Я долго наблюдала за Ольгой, прежде чем решилась подойти.

– Здравствуйте, – сказала неуверенно.

– Добрый день, – ответила она, с любопытством взглянув на меня.

– Тот человек, что оставил вам розу, кто он? – собравшись с силами, выпалила я.

– Вчера у меня мелькнула мысль, что вас послал он, – помедлив, произнесла Ольга. – Впрочем, глупость, конечно. Такое совсем не в его характере.

– Он... он вас любит? Ответьте, пожалуйста, это очень важно для меня. Он вас любит, поэтому оставил розу?

– Я думаю, нет.

– Тогда почему... тогда кто же он?

– Человек, который подарил мне собаку, – усмехнулась она. – Терпеть не могу давать советы, да и вы вряд ли к совету прислушаетесь... Но все же скажу: от него стоит держаться подальше.

– Я видела у него оружие.

– Тем более, – кивнула она.

– Я подумала, что если он... что если он не просто так следит за вами... – решилась произнести я.

– Так вот вы о чем, – кивнула Ольга. – Не беспокойтесь, он не сделает мне ничего плохого. – Она позвала собаку и пошла по аллее, а я осталась сидеть на скамейке.

Прошлой ночью я долго размышляла над словами Саши. Наверное, он прав. Лучше всего вернуться в институт и жить так, будто ничего не случилось. Забыть про Сикорского. Только я знала, что не смогу. Он должен пережить то, что пережила моя мать. Пусть я окажусь в тюрьме, пусть, но... от своего плана я не отступлюсь, каким бы глупым он Саше ни казался.

Я все еще сидела на скамейке, когда в парке появились Максим с няней, и вздохнула с облегчением. Значит, вчера у няни был выходной, оттого жена Сикорского сама гуляла со своими детьми. Ирина окликнула женщину, идущую впереди, та обернулась, поджидая ее. Теперь они стояли и разговаривали, а мальчик побежал на детскую площадку, женщины в его сторону не смотрели. По тропинке я тоже направилась к детской площадке, оказавшись там прежде, чем появился Максим. Он взобрался на горку и съехал вниз. Ирина увлеченно что-то рассказывала приятельнице, а я шагнула от кустов и позвала ребенка, вдруг сообразив: сегодня мне невероятно повезло – площадка была пуста, только в дальнем ее конце пожилая женщина с малышом делали куличики из снега, а двое ребят постарше катались на санках. Услышав свое имя, Максим обернулся и подбежал ко мне.

– Покажешь мне собаку? – спросил весело.

– Если захочешь. Только идти довольно далеко.

Он взглянул в сторону няни.

– Давай уйдем потихоньку, пока она не видит, – вцепившись в мою руку, предложил он.

Я кивнула, и мы быстро пошли по тропинке к стоянке такси. Я напряглась, ожидая окрика, но заставила себя идти спокойно, не оборачиваясь. Мы выбрались из парка, на нас так никто и не обратил внимания. Еще не веря в такую удачу, я открыла дверь машины.

– К вокзалу, – сказала спокойно, посадила Максима на заднее сиденье и сама села рядом с ним. – На такси получится быстрее, – пояснила я мальчику, он беспечно кивнул.

– Собака у тебя большая? – спросил деловито.

– Нет, маленькая.

– Я тоже хочу собаку, но папа не разрешает.

– Он еще может передумать.

Мы обогнули парк и выехали на проспект. Никакой суеты в парке не наблюдалось – должно быть, Ирина так и не вспомнила о своем подопечном. Мы весело болтали с Максимом, водитель включил радио,

не прислушиваясь к нашему разговору. Вскоре машина затормозила, я расплатилась, сказала «спасибо», и мы направились к зданию вокзала.

– Я здесь был, – сообщил мальчик. – Бабушку встречал. Она живет в другом городе, приезжала ко мне на день рождения. Привезла мне динозавра. Тебе нравятся динозавры?

– Они кусаются.

– Мой – нет. Он добрый.

Мы пересекли холл вокзала и оказались на перроне, дошли до ремонтных мастерских и там свернули, поднялись в город и выбрались на улицу Гончарную.

– Ты не озяб? – спросила я.

– Нет. Долго еще идти?

– Как тебе сказать... Если устанешь, я понесу тебя на руках.

– Я же взрослый.

– Да. Тогда идем быстрее.

Теперь я успокоилась. Страх не было, только удивление, что все так легко прошло. Но абсолютное равнодушие Ирины и странная доверчивость мальчика почему-то тяготили. И я вдруг подумала: может, стоит вернуться назад? И разозлилась на себя за такие мысли. Я должна сделать то, что задумала.

Мы свернули в переулок, очень узкий, с односторонним движением, ни одно из окон ближайших домов сюда не выходило. Нам оставалось пройти еще метров пятьсот, когда рядом оказалась машина, резко затормозив. Две двери одновременно распахнулись, а я сразу поняла, что сейчас произойдет, и успела прижать к себе мальчика. Двое мужчин выскочили из машины, один ударил меня кулаком в лицо, я разжала руку и повалилась в сугроб, второй схватил ребенка и швырнул на заднее сиденье. Мальчик испуганно закричал, а я пробормотала глупость:

– Не бойся.

Первый тип приподнял меня и поволок к машине. Я, опомнившись, ударила его ногой в колено, понимая: моих сил не хватит, чтобы вырваться, и, успев подумать, что мужчины ведут себя неправильно, им бы следовало успокоить ребенка. Но тот, второй, тряхнул его и буркнул:

– Заткнись.

Пока я пыталась сообразить, что происходит, а заодно отбивалась, визжа, пинаясь и бестолково молотя руками, в переулке показалась еще одна машина. Черный джип влетел на тротуар и замер за моей спиной.

– Эй, полегче! – услышала я.

Кто-то схватил меня за шиворот, а парень, с которым я вела неравный поединок, охнул и с разбегу ткнулся лбом в крышу собственной тачки.

– Уходим! – рявкнул его приятель.

Мой противник быстро запрыгнул на заднее сиденье, на ходу захлопнув дверь, и машина исчезла за ближайшим поворотом. Я растерянно смотрела ей вслед, а когда повернулась, рядом с собой увидела Сашу.

– Фингал тебе обеспечен, – кивнул он на мою физиономию.

– Как вы здесь... – начала я.

– Давай поговорим в машине, – отрезал он и вернулся на водительское сиденье, а я, обежав джип, села рядом с ним. – Значит, ты все-таки сделала это, – с недовольством заметил он, разворачиваясь.

– Я... как вы...

– Глупостей не спрашивай, – перебил он. – Видел тебя в парке.

– Вы были там? – пробормотала я.

– Разумеется, был. И решил проводить тебя на всякий случай.

– Зачем? Чтобы сообщить Сикорскому?

– Я же сказал: мне по фигу, украдешь ты пацана или нет. Если честно, просто мучаюсь от безделья. Вот и развлекаю себя всякой ерундой.

– Как вы думаете, тех двоих послал Сикорский? – задала я вопрос, когда мы выехали на проспект.

– Вряд ли, – пожал он плечами.

– Тогда кто они?

– Понятия не имею.

– Мне надо знать, что происходит.

– Ничего хорошего. Но об этом стоило подумать раньше. Разве нет?

– Если это не его люди, то мальчик в опасности. Вы понимаете?

– Более или менее. Только мне-то какое дело?

– Но вы же помогли мне!

– И что? Помнится, ты хотела отомстить. Так какая разница, кто увез пацана и зачем?

– Как вы можете так говорить! – возмутилась я. – А если они... если ребенок им нужен...

– Насколько я могу судить, им были нужны вы оба – и ребенок, и ты. Но они удовлетворились им одним. Хотя твое собственное положение лучше не стало: из парка мальчика увела ты. И если парни не собираются вернуть его отцу немедленно... А они явно не собираются.

– Почему вы так уверены?

– Вели бы себя иначе. Объяснили бы мне, в чем дело, или вызвали бы милицию. А они поторопились смяться.

– Что же делать? – пробормотала я.

– Надеюсь, вопрос риторический, потому что ответа на него я не знаю. Куда тебя отвезти?

– Лучше бы вы не вмешивались, – едва сдерживая слезы, сказала я. – По крайней мере, я была бы рядом с мальчиком.

– Ну, извини. Так куда тебя отвезти?

– Понятия не имею, – честно ответила я.

Саша притормозил, и я решила, что он надумал высадить меня прямо здесь. Однако он повернулся ко мне и спросил:

– У тебя ведь был какой-то план?

– Был, – кивнула я.

– Расскажи.

– Рядом с переулком дом моей преподавательницы английского. Она ко мне очень хорошо относилась, можно сказать, мы подружились. Лариса Михайловна уехала к сестре в Шотландию. На полгода. Я приглядываю за квартирой, цветы поливаю и оплачиваю счета. Я подумала, что неделю мы с Максимом смогли бы жить здесь.

– О, господи... – простонал Саша. – Впрочем, чего ждать от такой, как ты.

– Такой, как я?

– Хорошо: от такой дуры, как ты. Что дальше в твоём плане?

– Через неделю я позвонила бы матери Максима и вернула ей ребенка.

– Просто вернула, и все?

– Да.

– Гениально.

– Целую неделю Сикорский бы не знал, где его сын, что с ним... Разве этого недостаточно?

– Не знаю. У меня нет детей, так что судить не берусь. Зато точно знаю, что максимум через сутки в доме твоей приятельницы появилась бы милиция. Представляешь, как бы обрадовалась твоя преподавательница английского, узнав, как ты использовала ее квартиру?

– Допустим, план глупый, а я дура. Может, вы подскажите, что мне теперь делать, раз вы такой умный?

Он посмотрел на меня, а я прикусила язык под его взглядом. И с тоской подумала: «Сейчас он меня точно выгонит». Однако ответил Саша спокойно:

– Я не даю советов.

– А от безделья?

Он засмеялся.

– Что ж, срывайся в бега и постарайся сделать так, чтобы тебя не нашли.

– Ничего себе совет!

– А чего ты хочешь? Деньги у тебя есть?

– Есть. На карточке. Она здесь, в сумке, и паспорт тоже.

– Отлично, тогда вперед. Могу вывезти тебя из города.

– Спасибо. Но мне это не подходит. Я должна найти мальчика.

– Ага. Сначала ты должна была его украсть, теперь найти.

– Он ни в чем не виноват.

– Естественно. Жаль, что это раньше не пришло тебе в голову. Ладно, ребенка наверняка уже ищут, кто-то непременно заметил тебя в парке. И есть еще таксист. Как только выяснится, что Максим ушел с юной красоткой, Сикорский сообразит, чьих рук это дело. И в твоей квартире появятся менты. Вполне возможно, что там еще кто-то появится.

– Кто? – нахмурилась я.

– Та самая парочка, что увезла мальчика. Тебя они намеревались прихватить с собой, значит, для чего-то ты им была нужна. Может, и сейчас нужна. Они будут тебя искать. И непременно заглянут в твою квартиру. Появляться там с твоей стороны было бы большой глупостью, так ведь от тебя умных поступков и не ждут.

– Сикорскому придется объяснить, с какой стати он решил, что мальчика похитила я.
– Он и объяснит, не сомневайся. Например, так: девица пережила стресс после своего похищения и во всем обвинила его. Просто и доходчиво.
– Значит, мне надо дежурить возле своего дома и ждать, когда они появятся. И попытаться выяснить, кто они, а потом позвонить Сикорскому.
– Он же должен был мучиться неделю.
– Прекратите! – не выдержала я. – Мальчик...
– Хорошо, пытайся. Есть еще вариант: отправиться к ментам и рассказать все как есть.
– Они мне поверят?
– А куда им деваться? Если пацана не вернут, у тебя будет время подумать о справедливости. Лет пять как минимум.
– Спасибо, что все так толково объяснили, – кивнула я. Саша усмехнулся и пожал плечами, а я вдруг выпалила: – А вы не могли бы от безделья помочь мне?
– Как ты себе это представляешь?
– Если те типы появятся, мне понадобится машина, чтобы проследить за ними. У меня есть деньги, десять тысяч долларов. Пожалуйста, помогите мне!
– Десять тысяч? Здорово, – засмеялся Саша. – Проблема в том, что мне свои деньги девать некуда.
Он завел машину, и мы поехали по проспекту. Я сидела молча, боясь взглянуть на Сашу и задать вопрос. Я не верила, что он поможет, но очень надеялась.
Мы въехали во двор моего дома. Из-за тонированных стекол меня вряд ли увидят, и все равно я сползла вниз по сиденью. Саша проехал через весь двор и приткнул машину возле гаражей.
– Сиди здесь, – сказал мне.
– А вы?
– Пойду на разведку.
Он вышел из машины и не спеша направился в сторону проспекта. Сумерки быстро сгущались, через полчаса, когда он вернулся, было уже темно.
– Не похоже, что кто-то проявил интерес к твоему жилью. – Саша достал из бардачка нечто, похожее на большой мобильный телефон, внутри коробочки что-то запищало. Видя мой заинтересованный взгляд, Саша пояснил: – Послушаем новости.
– Что это такое? – минут через пятнадцать спросила я, вслушиваясь в чужие разговоры.
– Менты переговариваются по рации.
– А как вы...
– Слушай внимательно. – Едва он успел произнести последние слова, как из коробочки раздался хриловатый мужской голос: «Пропал мальчик, три с половиной года, зовут Максим, предположительно ушел из парка на улице Мира, с молодой женщиной лет семнадцати-двадцати, в темной куртке с капюшоном... Там рядом стоянка такси, поспрашивайте у мужиков, может, кто что и видел...» Я замороженно слушала, боясь пошевелиться. Минут через двадцать Саша выключил рацию и посмотрел на меня.
– Сикорский не спешит рассказать о тебе. Хотя, может быть, родители мальчика еще не в курсе происходящего. Впрочем, вряд ли. Времени прошло достаточно, чтобы мать начала беспокоиться, а в таком случае с ее стороны было бы логичным сразу же позвонить мужу. Вот что, сидеть здесь вдвоем нет смысла. Я тебя отвезу и вернусь сюда.
– Куда отвезете? – испугалась я.
– К себе на квартиру. Или у тебя есть место получше? Дом твоей преподавательницы не годится. Ну, так что?
– Я лучше с вами здесь посижу.
– Как хочешь, – пожал он плечами.

Мы ждали часа два. Двор тонул в темноте, только возле детской площадки горел фонарь, и его света хватало, чтобы видеть дверь моего подъезда. Я начала тереть глаза, боясь, что усну. Саша время от времени слушал милицейские переговоры, тогда я сбрасывала сонное оцепенение и тоже слушала. Потом мне захотелось в туалет. Я пыталась не обращать на это внимание, по получалось плохо. Стало ясно: долго я не выдержу.

– Мне надо в туалет, – сказала я тихо.
– И что?
– Здесь недалеко кафе. Можно я сбегаю?

– Я бы на твоём месте удовлетворился гаражами. В темноте вряд ли кто увидит.

Я вышла из машины, подумала немного и побежала к кафе. Попасть в него можно было, пройдя через соседний двор. Что я и сделала.

Когда вернулась, Саши в машине не было. Поначалу я решила, что он просто меня не видит, и постучала по стеклу. И только тогда сообразила, что двигатель не работает. Бестолково топталась рядом, глядя на окна своей квартиры. Куда он ушел? Может, тоже в туалет захотел? Надо ждать...

Я томилась минут десять, пока не сообразила: вряд ли бы Саша ушел, не дождавшись меня, значит... Я бегом припустилась к подъезду, поднялась на второй этаж и замерла перед своей дверью. Позвонить? Рука потянулась к звонку, но в последний миг я ее отдернула. Осторожно толкнула дверь. Безрезультатно. В то же мгновение дверь распахнулась, кто-то схватил меня за плечо и втянул в прихожую.

– Не вздумай орать, – шепнул Саша.

В темноте я видела его силуэт. А еще что-то темное на полу.

– Идем, – Саша взял меня за руку и повел в комнату.

Глаза уже привыкли к темноте, и я успела разглядела, что в прихожей лежит человек, поджав одну ногу и вытянув другую. Окно комнаты выходило на проспект, и в ней было достаточно света.

Привалившись к дивану, на полу сидел парень, издавая какие-то булькающие звуки.

– Что... – начала я.

– Узнаешь нашего друга? – кивнул на него Саша.

Приглядевшись, я узнала парня, который ударил меня в лицо. Его собственная физиономия теперь выглядела скверно, он хватал ртом воздух, беззвучно рыдая.

– Хватит! – пнул его ногой Саша. – Пора приходиться в себя.

Парень дернулся, покосился в его сторону. Саша сел на диван, схватил парня за волосы и развернул к себе.

– От твоих ответов зависит, выйдешь ты отсюда сам или тебя вынесут вперед ногами, – сообщил он беззлобно.

– Ты кто? – прохрипел парень.

– Встречный вопрос: а ты? Давай-ка обойдемся без церемоний. Пацан жив?

Парень кивнул, а я обхватила себя руками за плечи – от страха меня знобило.

– Где он?

– Не знаю.

– Плохой ответ. Принеси-ка мне нож, – повернулся ко мне Саша.

– Зачем? – растерялась я.

– Будем ему язык развязывать.

– Слушай, придурок, ты не знаешь, с кем связался, – торопливо заговорил парень и опять захрипел, потому что Саша его ударил.

Я бросилась на кухню, только чтобы не видеть все это. Когда вернулась, парень тяжело дышал, от былой отваги мало что осталось. Впрочем, она и раньше не впечатляла.

– Последний раз спрашиваю, где пацан? – сказал Саша. – Далее придется давать письменные показания, потому что язык я тебе отрежу. Для начала. Потом еще что-нибудь. Нож особо острым не назовешь, так что извини, придется помучиться.

– Он в деревне.

– Можно поточнее?

– Деревня в двадцати километрах от города. Не знаю, как называется.

– Допустим. Но найти ее ты сможешь? Тогда пошли. И без фокусов. Мне тебя пристрелить – раз плюнуть.

Мы направились к двери, парень шел пошатываясь. Саша указал ему на того, что лежал на полу:

– Прихвати приятеля. – А затем он повернулся ко мне: – Посмотри, нет ли кого в подъезде. И вызови лифт.

Я открыла дверь и осторожно выглянула, потом прошла к лифту и нажала кнопку вызова.

Первым из моей квартиры появился парень, приятеля он волок, подхватив под мышки. За ними шел Саша. Ногой захлопнул дверь. Лифт как раз достиг нашей площадки. Саша кивнул парню, тот, затачив в лифт друга, вышел, а Саша нажал кнопку девятого этажа. Лифт пополз вверх, а мы быстро покинули подъезд и направились к машине. Саша достал из-под сиденья наручники, сковал руки парня за спиной и усадил его на переднее сиденье. Я села сзади.

– Говори, куда ехать.

– В сторону Пичугина, сразу за лесопилкой сворачивай направо.

Саша, словно нехотя, ударил парня по шее, голова его свесилась на грудь. До самого Пичугина признаков жизни парень не подавал. Я, кстати, тоже. Происходящее не укладывалось в моей голове. «Главное сейчас – найти Максима», – утешала я себя. Свернув, Саша притормозил и легонько похлопал парня по щекам.

– Очухался? Говори, куда ехать дальше.

Тот с очумелым видом начал оглядываться.

– Там должен быть еще поворот.

Свет фар вырвал из темноты едва приметную дорогу, по ней мы ехали несколько минут. Наконец показались черные силуэты домов.

– В деревне жители есть? – спросил Саша.

– Только летом. Крайний дом с той стороны.

Дорога шла дальше, минуя деревню, впереди отчетливо виднелся свежий автомобильный след. Значит, они действительно привезли мальчика сюда, парень не обманул.

Подъехать к дому из-за сугробов было невозможно. Мы вышли из машины и, проваливаясь в снег, направились к крыльцу. Парень кивнул на верхнюю ступеньку.

– Ключ под ней.

– Посмотри, – приказал мне Саша.

Я сунула руку в отверстие сбоку и нащупала ключ, он висел на гвозде. Открыла дверь, руки не слушались то ли от холода, то ли от страха. Мы вошли в дом.

– Он вон там, – мотнул головой парень, указывая на дверь.

Она была заперта на щеколду. Я торопливо распахнула дверь, сердце стучало где-то в горле.

– Выключатель слева, – буркнул парень.

Саша протянул руку, и вспыхнул свет. В крохотной комнатке без окон, на кровати с голой панцирной сеткой лежал Максим, свернувшись калачиком, рядом стоял допотопный обогреватель.

Я бросилась к ребенку. «Господи, он же замерз!» – в ужасе подумала я. Максим открыл глаза, посмотрел на меня и заплакал.

– Нужно вызвать «Скорую», – пробормотала я.

Саша подхватил ребенка на руки и вынес из комнаты.

– А ты здесь отдохни, – бросил он парню и запер дверь на щеколду.

В машине Саша включил печку и стал раздевать мальчика, буркнув мне:

– Пошарь под сиденьем, там должна быть бутылка водки.

Бутылку я нашла, и мы вдвоем начали растирать ребенка.

– Я домой хочу, – сказал Максим.

– Прости меня, пожалуйста... – заревела я.

– Нашла время! – укоризненно покачал головой Саша. – Заверни его в куртку. Я сейчас вернусь...

Он ушел в дом, а вернулся минут через двадцать. Максим дремал, прижавшись ко мне, я то и дело щупала его лоб, не зная, что еще могла бы сделать. Саша принес горячей воды.

– Извини, что так долго. В доме есть плита с газовым баллоном, большая удача. Пои пацана с ложки, понемногу.

– Его надо к врачу.

– Мальчишка просто напуган. Расскажи ему сказку, в конце концов. А мне надо поговорить с этим типом.

– Я боюсь оставаться в машине. Вдруг кто-то...

– Черт, – пробормотал Саша. – Придется тащить его с собой.

Он опять ушел, а вернулся вместе с парнем. Мы выехали на дорогу и направились к городу. Не доезжая до Пичугина, Саша остановил машину. Повернулся ко мне.

– Как пацан?

– Спит, – вздохнула я. – Мы должны...

Но Саша меня уже не слушал.

– Очень коротко поведай нам о своих подвигах, – сказал он парню.

– Что? – не понял тот. Перед тем как тронуться с места, Саша ударил его в очередной раз, так что соображал он не очень.

– Увезти мальчишку было вашей идеей или надоумил кто?

– У его папаше денег куры не клюют. Вот и решили...

– Отлично. От кого о папаше узнали?

– Ни от кого.

– То есть шли себе мимо, вдруг навстречу ребенок, а на нем написано: сынок богатого папаши.

– Ну, мы слышали про его отца.

– От кого?

– Да чего ты пристал? Не знаю. Идея была Серегина, но ты его пришил, так что...

– Значит, идея Серегина. Хорошо. Девчонка вам зачем понадобилась?

– Так мы ее давно приметили, она в парке крутилась. А сегодня пацана увела. Похищение бы на нее свалили, а мы чистенькие.

– Разумно. За ней вернулись, потому что она вас видела?

– Конечно.

– А адрес ее...

– Так мы ж за ней проследили, еще в прошлый раз.

– Я так понимаю, возвращать пацана отцу вы не планировали. Его и девчонку в расход, срубили бы бабки – и в бега. А менты бы еще долго похитительницу искали.

– Если б заплатил, вернули бы. Не ее, его. Слушай, у мальчишкиного папаши денег больше паровоза. Можем взять, сколько захотим. Он раскошелится.

Я испуганно замерла, но Саша покачал головой.

– Не пойдет.

– Да ладно, я что, не понял, кто ты?

– А кто я? – удивился Саша.

– На благородного героя не больно-то похож. И уж очень ловок. Опыт большой?

– Не жалуюсь. И насчет героя в самую точку. Значит, идея Серегина, а ты так, на подхвате. Знать ничего не знаешь.

– Не знаю. Я в город вернулся два месяца назад.

– Откуда вернулся, с зоны, что ли?

– С зоны, – буркнул парень.

– С Серегой там познакомился?

– Ага. Встретились, он мне и предложил выгодное дельце. Так что ничего я не знаю, хоть убей.

– За это не переживай.

Тут зазвонил мобильный, Саша достал его из кармана, а парень насторожился.

– Ответь, – сказал ему Саша, протягивая мобильный.

– Зачем? Сереге же звонят.

– Так ведь Серега ответить не может, придется тебе.

Саша нажал кнопку и вновь сунул парню телефон. В тишине я отчетливо услышала мужской голос:

– Вы где?

– Мы это...

– Она не появлялась?

– Нет.

Дальше пошли гудки.

– А ты отвечать не хотел, – попенял Саша. – Кто звонил-то?

– Серегин приятель, – проворчал парень.

– Значит, есть еще и приятель? Выкладывай все, что о нем знаешь.

– Ничего я не знаю. Мне Серега даже имя не называл. И номер скрыт, ты же сам видел.

– Ага. Значит, доверительной беседы у нас не получилось... Ладно, давай пройдемся.

Саша вышел из машины и выволок сопротивлявшегося парня, я зажмурилась и крепче прижала к себе спящего Максима. Вернулся Саша минут через десять. Один.

– Вы убили его? – прошептала я. – Как того, другого?

– На что он теперь нужен? – заводя машину, ответил Саша. – Оставь я его в живых, проблем не миновать. А они мне ни к чему.

– Ужас какой... Не знаю, кого мне бояться больше. Может быть, вас?

– Я тоже не знаю.

Вскоре мы въехали в город. В спальном районе Саша остановил машину возле облезлой пятиэтажки.

– Мальчика надо отвезти в больницу. И позвонить родителям, – сказала я.

– Ты можешь так и сделать. Но я бы на твоём месте не спешил. Разумнее для начала понять, что происходит. Тот мужик непременно еще позвонит. Ну так что, отвезти вас в больницу?

– Хорошо, – неуверенно ответила я, – дождемся звонка.

Саша приткнул машину на стоянке, взял Максима на руки и пошел к подъезду. Я бежала следом.

Квартира была однокомнатной и выглядела какой-то нежилой.

– Вы ее снимаете? – спросила я, оглядываясь.

– Какое тебе дело? В холодильнике полно продуктов, приготовь что-нибудь. Напои пацана сладким чаем и уложи спать.

Мне было не до еды, но Максима чаем я напоила и устроила на диване. Он тут же уснул. Состояние ребенка меня беспокоило, и я устроилась рядом с ним на полу. Саша, сидя в кресле, читал газету, положив на стол по соседству телефон.

– Можно включить телевизор? – спросила я. – Посмотрю новости.

– Валяй.

Я убавила звук до минимума, чтобы не потревожить Максима. Ничего о похищении в новостях не сказали. Зато я увидела мужа Ольги. Он привез в детский дом подарки к Новому году.

– Если не трудно, переключи канал, – буркнул Саша. – Сил нет видеть эту рожу.

– Кто он? – спросила я, кивнув на экран.

– Ты же слышала: выдающийся бизнесмен. На самом деле обыкновенная сволочь. Впрочем, я не лучше. Телевизор я выключила.

– Ложись спать, – сказал Саша, – он может перезвонить утром.

И тут мобильный ожил. Саша не спеша взял телефон и удовлетворенно кивнул.

– Очень рад твоему звонку, – сказал он в трубку насмешливо.

Я перебралась ближе к нему, чтобы слышать, что скажет мужчина.

– Кто ты? – спросил тот.

– Какая разница? Пацан и девчонка у меня. Давай поговорим.

– Чего ты хочешь?

– Денег, естественно.

– Ясно. – Мужчина замолчал, Саша терпеливо ждал.

– Парни живы? – вновь услышала я.

– Нет.

– Я заплачу миллион.

– Долларов?

– Ты что, спятил? Миллион рублей, если убьешь ребенка и эту девку. Хорошие деньги. Ну так что?

– Годится. Только деньги вперед.

– По-твоему, я идиот?

– А я кто, по-твоему?

– Хорошо. Половину вперед, потом остальное. Идет?

– Согласен. – Саша поднялся из кресла и направился в прихожую, произнеся на ходу: – Давай поговорим о том, как ты передашь мне деньги.

Я сидела, похолодев, не зная, что предпринять. Открыть окно и позвать на помощь? Или попытаться добраться до телефона и позвонить в милицию? Мой мобильный в сумке, а сумка в прихожей. Домашнего телефона в квартире нет.

Саша вернулся в комнату, а я все сидела на полу, не в силах пошевелиться.

– Что это ты так побледнела? – усмехнулся Саша.

– Вы нас убьете?

– С какой стати? Деньги мне не нужны.

– Слушайте, кто вы? – не выдержала я, хоть и знала, что он не ответит.

– Ты уже спрашивала, – только и буркнул Саша. – Завтра в 12.00 он оставит деньги в ячейке камеры хранения на вокзале. Сам вряд ли приедет, но кто-то их принести должен. Мне придется отправиться туда рано утром. Так что давай спать.

– Откуда мне знать, что вы говорите правду? Откуда мне знать, что вы не убьете нас?

– Входная дверь легко открывается с этой стороны. Ты можешь уйти сейчас или утром. Мне все равно. Ты поняла? Пацана хотят убить, – вздохнул он, точно злился на мое скудоумие. – Предположим, вернешь его родителям прямо сейчас. Но тогда выяснить, что за тип звонил, будет затруднительно, а мальчишку, вполне возможно, убьют через месяц или два.

– Я не знаю, как следует поступить, – честно призналась я.

– Если не знаешь, то просто делай то, что тебе говорят. Сейчас ложись спать, а завтра постарайся не наделать глупостей до моего возвращения.

Утром меня разбудил Максим. Он тихо плакал, лежа рядом со мной на диване. Я стала его утешать,

обещала, что вскоре он поедет домой. Он вспомнил про собаку, и мне было очень стыдно в очередной раз врать ребенку. Если бы я все могла вернуть назад... я бы никогда... Неужели я всерьез думала, что смогла бы держать его взаперти неделю? Дважды я брала в руки телефон, намереваясь звонить Сикорскому, и только слова Саши, сказанные вчера, меня остановили. Я ненавидела себя и презирала. А еще я очень боялась. Боялась допустить очередную ошибку, боялась Сашу и боялась звонить в милицию. Пытаясь отвлечься от мыслей, я покормила ребенка, и мы стали рисовать бегемотов, найдя в тумбочке пожелтевшие листы бумаги и авторучку. Потом смотрели мультфильмы, играли в прятки, ползали по полу, изображая динозавров. Мальчик заметно успокоился, дурачился и вроде бы забыл о родителях. Его доверчивость причиняла мне боль, и я придумывала все новые и новые игры, чтобы заглушить ее.

Мы пообедали. Максим уснул, утомленный нашей возней, а я взглянула на часы. Саше давно пора вернуться. Я подошла к окну и осторожно выглянула. Дети во дворе лепили снежную бабу. День был солнечным, морозным, и я вдруг поняла, как теперь далека моя прежняя жизнь. А еще поняла, какой я была дурой, не ценя ее. Обычной жизни, с обычными радостями. Я стояла и плакала, пока в тишине квартиры не хлопнула входная дверь.

Саша сбросил куртку, заглянул на кухню, увидел меня и сказал:

– Вы все еще здесь.

– Да. Я хотела позвонить Сикорскому, но так и не решилась.

– Пацан спит?

– Да.

– Прогуляемся, тут недалеко телефон-автомат. Позвоним папаше.

– Мне бы не хотелось оставлять мальчика одного.

Саша пожал плечами, подхватил куртку, направляясь к двери. Я шагнула за ним.

– Если мы недолго...

Я решила, мне следует самой поговорить с Сикорским. Но когда мы оказались возле телефона-автомата, Саша потянулся к трубке. Я стала диктовать ему номер, однако он, судя по всему, уже знал его.

– Геннадий Викторович, – заговорил Саша, – ваш сын у меня. – Затем он сделал паузу, выслушал ответ, а потом повесил трубку.

– Что Сикорский сказал? – нахмурилась я.

– Обещал много денег и счастья, если я верну мальчика.

– Так почему вы...

– Не все так просто, – вздохнул Саша, разглядывая снег у себя под ногами.

– Не понимаю.

– Я пока тоже. Вот что, возвращайся домой, а я отлучусь ненадолго.

Он проводил меня до дома и уехал.

Вернулся Саша уже вечером, в руках у него была коробка и штук пять пакетов. Максим приблизился к нему и спросил:

– Ты чего принес?

– Сейчас увидишь, – подмигнул он.

Странно, но ребенок его совсем не боялся. Впрочем, как выяснилось, Максим на редкость доверчив. Сбросив куртку, Саша открыл коробку, и мы увидели елку.

– У меня дома тоже есть елка, – серьезно заметил мальчик.

– А теперь и здесь будет. В пакете игрушки. Пока я приму душ, вам надо елку нарядить.

Саша посмотрел на мою растерянную физиономию и улыбнулся.

– Сегодня Новый год. Ты что, забыла?

– Новый год... – пробормотала я и хотела зареветь, но вместо этого рассмеялась.

Вместе с Максимом мы поставили елку в комнате возле окна и стали украшать ее игрушками. Их было немного, но елка все равно выглядела нарядной.

– Здорово! – кричал Максим, прыгая на одной ноге.

Я вернулась в прихожую за пакетами – в них лежали сладости и бутылка шампанского. Я бросилась накрывать праздничный стол, забыв о своих недавних тяжелых мыслях. Сейчас главным было успеть все закончить к Новому году. Максим помогал мне, хотя на самом деле мешал, конечно. Но я была ужасно рада – мальчик весел и доволен, так что его беготня по кухне отнюдь не раздражала.

В одиннадцать мы сели за стол, включив телевизор. Максим уже клевал носом и начал капризничать. Едва дождавшись боя курантов, я стала укладывать его в постель. Саша в это время вышел на кухню. Когда я появилась там, он стоял у окна, как я недавно. Во дворе запускали петарды, весело крича и смеясь.

– Вы правда нам поможете? – спросила я.

- Правда, – кивнул он, не поворачиваясь.
- Вы думаете о ней, об Ольге? – помедлив, опять спросила я.
- Он повернулся, хмуро посмотрел на меня и сказал:
- Эй, не вздумай в меня влюбиться. Плохая идея.
- Я и не собиралась, – фыркнула я.
- Вот и хорошо. Иди телевизор смотри.
- А почему идея плохая? – всё-таки не удержалась я.
- Тебе мало того, что ты уже видела?
- Не знаю. То есть я не знаю, что должна думать о вас.
- Ничего хорошего, я полагаю.
- Ольга советовала держаться от вас подальше.
- Правильно советовала. И я не очень-то нуждаюсь в чьей-то любви.
- В ее тоже? – Он не ответил, а я опять спросила: – Этот ребенок ваш? Ее ребенок?

Он вздохнул.

– Нет. И женщина не моя, и ребенок не мой. А ты задаешь очень много вопросов, что действует мне на нервы.

- Когда мы вернем мальчика? – в свою очередь вздохнула я.
- Завтра. Надеюсь, что завтра.

Проснувшись утром, Сашу я в квартире не застала, и его отсутствие вызвало щемящую тоску. Я бродила по квартире, пока Максим не поднялся. В суете несколько часов пролетели быстро, а потом вернулся Саша.

- Одевай пацана, мы уезжаем.
- Куда? – испугалась я.
- Ты же хотела вернуть его родителям?
- Мы поедем к Сикорскому?
- Встретимся на нейтральной территории.

Через полчаса мы уже были в машине. Город остался позади, мы свернули к загородному парку.

- Погуляйте здесь, – сказал Саша, – а я осмотрю. Терпеть не могу сюрпризов.

Он уехал, а мы остались на лесной полянке неподалеку от лыжной базы. Саша отсутствовал довольно долго, и мы с Максимом бегали наперегонки, чтобы не озябнуть. Вдруг меня посетила мысль, что Саша уехал навсегда, и я его больше не увижу. И от этой мысли стало так больно, что я плюхнулась в сугроб, собираясь реветь. Максим, думая, что я дурачусь, стал бросать в меня снег, весело хохоча, от чего плакать хотелось еще больше.

А потом я услышала шум двигателя и поспешила вытереть слезы. Подъехав, Саша распахнул дверь джипа, крикнул:

- Садитесь быстрее!

Я забралась в машину, держа Максима на руках. Мы направились в сторону кладбища, на втором повороте свернули и впереди возле указателя увидели ярко-красную машину, а рядом с ней женщину. Заметив нас, она замерла, а потом кинулась нам навстречу.

- Мама! – закричал Максим.

Я осторожно опустила его на дорогу, и мальчик побежал к матери. Я думала, Саша сразу же уедет, но он чего-то ждал, наблюдая за женщиной. Та, держа сына в объятиях, испуганно смотрела в нашу сторону.

- Идем, – позвал Саша и выбрался из машины. Я пошла за ним.
- Женщина, все еще держа сына на руках, взглянула на меня с изумлением.
- Я вас знаю, – сказала она хрипло. – Вы ведь дочь Светланы Петровны?

Я кивнула, отводя взгляд.

- Ничего не понимаю. Вы объясните, что происходит? – теперь жена Сикорского обращалась к Саше.

– Но сначала у меня к вам тоже есть вопрос, – кивнул он. – У вашего мужа проблем с головой не наблюдается?

- Я не понимаю, – нахмурилась женщина.

– Я тоже, оттого и спрашиваю. По-моему, он спятил. Как еще можно объяснить тот факт, что он хотел убить собственного ребенка?

А мне показалось в тот момент, что спятил Саша – так нелепо прозвучали его слова. Женщина замерла, а потом вдруг заикаясь заговорила:

- Максим не его ребенок. Но он... обещал мне... клялся... Мой муж... вы ведь знаете, что он сделал с

вашими родителями... – повернулась она ко мне. – Я хотела от него уйти, но я боялась. И он обещал, что Максим... Какая я дура! Как я могла поверить, что он способен простить... Это действительно он, вы уверены?

Саша не ответил, повернулся и пошел к машине.

– Подождите! – крикнула женщина. – Ради бога, подождите! Что мне теперь делать?

– Вот уж не знаю, – буркнул Саша.

– Он не даст мне развода, он... Вы спасли моего сына и теперь не можете просто взять и бросить нас!

– От безделья я на многое способен, – развел руками Саша. – Но возиться с чокнутыми бабами вовсе не предел моих мечтаний.

Он сел в машину, и я едва успела юркнуть на заднее сиденье, прежде чем джип сорвался с места.

– Неужели это правда? – тихо спросила я.

– Что?

– Сикорский хотел убить мальчика?

– У меня в том сомнений нет. На вокзале я видел типов, которые с интересом наблюдали за ячейкой. А когда им надоело, они прямоком отправились в контору Сикорского. Кстати, компаньон твоего отца обыкновенный бандит, и твоему отцу следовало бы знать об этом. Кое-какие сомнения у меня все-таки оставались, но после звонка Сикорскому рассеялись. Голос! Голос типа, что звонил нашим друзьям, и голос Сикорского подозрительно похожи. Дальше совсем просто. Я позвонил дамочке и предложил встретиться, предупредив, что если она расскажет о моем звонке кому-либо, в том числе мужу, ребенка не увидит.

– Что же теперь с ними будет? – пробормотала я.

– Понятия не имею. Мужей, как и любовников, следует выбирать осмотрительно. Учти на будущее. Кстати, менты так и не проявили к тебе интереса. Должно быть, Сикорский о тебе помалкивал, что неудивительно. Пока ты жива, их интерес к твоей особе ему совсем не выгоден. В некоторой ловкости Сикорскому не откажешь. Заметив, что ты зачастила в парк, он сообразил, как этим воспользоваться. Если бы его план удался, никто бы никогда его не заподозрил, тем более жена. Всё бы на тебя списали... Ты вполне можешь вернуться домой, но я бы на твоём месте не спешил. Неизвестно, что предпримет дамочка и как на это отреагирует ее муженек.

– Можно я пока побуду у вас? – помолчав, спросила я.

– Без проблем.

Мы вернулись в квартиру. Без Максима она показалась опустевшей и совсем чужой. Саша устроился на диване, прикрыл лицо согнутой рукой и вроде бы задремал. Я осторожно села рядом.

– Я же сказал, плохая идея, – буркнул он.

– Просто я...

– Просто делать глупости ни к чему. Даже от безделья.

Я почувствовала, как мое лицо заливает краска стыда, и выскочила на кухню.

Мы были вместе еще два дня. Впрочем, большую часть времени я была одна, Саша возвращался под вечер, листал газеты или смотрел телевизор, а потом ложился спать. А я с ужасом ждала той минуты, когда мне придется уйти отсюда.

Четвертого января он вернулся часов в пять, что меня удивило, а потом напугало, хоть я и не могла объяснить причину своего страха. Саша пил чай на кухне. Я вошла, прислонилась плечом к стене, наблюдая за ним, и спросила:

– Вы были в парке? Видели ее?

– Нет, – покачал он головой. – Ее еще вчера отвезли в клинику.

– В клинику? Что-нибудь случилось?

– Случилось. Родилась девочка, три килограмма четыреста граммов. Я не очень в этом разбираюсь, но вроде бы все прекрасно. Все счастливы.

– И вы?

– Я больше всех. Ладно, мне пора.

– Куда? – растерялась я.

– Мир большой, – пожал он плечами.

– Вам важно было знать, что ребенок родится, что с Ольгой все в порядке, а теперь...

– А теперь можно в жаркие страны, где всегда светит солнце и нет проблем. За квартиру заплачено до конца месяца, если хочешь, живи здесь. Надумаешь уйти, дверь захлопни, а ключи оставь на тумбочке. Хозяйка появится первого февраля.

Он надел куртку, взял сумку с документами и шагнул к двери, а я, стиснув руки, попросила:

– Возьми меня с собой.

– Ну вот, – вздохнул он, не глядя на меня. – Всегда одно и то же.
– Пожалуйста...
Он повернулся, покачал головой и добавил мягче:
– Нет. Дело не в тебе.
– Не во мне? А в ком? В Ольге?
– Ох ты господи, – опять вздохнул он. – Во-первых, я тебе в отцы гожусь.
– Ну и что?
– Во-вторых, говоря откровенно, я не любитель юных прелестниц с дурными идеями. Извини. – Он усмехнулся: – На самом деле у меня нет желания калечить твою жизнь. И собственной вполне достаточно.
Он распахнул дверь и ушел. А я осталась.

Через два месяца я опять увидела ее. Два месяца я ждала этой встречи и каждый день приходила в парк. Иногда мы виделись с Максимом, он по-прежнему гулял здесь, но теперь только с матерью и младшим братишкой. Ирину после того случая уволили. А вот с мужем Сикорской разводиться не пришлось. Четвертого января он возвращался домой на машине, возле ворот притормозил, неизвестный вышел из-за газетного киоска и дважды выстрелил. Оба выстрела оказались смертельными. Я узнала об этом из газет. Через два дня после отъезда Саши, вернувшись домой. С Сикорской убийство ее мужа мы никогда не обсуждали, и о Саше она не спросила ни разу, но в ее взгляде, который я иногда ловила, читался невысказанный вопрос, а еще догадка. При встрече мы обычно молчали, но, наверное, думали об одном и том же. Впрочем, возможно, мне так только казалось.

Два месяца я ждала Ольгу, сама толком не зная, на что надеюсь. И вот наконец увидела ее. Сначала Сашка выскочил из кустов прямо мне под ноги, а через минуту на аллее появилась Ольга. Она шла неторопливо и аккуратно везла детскую коляску, не сводя глаз со своей малышки. Женщина казалась такой счастливой, что мне вдруг стало обидно. Не за себя, за Сашу.

Я пошла ей навстречу и, поравнявшись, сказала:

– Здравствуйте.

– Привет, – ответила она, приглядываясь ко мне.

– Это ваша дочка?

– Да. Анечка.

– Вы давно здесь не появлялись.

– Рядом с нашим домом тоже есть парк. Как ваши дела? – спросила она. Наверное, из вежливости, потому что я стояла и глупо таращилась на нее.

– Учусь в институте. Хотела бросить, но передумала.

– Что ж, удачи вам. – Женщина улыбнулась и продолжила свою прогулку, помахав мне рукой.

– Ольга, – позвала я. – Саша... кто он?

Она повернулась, пожала плечами и ответила:

– Человек, который подарил мне собаку.

Примечания

См. роман Татьяны Гармаш-Роффе «Расколотый мир», издательство «Эксмо».

Название придумано автором, любые совпадения случайны. (Прим. авт.)